

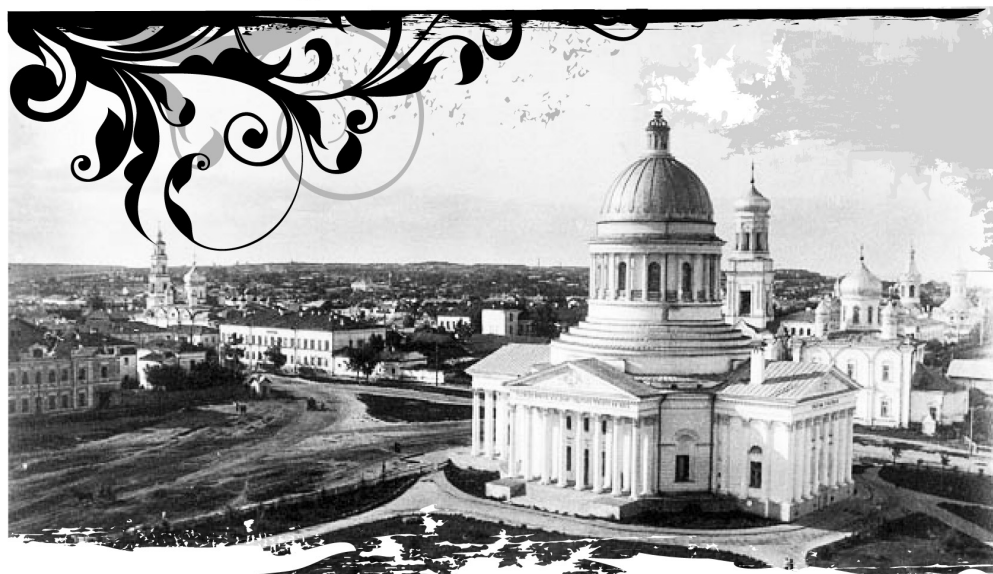

СИМБИРСКЪ

№1 (55)
ЯНВАРЬ
2018

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

ООО «Сити Принт»
610014, г. Киров, ул. Щорса, 95, оф. 108.

Подписано в печать 24.01.2018 г.
Дата выхода 31.01.2018 г.
Тираж 700 экз. Заказ № 9.

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда»;
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

© Литературный журнал «СИБИРСКИЙ» № 1 (55), 2018.

Издание зарегистрировано Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова, Ксения Нечаева.

На обложке фото Екатерины Кильяновой.
Проект «Время читать».
Фото на обороте обложки – Ольга Тюльпа.

Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №1 (55), январь 2018

Содержание

«Пиши и пой. Душа, твори!».....	3
С любовью ко всему родному	
Ольга Даранова. «В едином стремлении к добру». Хроника ушедшего года.....	4-10
Ярослава Евдокимова: «Работа нашей творческой мастерской нацелена на продвижение региона». Интервью.....	11-13
Литературное наследие	
Надежда Саевич. «Белорусы скажут вам великое спасибо...».	
Янка Купала и Аполлон Коринфский.....	14-19
Марина Ломовская. Марина Цветаева и Лидия Никанорова в годы эмиграции.....	20-46
Фотопроект «Время читать». (Фотографии А. Чернышевой и Е. Кильяновой).....	47-48
Страна поэзия	
Светлана Матлина. «В малой сфере бытия...». Стихи.....	49-51
«Поэма о Богородице».....	52-57
Житейские истории	
Александр Никонов. Васькина судьба. Рассказ.....	58-63
Лукоморье	
Марина Курьлева, Андрей Медведев. Зимние ягоды. Стихи для детей.....	64-68
Дороги памяти военной	
Светлана Гужева. Этих дней не смолкнет слава. Воспоминания об отце – писателе А.Р. Кузнецове.....	69-75
Гость	
В гостях у «Симбирска» писатели Ростова-на-Дону. Федор Ошевнев. В неподходящее время в неподходящем месте. Рассказ.....	76-80
Николай Егоров. «Мой век: вся жизнь – и труд, и бой...»	81-82
Александр Соболев. Философский камень. Стихи.....	83-84
Татьяна Фоминова. Кораблик из старой тетради.....	85-86
Сергей Сущий. Антарктида. Рассказ.....	87-90
Юбилейный календарь на февраль 2018 года.....	91-93
Поэзия юбиляров февраля.....	94-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Симбирский», «Сибиряк». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

можно тремя способами:

1) Подпишитесь на почте
и журнал принесут вам домой:

– цена на 6 мес. – 528,00 руб., индекс издания - 54516
– цена на 12 мес. – 1057,00 руб., индекс издания - 54526

2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами
по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11;
пр. Ленинского Комсомола, 41, ком. 204 (Новый город).
(цена на 6 мес. – 348,00 руб.).
г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107
(тел. 884 (235) 3-26-49)

3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье»
(тел. 41-01-41)

Журнал «Симбирский» можно приобрести
в киосках «Симбирская печать»
и в отделе распространения по адресу:
ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки
на журнал (в том числе альтернативной) можно
проконсультироваться по телефону

41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
Авторы несут ответственность за достоверность представленных материалов.
Мнения автора и редакции могут не совпадать.
При перепечатке ссылка на «Симбирский» обязательна.

«ПИШИ И ПОЙ. ДУША, ТВОРИ!»

Дорогие друзья! В первом номере литературного журнала «Симбирск» мы публикуем стихи и прозу, литературоведческие статьи и страницы воспоминаний.

В обзорной статье «В едином стремлении к добру» Ольга Даранова рассказывает о значимых культурных событиях ушедшего года. На страницах журнала мы представляем фотопроjekt «Время читать» и публикуем интервью с куратором проекта фотожурналистом Ярославой Евдокимовой.

В рубрике «Литературное наследие» читайте статью Надежды Саевич (г. Минск) о творческом содружестве Янки Купалы и Аполлона Коринфского. Мы благодарны белорусским друзьям за присланные материалы и надеемся на продолжение сотрудничества.

Мы публикуем литературоведческое исследование Марины Ломовской (Франция, г. Тулуза) «Марина Цветаева и Лидия Никанорова в годы эмиграции». Эта публикация является продолжением темы, начатой в год 125-летия М.И. Цветаевой (см. публикацию М. Ломовской в журнале «Симбирск» №7 за 2017 год).

Судьба свела поэта и художницу в эмиграции в одном из Парижских пригородов в самом начале 1930-х годов. Напомним читателям, что Лидия Никанорова биографически связана с Симбирском, в юные годы училась здесь в Мариинской гимназии. «Пути эмигрантской жизни неисповедимы... «Когда знаешь, что никогда, никуда, начинаешь жить тут. Так», - писала Марина Цветаева. Но где бы она не оказывалась, ей необходим был – в любых условиях – духовный смысл, хотя бы дерево под окном старого дома...»

В рубрике «Страна поэзия» читайте стихи из новой книги Светланы Матлиной «Отчее слово».

«...О родина! Свет изначальный
В нашей общей судьбе.
И свет, и радость печальная,
Счастья тебе!»

Светлана Матлина – один из самых сильных поэтических голосов нашего края, в ее стихах – кровная связь с богохранимой Родиной, с народными традициями, любовь и вера.

«...Губы шепчут молитву.
Храм Ее – вся Россия.
В каждом доме иконы Божьей Матери есть.
В каждом доме иконы,
Мать с Младенцем – живые.
Утешение, помощь, благодатная весть».
(Из «Поэмы о Богородице»)

В рубрике «Житейские истории» читайте рассказ Александра Никонова «Васькина судьба».

Юным читателям адресованы стихи Марины Курyleвой и Андрея Медведева. Подборку «Зимние ягоды» читайте в разделе «Лукоморье».

В гостях у журнала «Симбирск» писатели из Ростова-на Дону. Публикуем стихи и прозу Ф. Ошевнева, Н. Егорова, А. Соболева, Т. Фоминовой, А. Суцего.

Завершает номер рубрика «Юбилейный календарь» с памяtnыми датами на февраль 2018 года.

В одном из своих писем 1892 года Аполлон Коринфский писал: «Лучшее, что есть в Симбирске, – это люди, посвятившие себя творчеству».

Это утверждение справедливо и сегодня. Журнал «Симбирск» продолжает знакомить читателей с творчеством талантливых поэтов и писателей.

Елена КУВШИННИКОВА

Ольга ДАРАНОВА,

ученый секретарь областной научной библиотеки им. Ленина

В ЕДИНОМ СТРЕМЛЕНИИ К ДОБРУ

Хроника ушедшего года

Завершился 2017 год. Как и прежде, он был наполнен многими замечательными культурными событиями, ставшими достойной страницей жизни нашей области. Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина провела этот год насыщенно, стремясь каждым своим днем служить просвещению сограждан, дарить им добро и радость познания. В едином стремлении к добру мы прожили год, и о главных его эпизодах хотелось бы напомнить.

Год начался светлым рождественским праздником – вечером духовной музыки и литературного творчества **«Звезда Рождества»**. Он состоялся 15 января в Торжественном зале Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

Символично, что начало года ознаменовано главным христианским праздником – Рождеством Христовым. Этот день и следующие за ним Святки (Святые дни) приносят людям радость, наполняют их души теплом, милосердием, светом, желанием помогать ближним. 2017 год начался с декады благотворительности, которую объявил губернатор Ульяновской области Сергей Морозов в память о трагедии на Ту-154. Главным напутствием года стали слова – «творить и дарить добро людям». Это и есть главные христианские заповеди.

Участников вечера приветствовала народная артистка России, лауреат Государственной премии России Клара Шадько. В ее исполнении прозвучали рожде-

ственные стихотворения Бориса Пастернака и Иосифа Бродского. На вечере выступил детский народный фольклорный коллектив «Авсень» (руководитель Елена Гусейнова). Под аккомпанемент музыканта-виртуоза Михаила Жукова прозвучали веселые рождественские колядки. Молодой поэт Сергей Николаев, участник православного молодежного движения «Дари добро», произнес рождественские поздравления и прочитал свои стихи. В исполнении вокального ансамбля «Элегия» (руководитель Елена Фурзикова) прозвучали музыкальные композиции Дмитрия Бортнянского, Николая Римского-Корсакова, Людмилы Юмпиановой. Романс «Не говори, что нет души» на музыку Елены Ивановой и стихи Татьяны Мельник прозвучал в исполнении автора Елены Ивановой. Свои стихи прочли и высказали добрые пожелания гостям вечера поэты Елена Кувшинникова, Надежда Разумовская, Татьяна Лотоцкая. Рождественские песнопения прозвучали в исполнении о. Олега Кропачева и хора юных воспитанников воскресной школы Космо-Дамиановского прихода (концертмейстер Татьяна Дронова, регент Мария Кропачева). Ведущая вечера ученый секретарь Дворца книги Ольга Даранова напомнила гостям строки из рождественской речи Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Мы благодарим Господа за явленное всему миру чудо – воскрешение веры и зарождающегося благочестия в народе нашем, за восстановление порушенных святынь, за новые храмы и монастыри, само строительство которых – видимый знак глубоких перемен, произошедших в сердцах людей». Заключительным аккордом рождественского вечера стали пророческие строки преподобного старца Серафима Вырицкого, написанные им в 1939 году:

*Пройдет гроза над Русскою землею,
Народу русскому Господь грехи простит
И крест святой Божественной красотою
На храмах Божиих вновь ярко заблестит.*

*И звон колоколов всю нашу Русь Святую
От сна греховного к спасенью пробудит,
Открыты будут вновь обители святые,
И вера в Бога всех соединит.*

14 апреля 2017 года во Дворце книги состоялась торжественная церемония закрытия XIV Всероссийской выставки-ярмарки «Симбирская книга-2016». В «Симбирской книге-2016» приняли участие 68 издательств и индивидуальных авторов, включая приглашенные издательства, такие как ООО Издательство «Союз художников», ООО «БиблиоСоюз», ООО «Библиомир», ООО «Кучково поле», Пензенская областная научная библиотек им. М.Ю. Лермонтова. На выставке было представлено 1500 книг, включая 184 экземпляра изданий наших гостей.

Библиотека благодарит за участие ведущие региональные издательства, такие как «Областная типография «Печатный двор», АО «Первая образцовая типография» филиал «Ульяновский Дом печати», ООО «Издательство «Корпорация технологий продвижения», вузовские издательства, издательства архивов и музеев, издательство «Вектор-С», «Колор-принт», «Качалин», а также ульяновские театры, библиотеки, УльяновскКинофонд. В 2017 году к участию присоединились и новые издательства: «ИП Дроздов Леонид Владимирович», «Издательский дом «Ида», научно-исследовательский институт атомных реакторов (НИИАР) г. Димитровграда, ФНПЦ АО «НПО «МАРС», ООО «Информационные системы», ООО «Издательский центр ЮНИПресс», издательства областных татарской и чувашской национально-культурных автономий.

Свои книги и электронные издания представили Валерий Еремин, Виктор Малахов, Сергей Гогин, Валентина Тарават-Игнатъева, Анатолий Юман (книги на русском и чувашском языках), Светлана Матлина, Константин Новеньков, Андрей Медведев, Лидолия Никитина, Лариса Брюхович, Евгений Сафронов и другие авторы.

Гостями «Симбирской книги-2016» были представители Москвы, Пензы, Челябинска, республик Татарстан, Чувашии. В рамках «Симбирской книги-2016» состоялось 12 интереснейших мероприятий, прошедших в тематические дни экологической,

исторической, детской, национальной книги. Свои книги представили ульяновские ученые и краеведы Л.А. Сапченко, А.П. Рассадин, Е.К. Беспалова, сотрудники Дворца книги Л.Ю. Ивашкина, В.В. Морозова. Уникальное издание первый в России полный «Атлас-определитель перьев птиц» был презентован в день экологической книги. Коллеги из Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества имени С.Т. Аксакова напомнили о Карамзине-сказочнике; издательство «Фризия» совместно с отделом краеведческой литературы и библиографии организовали встречу по поводу выхода в свет сборника «Сказки народов Поволжья», в которой приняла участие ульяновская художница Татьяна Горшунова.

Продолжился фестиваль муниципальных образований «Земляки». В этот раз в гостях у «Симбирской книги» были представители Сенгилея и Дмитровграда. Интереснейшее краеведческое издание «Древний Сенгилей» представил его автор Юрий Крылов. Путеводитель «От Мелекесса до Дмитровграда» представил издательский центр УлГУ и Андрей Мокеев (г. Дмитровград). Состоялись презентации книг чувашских авторов Анатолия Юмана и Валентины Тарават, презентация энциклопедического справочника «Татары Симбирского-Ульяновского края».

Памятную симбирцитовую статуэтку и диплом лауреата в главной номинации «Книга года» получила Елена Константиновна Беспалова, заведующая научно-исследовательским отделом Государственного музея-заповедника «Родина В.И. Ленина», председатель

УРОО «Российское историческое общество» за книгу «Памятник Н.М. Карамзину в Симбирске. История создания по документам, письмам и периодическим изданиям».

11 мая 2017 года во Дворце книги состоялся вечер памяти советского и российского поэта Евгения Евтушенко **«Мне бы только малую слабинку – все-таки совсем не умереть...»**. Накануне исполнилось сорок дней, как поэта не стало. С именем Евгения Евтушенко мы связываем двадцатый век, он воплотил в себе всю противоречивость эпохи, в которой жил. Но поэт весь не уходит, не умирает, потому что остаются стихи, в которых он продолжает жить. На вечере все вспоминали Евгения Евтушенко таким, каким он был до последнего мгновения жизни. А вместе с ним вспомнилось и его время, лица того времени, прозвучали стихи и песни на стихи Евгения Евтушенко, которые стали символами двадцатого века.

Стихами Евгения Евтушенко открыли вечер его ведущие: актер Ульяновского драматического театра имени И.А. Гончарова Александр Лебедев и ученый секретарь Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки, заслуженный работник культуры Ульяновской области Ольга Даранова.

*Я люблю вас, люди-человеки,
и стремленье к счастью вам прощу.
Я теперь счастливым стал навеки,
потому что счастья не ищу.
Мне бы – только клевера сладинку
на губах застывших уберечь.
Мне бы – только малую слабинку –
все-таки совсем не умереть.*

Уникальные видеозаписи позволили воссоздать дух эпохи 1960-х, 1970-х годов, побывать на популярных во времена «оттепели» выступлениях поэта в политехническом, услышать любимые песни, которые пели выдающиеся исполнители двадцатого века – Клавдия Шульженко, Людмила Зыкина, Георг Отс, Валентина Толкунова, Людмила Сенчина, Александр Градский.

В вечере приняли участие солисты Ульяновской государственной филармонии Алена Гуляева и заслуженная артистка РФ Вера Чиркина, народная артистка России, лауреат Государственной премии России Клара Шадько, лауреат международных конкурсов Денис Володин. Вечная тема любви, нежности, по-

клонения женщине прозвучала в видеозаписи 1970-х годов с неподражаемым Александром Градским, исполнившим песню Давида Тухманова «Любимая, спи». Видеозапись чтения Евгением Евтушенко прекрасного стихотворения «О, свадьбы в дни военные» позволила не только увидеть мастерство поэтической декламации поэта, но и почувствовать настроение того времени. Восторженно встретили зрители выступление замечательного музыканта и педагога, директора детской школы искусств №10, заслуженного работника культуры РФ, почетного гражданина Ульяновской области, Александра Додосова и участниц трио «НАСТРОЕНИЕ» Марины Ореховой и Светланы Чаадаевой. Своими воспоминаниями о встречах с поэтом поделились ульяновский художник Владимир Зунунин, пресс-секретарь Законодательного собрания Ульяновской области Наталья Андреева, директор Ульяновского филиала «Российский фонд культуры» Виктор Иванов, заведующая Музеем современного изобразительного искусства Елена Сергеева.

19 мая 2017 года в отделе редких книг и рукописей Дворца книги состоялась торжественная церемония передачи Законодательным собранием Ульяновской области в дар Дворцу книги уникальных изданий по отечественной истории. Это 13 томов издания «Лицевой летописный свод», которое считается главной книгой Российской империи. Лицевой летописный свод XVI века (ЛЛС) – уникальный книжный памятник, созданный в единственном экземпляре для царя Ивана Великого (Грозного). В комплекте – 3 составляющие: «Русская летописная история» (3 книги), «Библейская история» (3 книги), «Всемирная история» (7 книг). Также было презентовано коллекционное издание книги-альбома «Святые покровители земли Русской в миниатюре Палеха». Столь щедрый подарок преподнес в библиотеку С.Н. Рябухин, член Совета Федерации от Ульяновской области, председатель Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам Федерального собрания РФ, сопредседатель Попечительского совета Карамзинского фонда.

С 3 по 6 июня 2017 года в Москве в третий раз прошел книжный фестиваль «Красная площадь», организованный Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям при содействии Министерства культуры РФ, правительства Москвы и Российского книжного союза. Ульяновская область в третий раз приняла в нем участие. Было представле-

но 500 экземпляров книг, включая 80 наименований. Стенд Ульяновской области посетили 2000 человек. В этом году на фестивале впервые открылся павильон «Отечественная история», где можно было узнать, что читали наши прадеды 100 лет назад и даже поддержать эти книги в руках. Яркими событиями фестиваля стали вечер памяти Евгения Евтушенко, поэтический вечер «Наш Пушкин», презентации изданий лучших музеев страны в ГУМе; желающие могли принять участие в Тотальном диктанте под руководством писателя Леонида Юзефовича. На площадке «Художественная литература» в дни фестиваля прошло более 100 мероприятий. О творческом процессе и книгах рассказали мастера современной прозы Захар Прилепин, Олег Рой, Ольга Миклашевская, Ник Перумов и другие.

Книги Ульяновской области пользовались большой популярностью у посетителей фестиваля. Среди них издания карамзинской тематики: сборник сказок Н.М. Карамзина «Дремучий лес. Илья Муромец. Прекрасная царевна и счастливый карла», каталог «Библиотека Карамзиных в собрании отдела редких книг и рукописей Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина»; антология «Тебе, наш чистый, добрый гений!». Поэтическое приношение Н.М. Карамзину от благодарных симбирян» (сост. А.П. Рассадин); монография Е.К. Беспаловой «Памятник Н.М. Карамзину в Симбирске. История создания по архивным документам письмам и периодическим изданиям»; исследование К.И. Новенькова «Карамзины на земле Симбирской»; «Зеркало души. Н.М. Карамзин по его письмам» (сост. Л.А. Сапченко); книга А.Н. Балдина «Новый Буквоскоп, или Запредельное странствие Николая Карамзина»; драма Г.-Э. Лессинга «Эмилия Галотти» (в переводе Н.М. Карамзина, издательство «Центр книги РУДОМИНО»).

Интерес вызвали и книги Юрия Козлова «Жизнь и судьба Аркадия Пластова», «Столыпин и Симбирск», «Генерал Каппель и волжане», «Керенский из Симбирска», а также книги о жемчужинах Симбирского-Ульяновского края издательства «Арт-студия «Фризия», альбомы о художниках и достопримечательностях города и области, антология «Ульяновская словесность: начало 21 века». Стенд Ульяновской области посетили министр искусства и культурной политики Ульяновской области Ольга Мезина, экономист, культуртрегер, потомок рода Карамзиных Федор Богородский, директор ГПИБ, президент РБА Михаил Афанасьев, директор издательства «Кучково поле», член Российского исторического общества Георгий Кучков, писатели Евгений Анташкевич и Андрей Балдин, генеральный директор НФ «Пушкинская библиотека» Марина Новикова, редактор газеты «Книжное обозрение» Ольга Костюкова. Георгий Кучков подарил Дворцу книги только что выпущенную в свет замечательную книгу «Карамзинская Москва».

В рамках фестиваля состоялась конференция «Культурная карта России: о механизмах развития инфраструктуры чтения в регионах», в которой приняли участие Министр культуры РФ В.Р. Мединский, советник Президента РФ по культуре В. Толстой, президент РКС С.В. Степапин, генеральный директор издательства «ЭКСМО» О.Е. Новиков и губернатор Ульяновской области С.И. Морозов. В своем выступлении губернатор говорил о

программе «Время Читать» в Ульяновской области.

Фестиваль «Красная площадь» нацелен на продвижение чтения и развитие книгоиздательской деятельности. Кроме этого, фестиваль – это широкая доступность Книги, ее представление и осмысление, широкий ассортимент жанров и имен, новые креативные творческие индустрии и проекты. Не случайно, советник Президента РФ по культуре Владимир Толстой подчеркнул важность проведения фестиваля: «Книжный фестиваль «Красная площадь» – это едва ли не единственное место, где столичные читатели могут купить книги региональных издательств, которые зачастую не доходят до московских магазинов».

18 июня 2017 года в Торжественном зале Дворца книги прошло Большое литературное собрание «Слово о Гончарове». Перед началом состоялась торжественная церемония вручения Международной литературной премии имени И.А. Гончарова.

Говоря о вкладе Гончарова в русскую и мировую литературу, губернатор С.И. Морозов вспомнил слова литературоведа, критика Игоря Петровича Золотусского: «Проза Гончарова похожа на Волгу в ее срединном течении, как раз под Симбирском, где он родился; ровное зеркало воды, уходящее к горизонту рукава и затоны...».

Говоря об особенностях региональной культурной политики, губернатор перечислил ряд проектов, которые стали заметным региональным вкладом в федеральную культурную политику: «Мы обозначили для себя реперные точки, связанные со знаковыми датами и проектами, такими как: юбилей Гончарова и Карамзина, Международный культурный форум, проект «Культурная столица Содружества», программа «Литературный город ЮНЕСКО», конкурс «Самый читающий регион». Губернатор напомнил, что в 2016 году наша область стала победителем всероссийского конкурса «Самый читающий регион». В рамках соглашения с Российским книжным союзом и ведущим российским книжным издательством ЭКСМО одним из направлений дальнейшей деятельности по продвижению чтения стало проведение среди муниципальных образований региона конкурса в номинациях «Самый читающий город» и «Самый читающий муниципальный район».

Ульяновск носит еще один почетный статус – «Литературный город ЮНЕСКО». Причем пока Ульяновск остается единственным российским городом в

мировой сети креативных городов. Соответственно, именно по нашему городу в мире будут судить о состоянии чтения во всей стране. Ощущая эту ответственность, 2018 год губернатор объявил годом умных технологий и креативных индустрий.

В завершение своего выступления губернатор высказал две важные инициативы: издание библиотеки лауреатов Гончаровской премии, а в перспективе и библиотеки лауреатов всех крупных российских литературных премий; и предложение со стороны Ульяновской области к Союзу писателей России – провести на Ульяновской земле Всероссийский форум молодых писателей с участием членов правления Союза и лучших молодых авторов из разных регионов России.

Заседание Попечительского совета Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия, посвященное 20-летию Ульяновского землячества в Москве, и презентация книги «Живая связь». Сборник очерков о благотворительных делах на своей малой родине членов Ульяновского землячества в Москве состоялось 18 октября 2017 года в Торжественном зале Дворца книги. К 20-летию Ульяновского землячества в Москве вышла замечательная книга «Живая связь». Это сборник очерков о благотворительных делах на своей малой Родине членов Ульяновского землячества в Москве. Забота о детях в детских домах и школах, помощь онкологическим больным, оздоровление земляков в санаторно-курортных учреждениях, развитие спорта и художественного творчества на родине – это далеко не полный перечень направлений, в которых трудятся эти подвижники, добрые, щедрые душой люди, не забывающие свою родину и своих сограждан.

В торжественном заседании приняли участие: Сергей Рябухин, председатель Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, заместитель председателя Ульяновского землячества в Москве, сопредседатель Попечительского совета Карамзинского фонда; Геннадий Савинов, председатель Ульяновского землячества в Москве, Василий Гвоздев, председатель Комитета Законодательного собрания Ульяновской области по государственному строительству, местному самоуправлению и развитию гражданского общества; Евгения Сидорова, заместитель министра искусства и культурной политики Ульяновской области; Елена Беспалова, председатель Попечительского совета Карамзинского фонда, заведующая научно-исследовательским отделом Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина; члены Попечительского совета – генеральный директор ООО «Аэропорт Ульяновск-Центральный» Сергей Наконечный и писатель Илья Таранов.

На встречу пришли выдающиеся земляки, производники, общественные деятели, бывшие партийные и комсомольские лидеры. Выступая перед земляками, Сергей Рябухин, в частности, сказал: «В 90-е годы, когда произошел развал Советского Союза, навалился груз проблем, связанных с выходцами из Ульяновской области, и не только с людьми пожилого поколения, с теми, кто был отправлен на советскую, партийную, административную работу и оказался в тяжелейших жизненных условиях, но и с молодежью, которая, закончив вузы, приехала в Мо-

схву работать, а устроиться было невозможно. Возник вопрос о решении серьезных долгосрочных задач. Тогда и появилась идея оформить объединение как общественную организацию... Самое главное – это то, что нам удалось создать молодежную секцию нашего землячества, чтобы молодое поколение тоже погрузилось в задачи, проблемы, почувствовало интерес к работе».

6-7 декабря во Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке им. Ленина в рамках Международного форума историков, философов и публицистов «1917–1922: провинция в эпоху системных кризисов» состоялась XVI Всероссийская научно-практическая конференция «Карамзинские чтения»: «Чувством останусь республиканцем...». Реформы и революции как способ мироустройства сквозь призму карамзинской эпохи».

Карамзинская тема нашла свой отклик в памятный год российской истории через мировоззрение Николая Карамзина и представителей его эпохи. В конференции приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Пензы, Твери, Ульяновска. В их числе: генеральный директор издательства «Кучково поле», член Совета Российского исторического общества Георгий Кучков (Москва), доктор филологических наук, профессор Татьяна Алпатова (Москва), доктор филологических наук, профессор Ольга Кафанова (Санкт-Петербург), доктор филологических наук, профессор Сергей Шаврыгин (Ульяновск), доктор филологических наук, профессор Любовь Сапченко (Ульяновск), председатель Ульяновского регионального отделения Российского исторического общества Елена Беспалова (Ульяновск) и другие представители российской науки. Кроме того, на конференции присутствовали представители многих ульяновских научно-исследовательских институтов, вузов, библиотек, музеев, архивов, издательств, общественных организаций, краеведы, преподаватели, студенты, аспиранты и т.д.

Генеральный директор издательства «Кучково поле» Георгий Кучков в своем докладе рассказал о новых книгах и издательских проектах издательства «Кучково поле» и Российского исторического общества, а также о том, как сегодня обстоят дела с российской исторической литературой: «Всегда существовали и будут существовать попытки перевести историю на потребу дня, хотя историки добиваются того, чтобы литература основывалась на источниках, которым действительно можно доверять. Мы, прежде

всего, стараемся публиковать разные точки зрения вне зависимости от того, в какой трактовке сегодня эти события подаются». Георгий Кучков передал в дар Ульяновской областной научной библиотеке книги издательства «Кучково поле», а именно «Полное собрание рисунков художника Арцыбушева», а также книгу «Великая война и Великая революция в русской журнальной сатире» Петра Баранова и Татьяны Филипповой.

«Я приехала на «Карамзинские чтения» впервые и поняла, почему именно здесь нужно проводить эту конференцию. Дух Симбирской земли многое объясняет в творчестве Карамзина, в его личности, в том, почему и по сей день его произведения вызывают серьезные научные дискуссии, плодотворно влияют на развитие науки. Я очень рада, что мне удалось посетить карамзинские места», – поделилась впечатлениями профессор Московского педагогического государственного университета, доктор филологических наук Ольга Лазареску. Дмитрий Мурашов, ученый секретарь ОГубК «Пензенская областная библиотека им. Лермонтова», кандидат исторических наук также отметил важность и неподвластную времени актуальность Карамзинских чтений: «В 2015 году я впервые побывал на Карамзинских чтениях, с тех пор Ульяновская область – неотъемлемая часть моей биографии, всегда рад приезжать и выступать на Карамзинских чтениях».

В снежный декабрьский вечер 12 декабря, в день рождения Н.М. Карамзина, Дворец книги вновь пригласил ульяновцев на Карамзинские вечера. Не изменяя традиции, все, кто пришел, вновь встретились в Карамзинской гостиной, на короткое время душою перенесли в мир высокой культуры, чистого русского слога и искренней любви к своему Отечеству. Состоялся **литературно-музыкальный вечер «Любить тебя легко...»**, приуроченный к 225-летию со дня рождения П.А. Вяземского, русского поэта, переводчика, мемуариста, государственного деятеля, друга А.С. Пушкина, младшего современника Н.М. Карамзина, сооснователя и первого председателя Русского исторического общества.

Участник Бородинской битвы, шутливый и зловещий Асмодей из литературного «Арзамаса», светский лев, остроумец, легкий на подъем человек... Его имя входило в пятерку самых популярных писателей того времени. Его книги читались с захлеб, многие его цитаты превращались в пословицы, а стихи – в народные песни, а его афоризмы и крылатые выражения

(«Дедушка Крылов», «И жить торопится, и чувствовать спешит!») не выходят из нашей повседневной речи. Камергер императорского двора и вице-президент внешней торговли, замминистра просвещения, сенатор и член Государственного совета при Александре II. И все это соединилось в одном человеке, замечательном представителе карамзинской эпохи, друге и почитателе Пушкина, младшем современнике Н.М. Карамзина – Петре Андреевиче Вяземском.

Сейчас, увы, уже довольно сложно почувствовать всю прелесть их молодой дружбы, где находилось место и рискованным шуточкам, и неприличным экстримам, и заботе, и нежности, и великим стихам, рожденным как бы между прочим, случайно. Но остались «Записные книжки» Вяземского, уникальные свидетельства карамзинской эпохи. Неоспоримым авторитетом, духовным отцом молодой плеяды поэтов первой половины 19 века был, безусловно, Карамзин. Его тень незримо присутствовала на вечере, о нем вспоминали его молодые ученики.

Гостями Карамзинской гостиной были молодые Жуковский, Батюшков и Вяземский в исполнении актеров Театра юного зрителя «NEBOLSHOYTeatr» Александра Сухомлинова, Алексея Панфилова и актера Ульяновского театра кукол имени В.М. Леонтьевой, заслуженного артиста РФ Андрея Козлова, а также педагоги ДШИ № 4 города Ульяновска Ирина Филаретова, Ольга Сергеева, Маргарита Подымова, Татьяна Павлова, ученица этой школы Ольга Тюткина. Романсы на стихи Пушкина и Вяземского исполнила солистка Ульяновской государственной филармонии Эльмира Сидорова. Зрители также увидели видеозаписи с романсами на стихи Вяземского в великолепном исполнении народного артиста России Дмитрия

Хворостовского и актера, исполнителя романсов Дмитрия Шведа.

Теплый, трепетный вечер завершил ежегодную декаду отечественной истории в Ульяновской области, связанную с именем Николая Михайловича Карамзина. На протяжении ряда лет декада отечественной истории является итоговым культурным событием года в Ульяновской области.

Венчала год **торжественная церемония вручения ежегодной премии в области региональной историографии, литературного творчества и Гран-при «Шапка Мономаха»**, которая состоялась в конце декабря 2017 года в Торжественном зале Дворца книги. Напомним, что премия учреждена правительством Ульяновской области за большой личный вклад и активное участие в развитии регионального краеведения, литературного творчества, культурно-просветительских процессов региона. Изначально инициатором премии является историко-краеведческий журнал «Мономах», сберегающий историю и культуру родного края, содействующий авторитету семьи и государства, продвижению духовности и добрых дел.

Лауреаты премии 2017 года – Надежда Липатова, Лилия Янушевская, Рената Ильязова; обладателем Гран-при «Шапка Мономаха» стала Елена Беспалова, историк, краевед, заведующая научно-исследовательским отделом Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина», председатель Ульяновского отделения Российского исторического общества.

Итоги года подведены, впереди большие планы. Мы живем и работаем в едином культурном пространстве, «с единым стремлением к добру».

ЯРОСЛАВА ЕВДОКИМОВА: «РАБОТА НАШЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ НАЦЕЛЕНА НА ПРОДВИЖЕНИЕ РЕГИОНА...»

Ярослава Александровна Евдокимова (г. Ульяновск), фотожурналист, член Союза журналистов России, руководитель «Творческой мастерской визуальной коммуникации Ярославы Евдокимовой». Окончила Челябинское художественное училище и Российский новый университет. Обладатель Первой премии ЗСО Ульяновской области в номинации «Особый взгляд среди фото и видео». Отмечена благодарностью губернатора Ульяновской области. В числе первых получила премию губернатора «За сохранение красоты родного края».

- Ярослав Александровна, вы известны как фотожурналист, автор многих креативных проектов. Мы рады нашему творческому сотрудничеству. Расскажите о себе.

- Я родилась в Мурманской области в Оленегорске в 1970 году. Потом семья переехала под Канда拉克шу. Я была одаренным ребенком. С детства любила петь, ощущала себя певицей. Участвовала во многих музыкальных конкурсах, успешно выступала.

В 1980 году с бабушкой и дедушкой мы переехали в Новоульяновск. (Дедушка – немец по происхождению – Шефер Фридрих Филиппович прошел большой жизненный путь, ему выпало много испытаний, но он многого достиг, работал в руководстве крупного строительного треста. О нем говорили: «Немец – лучший русский». Я благодарна им с бабушкой за поддержку и заботу).

Я училась в Новоульяновской школе и продолжала петь. Фаина Дмитриевна Матвеева – педагог, учитель музыки – руководила замечательной вокальной группой «Звонкие голоса». Я пела в этой группе, была солисткой. Мы много и успешно выступали. И даже стали лауреатами Всесоюзного конкурса. (Звание лауреата СССР самодеятельного народного творчества – в свое время эта награда была очень значимой).

Потом Челябинское художественное училище на декоратора-оформителя. Но главным для меня было пение. С 15 до 17 лет много выступала, ездила на гастроли.

Меня называли «примадонной» и прочили карьеру певицы. От природы у меня был поставлен голос. Четыре октавы, как я называю меццо-колоратурное сопрано. Я тембристка. Могла петь и «Снегурочку», и контральтовые вещи. (Колоратурное меццо, голос очень редкий, близок к сопрано, но отличается от него большей бархатистостью, приглушенностью тембра. Эти голоса могут исполнять как партии, написанные для меццо, так и партии для низкого сопрано).

Меня заметили, были предложения на выбор: идти работать в Челябинский оперный театр им. М.И. Глинки или стать солисткой оркестра Уральского гарнизона. Я выбрала оперный театр. Меня взяли в хор, ввели сразу в спектакль «Снегурочка». Когда впервые пришла на репетицию, попросили взять клавир. Но, что такое клавир, я тогда не знала. Я «слухач». Клавир у меня был в голове, всю оперу я запомнила. Параллельно продолжала выступать сольно, в концертах. Меня замечательно принимали, были свои поклонники. Были мечты о большой карьере певицы. Ведь говорят, если ты пришел в оперный театр, то он тебя не отпускает... Нужно было музыкальное образование. Поступила

и училась в музыкально-педагогическом училище, а потом и в Ульяновском музыкальном училище... Поступала в Московскую консерваторию. Меня прослушивала жена Лемешева Вера Николаевна Кудрявцева. Одобрительно обо мне отозвалась. Но мне помешала болезнь. Было полное несмыкание связок, я лечилась, даже обращалась за консультацией в поликлинику Большого театра... Большим музыкальным планам не дано было сбыться. Впоследствии я нашла себя совсем в ином виде творчества – в журналистике, а с годами поняла, что не могу жить без фотографии.

- Как вы пришли в фотожурналистику?

- Я благодарна директору Новоульяновской школы Валерию Васильевичу Кислинскому. Это замечательный педагог, литератор, журналист. Именно ему я обязана обращением к журналистике. Однажды с Валерием Васильевичем случайно встретились на улице, я показала ему свои стихи. Он мне сказал, что все поэты начинали с «районки». «Ты будешь хорошим журналистом. Хочешь пойти работать в районную газету?». И привел меня на ул. Гончарова в редакцию газеты «Родина Ильича». Там я познакомилась с Розой Измайловной Мусиной, она была настоящим редактором. Мне дали поручение - взять интервью у директора Мелового завода. И этот первый для меня материал поставили в номер (правда, для начала без моей подписи, но я была рада.) Мне понравилось это дело, я выезжала в районы, писала материалы. Фотографии к своим материалам тоже делала сама ещё плёночным фотоаппаратом «Смена-8»! Тогда мы работали без диктофона (может, и лучше: рука пишет, мозги думают.). Когда я сейчас провожу мастер-классы для молодых, говорю ребятам, начинайте с «районки»! В селах и малых городах ещё сохранилось уважение и вера в журналиста! Ты выезжаешь на место, ты можешь решать вопросы. Ты для жителей - значимый человек. Прежде чем опубликовать материал, я говорила о проблемных вопросах с представителями руководства района. И они старались их решить ещё до публикации. И это была реальная помощь людям.

Фотографией заболела чуть позже, уже пройдя пусть не долгий, но путь редактора заводоуправления и газеты «Цементник» Ульяновского цементного завода. Это был конец 90-х. Печатаюсь в «районке» и потом позже придя в редакцию всероссийского еженедельника «Дыхание земли», я стала понимать, что хочу стать фоторепортёром. Вспоминается один эпизод. Как-то на одном мероприятии федерального уровня, прорываясь через толпу коллег, меня обогнал пожилой мужчина с фотоаппаратом в руках, как оказалось ТАССовский фотокорр. И он мне сказал: «Фотожурналистика – это элита журналистики. Фотокорр всегда впереди!» И мне так это запомнилось. Очень захотелось большой работы в этом направлении. И это стало моим делом. У меня большой опыт работы в разных изданиях. Работала в газете «Дыхание земли» – делала фотографии на обложку («говорящие» фотографии без подписи). Делала рекламные развороты в газетах как менеджер по рекламе. Работала фотокором в «Комсомольской правде» на протяжении десяти лет. В 2005 году была номинирована на национальную премию в области фотожурналистики «Золотой глаз России». Это большая честь. Долгое время сотрудничала с «АиФ» и журналом «Деловое обозрение».

*С победителями Дельфийских игр
(слева от Я. Евдокимовой Екатерина Кильянова)*

Принимала участие в фестивале в Дагомысе, в юбилейном съезде журналистов «Вся Россия». Я поехала туда налаживать связи. Там, на съезде, много работала, снимала. У меня попросили фотографии для альбома Союза журналистов. Так я стала сотрудничать с ИТАР ТАСС.

У меня много «своих» тем, сюжетов для фотографий: «Храм и человек», тема реабилитации, имидж города – моя тема, тема Победы – моя.

В Ульяновске несколько лет подряд проводятся Дельфийские игры, состязания молодых в области искусств. Рада, что удалось ввести номинацию «Фотография». И все годы я председатель и член жюри в этой номинации. Что примечательно, это конкурс профессионального мастерства! Могу сказать, что у нас много талантливых ребят. Количество участ-

ников с каждым годом увеличивается. Кроме того, я член жюри Инзенского кинофестиваля. Участвую в организации и проведении фотовыставок в муниципальных образованиях. Провожу мастер-классы по фотожурналистике, встречаюсь с молодежью. Создала свою творческую мастерскую. Работа «творческой мастерской визуальной коммуникации» нацелена на продвижение региона и всех наших традиционных ценностей.

- Расскажите о ваших фотопроектах.

- Мы создали фотопроjekt, посвященный семье. Государственная политика в области укрепления семьи и традиционных ценностей активно поддерживается нашим губернатором Сергеем Ивановичем

Морозовым. И мы создаем тематические выставки, через фотографии, через художественную фотоэкспозицию рассказываем о жизни замечательных семей. Выставка «Семья. Любовь. Верность» родилась по итогам творческой экспедиции по районам области. Она была представлена в ДК «Губернаторский», где мы проводили творческие встречи, я рассказывала слушателям о нашем проекте, отвечала на вопросы. Выступали также представители министерства искусства и культурной политики, а также сотрудники соцзащиты. Авторы фотографий – мои ученицы, талантливые воспитанницы Анастасия Чернышева и Екатерина Кильянова.

В рамках проекта «Семья. Любовь. Верность» запланирована работа четырёх экспозиций под разными названиями. Все они объединены одной темой. С начала этого года мы представляем фотоэкспозицию «Время читать». Я рада, что мы можем в первом номере журнала «Симбирск» представить фотографии из этого проекта. Это эксклюзивная публикация! Сюрприз для читателей и для создателей вашего замечательного издания от нашей команды, ведь на новый год принято делать подарки! (Смотрите фотографии на цветной вкладке – **Ред.**)

Тема продвижения чтения очень важна сейчас. Создана «Академия чтения и литературного творчества» при Областной детской библиотеке. И наш проект – это вклад в общее важное дело. Действительно, пришло «Время читать!» Творческая работа продолжается.

- Вы многие годы проявляете себя как лидер. Вы по-прежнему ощущаете себя «примадонной»?

- Примадонна подчиняет себе всё вокруг, но это оправданно. Это ответственность. Я ещё в юные годы, возвращаясь после концертных выступлений, всегда помнила, что я пример и не имею права вести себя некрасиво, я должна соответствовать. Если теперь я занимаюсь благотворительностью и помогаю чьим-то деткам как педагог, то у меня обязательно и дома полный порядок, дети мои в чистоте и приготовлен обед. Поэтому дети выросли и воспитаны семьёй. И сегодня уже тот опыт и те приобретённые ценности стараются сохранять и в своих семьях. У меня две дочери Владислава и Мирослава, обе замужем. Владислава, студентка экономического факультета, радуется сегодня, как и в детстве, своими отличными отметками и воспитывает дочку Лианочку (ей почти 4 годика), а Мирослава заканчивает педучилище, но уже работает воспитателем и растит сына Ивана (ему в июне будет 3 годика). Нас радует своим теплом и своими дельными советами моя бабушка, мамина мама Мария Фёдоровна Шефер. В этом году в знаменательный день 9 мая ей исполнится 95 лет. Каждое утро желаю всем долгие лета в добром здравии!

Беседовала Елена Кувшинникова

P.S. Ярослава Евдокимова – яркая творческая личность. На ее страничке в соцсети прочла в анкете в пункте «Интересы» показательный ответ: «Интересно всё!». И это действительно так. Пожелаем Ярославе Евдокимовой неуспокоенности и сил на все творческие проекты и добрые дела!

*Ярослава Евдокимова
с участниками
экспедиции
по культурному
наследию*

Надежда САЕВИЧ, главный хранитель фондов Литературного музея Янки Купалы (г. Минск).

«БЕЛОРУСЫ СКАЖУТ ВАМ ВЕЛИКОЕ СПАСИБО...»¹

Литературные и дружеские связи Аполлона Аполлоновича Коринфского и Янки Купалы

Сложно назвать более народного и более известного белорусского поэта, чем Янка Купала. В его честь названо множество улиц, парков, скверов, театров, библиотек. Ему установлены памятники, бюсты, памятные знаки в разных странах. Сегодня его литературное наследие переведено более чем на сто языков мира.

А в далеком 1911 году русский читатель мог познакомиться со стихами Янки Купалы только через единственный перевод стихотворения «А кто там идет...», сделанный именитым писателем Максимом Горьким. Мы не знаем, как оценил Янка Купала этот перевод (документальных свидетельств не сохранилось), однако сам Алексей Максимович писал: «Я прошу Янку Купалу извинить мне дурной перевод его красноречивой и суровой песни... Чтобы уяснить себе глубинный смысл этой песни, которая, может быть, на время станет народным гимном белорусов, читателю следовало бы посмотреть «Нашу Ниву» – она много интересного скажет ему»².

К творчеству талантливого белорусского поэта обращались многие русские писатели. Среди них – Валерий Брюсов, Николай Янчук, Егор Нечаев, Николай Ашукин и др.

Одним из крупнейших переводчиков произведений Янки Купалы на русский язык стал Аполлон Аполлонович Коринфский – поэт, переводчик, фольклорист,

собиранье старины, сотрудник и редактор множества газет и журналов, критик, игравший значительную роль в литературной жизни конца XIX начала XX вв. Ранний период творчества Аполлона Коринфского связан с родным городом – Симбирском. В одном из своих писем 1892 года Аполлон Коринфский писал: «Лучшее, что есть в Симбирске, – это люди, посвятившие себя творчеству». В 21 год начинающий поэт переезжает в Москву (1889), затем в Петербург (1891). Именно с Петербургом связан расцвет творческой деятельности литератора.

Петербург конца XIX – начала XX века был самым большим городом в России не только по численности населения, но и как экономический и культурный центр страны. Этот мегаполис, город богатейших культурных традиций, крупнейший научный центр привлекал людей разных сословий, национальностей, вероисповедания. Не был исключением и Аполлон Коринфский: страстно любивший литературу и мечтавший быть полезным Отечеству, творить, он приехал в столицу в поисках новых горизонтов. Не стал исключением и Янка Купала, который нуждался в академическом образовании и расширении кругозора.

21 ноября 1909 г. Янка Купала пишет Брониславу Игнатовичу Эпимаху-Шипиле: «Я в Вильно долго не могу держаться, а так искренне хотелось бы не погибнуть и пожить где-нибудь в культурном месте, чтоб

себя закалить и отшлифовать на службу белорусско-сти и белорусскому обществу... Мне очень хотелось бы работать в Петербурге в какой-либо библиотеке; так это занятие очень люблю...»³.

В конце 1909 года Янка Купала приезжает в Петербург, как писал сам поэт, «за наукой, т.е. чтобы поступить на какие-нибудь общеобразовательные

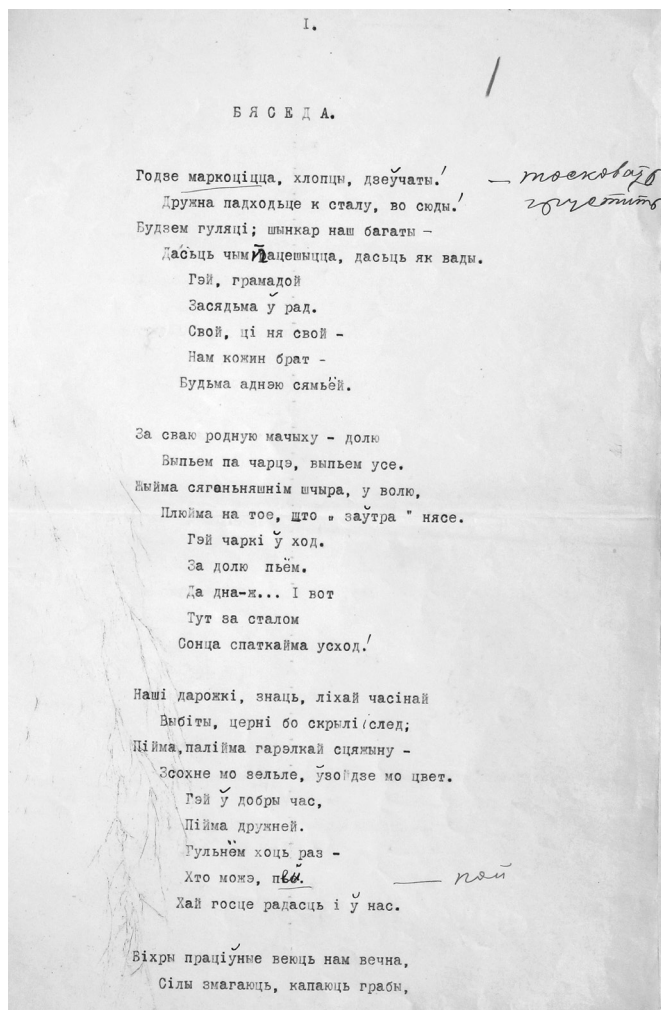
Почтовая карточка от Янки Купалы к А. Коринфскому. Вильно. 1914 г.

курсы... и этим хоть мало-мальски пополнить свое образование»⁴. С этим городом поэт будет связан 4 года. Как видно из паспорта Янки Купалы уже 4 декабря 1909 г. он зарегистрировался на Васильевском острове, 6 линия, д. 1. Сегодня исследователям жизни и творчества Янки Купалы известны три Петербургских адреса белорусского поэта. Самый известный – адрес Б.И. Эпимаха-Шипилы, профессора Петербургского университета, издателя, языковеда, руководителя белорусского научно-литературного кружка в Петербургском университете, на квартире у которого Янка Купала проживет около трех лет.

Именно в Петербурге в 1910 году произошла встреча, которая повлияла на дальнейшую судьбу молодого белорусского поэта. Аполлон Коринфский был одним из первых русских поэтов, с которым Янка Купала познакомился в Петербурге. Как, где и при каких обстоятельствах произошла эта встреча – загадка и поныне. Сам Янка Купала писал об этом событии немногословно: «Пребывание мое в Петербурге в смысле встреч с русскими литераторами мало чем отличалось от Вильны. Таксама⁵ увлекался веселой компанией, которая в смысле духовном мало чего могла дать. Но она, должно быть, давала некоторый жизненный опыт и познание людей... Из петербургских литераторов я, как Вам известно, встречал Вас⁶, но это на жаль, были редкие встречи, познакомился с А.А. Коринфским, познакомился с ним случайно в кабаке, и все тут. Более широких знакомств с русскими литераторами не удалось мне тогда завязать, причиной – моя тогдашняя застенчивость, а может быть, и маленькая гордость: не хотелось идти на поклон...»⁷.

Про знакомство с известным литератором Янка Купала вспоминает и в письме к Ивану Алексеевичу Белоусову: «Повстречались мы с ним случайно, и с первых же пор подружились, хотя я и годами, и известностью был куда от него моложе. Имел я его почти все произведения...»⁸.

Аполлон Аполлонович очень внимательно от-

Янка Купала. Стихотворение «Бяседа». Машинопись с пометками автора. Из архива Аполлона Коринфского.

неся к своему молодому другу. Он не только переводил стихотворения Янки Купалы на русский язык, но также привлекал к этому и других русских поэтов. Именно Аполлон Коринфский познакомил со стихами Янки Купалы Ивана Алексеевича Белоусова, который сделал очень многое для популяризации творчества белорусского поэта: он активно переводил стихи, а также стал редактором и составителем первого сборника стихотворений Янки Купалы на русском языке, который был издан в 1919 г. В эту книгу вошло 11 стихотворений Янки Купалы, переведенных А.А. Коринфским. «Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!... Послал Вам... экземпляр журнала «Педагогический листок», в котором имеется моя краткая биография-заметка А.А. Коринфского... Очень признателен Вам, Иван Алексеевич, за любезность, оказанную моим «виришам», и, конечно, ничего не имею против, чтобы они Вами переводились на русский язык. Кстати, замечу, что многие из моих произведений переведены уже В. Брюсовым и А.А. Коринфским, и полагаю, что вторично переводить таковые будет излишней роскошью...»⁹.

Аполлон Аполлонович Коринфский перевел на русский язык более пятнадцати стихотворений Янки Купалы.

Переводы «из Янки Купалы» А.А. Коринфским были осуществлены в основном в 1913 – 1914 гг. Так, 2 декабря 1913 года он переводит на русский язык стихотворение «Гарэлка», напечатанное в декабре в газете «Трезвая жизнь». Также в это время появляются переводы стихотворений «Песня сонцу», «Мой дом», «Песня», «Як у лесе зацвіталі», «Песня», «Явар і каліна», «Мая думка», «Перад ночкай», «Каб я князем быў...», «Да сваіх думак», «Як тут весела спываці?» и др. Циклы стихов Аполлон Коринфский печатал в «Педагогическом листке», в журнале «Весь мир», в различных изданиях под общим заголовком: «Из Янки Купалы» (с белорусского), часто сопровождая их короткими сведениями про белорусского поэта¹⁰:

** Янка Купала — один из виднейших представителей „молодой Беларуси“, одаренный и поэтически талантливый, и горячо любящий свой родному народу. Он — уроженец Борисовского уезда, Минской губернии, сын мелкого шляхтича, ведшего жизнь крестьянина-пахаря. Поэт родился в 1882 г.; кроме начальной народной школы — никакого образования не получив, всё своё умственное развитие обязан самому себе. В белорусской литературе, насчитывавшей и до него уже несколько даровитых писателей, он впервые выступил в 1905-м году и с тех пор стал действительным сотрудником издающихся на этом языке периодических изданий („Наша Доля“, „Наша Ніва“, „Маладая Беларусь“ и др.). К настоящему времени он является автором целого ряда книг: „Жалейка“ (1908 г.), „Нусіар“ (1910 г.), „Адвечная песня“ (1910 г.), „Сон на кургане“ (1913 г.), „Паўлінка“ (1913 г.) и „Шляхам Жыцця“ (1913 г.). В последнем сборнике стихотворений самобытный талант автора выказался в наибольшей полноте.*

Янка Купала с благодарностью относился к Аполлону Аполлоновичу и его жене Марианне Иосифовне. В одном из своих писем он писал: «Глубокоуважаемый и дорогой Аполлон Аполлонович! ... Читал я и перечитывал по нескольку раз Ваши переводы. Замечательно точны и красивы! Читая их, я вот что надумался: как бы это, Аполлон Аполлонович, устроить, чтобы этих переводов с меня сделать целую уйму и выпустить их отдельной книжкой? Что вы на это? Мне кажется, что такая книжка пользовалась бы несомненным успехом... Для большей важности Вы бы поместили под заголовком — «авторизованный перевод»... Конечно,

Аполлон и Марианна Коринфские. Петербург. 1914 г.

переводы делали бы Вы, Аполлон Аполлонович, тех из моих стихотворений, которые больше всего нравились бы... Как-никак, а Вы бы, не кто другой, явились в этом деле пионером, за что белорусы сказали бы великое спасибо...»¹¹.

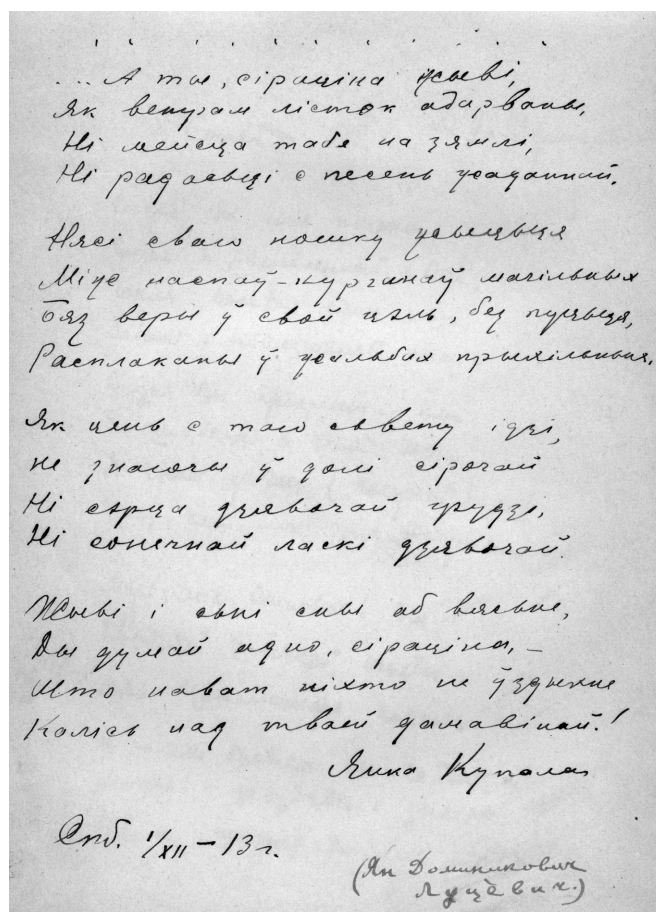
Материалы, которые чудом уцелели, рассказывают, что взаимоотношения Янки Купалы и Аполлона Аполлоновича Коринфского были не только деловыми, но и дружескими. Янка Купала в письмах констатировал, что с Коринфским они очень быстро подружились, имели много общего. А вот, что писала про дружеские связи жена А.А. Коринфского Марианна Иосифовна: «Янка Купала был очень близок к нашему дому, бывал у нас часто и запросто, иногда ночевал у Аполлона Аполлоновича в его кабинете. Это было на Васильевском острове, д. № 58, 9-я линия, кв. 17. Это был большой дом, новый, мы первые въехали в эту новую квартиру... Это было в 12-13 годах, а в 1914 году мы уехали на Волгу... Мы вернулись с Волги уже осенью, еле добрались домой — война, были за Самарой в Бугурусланском уезде... Вернулись на Васильевский остров (квартира оставалась за нами) и оттуда переехали в Лигово. Не помню, когда оборвалась переписка с Янкой Купалой»¹².

Очень быстро знакомство поэтов переросло в сердечную дружбу. Об этом свидетельствует переписка между Янкой Купалой и Аполлоном Коринфским. В письмах чувствуется глубокая симпатия и дружеская приязнь друг к другу. «Глубокоуважаемый и дорогой Аполлон Аполлонович! Преданный Вам, Иван Луцевич, — такими словами неизменно обращается Янка Купала к своему старшему товарищу. С уважени-

ем Янка Купала относился и к Марианне Иосифовне Коринфской: ей всегда посылались сердечные приветы и низкие поклоны. Янка Купала собирался написать в ее альбом стихотворение. В письме от 16 марта 1914 года белорусский поэт пишет своему другу: «Заступитесь, Аполлон Аполлонович, за меня перед Марианной Иосифовной, если будет очень ругать меня за неисполнение обещанного. Все вдохновение не приходит». Как вспоминала Марианна Иосифовна, однажды она попросила Янку Купалу: «Напишите пока что-нибудь». – «Ну хорошо, что помню на память», – ответил он. И на страницах ее альбома – довольно объемистой книги в кожаном переплете с замочком и ключиком – появилась надпись: «А ты, сiраціна, жыві...»¹³. Сделана запись была 1 декабря 1913 года. Сегодня этот альбом-реликвия, вместе с другими немногочисленными материалами из архива Аполлона Коринфского, бережно хранится в фондах Государственного литературного музея Янки Купалы (Республика Беларусь, Минск). По словам Марианны Коринфской, это стихотворение оказалось пророческим в отношении нее: после смерти мужа она осталась в полном одиночестве. Во время Великой Отечественной войны архив Аполлона Коринфского был разграблен фашистами, было уничтожено большое количество материалов, которые освещали дружбу и творческие связи Янки Купалы и Аполлона Коринфского. Однако даже то, что сохранилось, свидетельствует об их взаимной симпатии и уважении.

В 1930-е только немногие, среди которых был и Янка Купала, сохранили любовь, уважение и доброе отношение к забытому поэту. За несколько лет до смерти, в 1933 году, Аполлон Аполлонович Коринфский получил от Янки Купалы подарок – шестой том собрания сочинений Янки Купалы с дарственной надписью: «Дорогому и милому А.А. Коринфскому и Марьяне Иосифовне на добрую память Янка Купала. Минск, 12 / V-33 г., Октябрыская, 36а».

Сегодня имя русского поэта и переводчика Аполлона Аполлоновича Коринфского, чьи переводы были оценены самим Янкой Купалой (!), незаслуженно забыто. Его деятельность по популяризации творчества известного белорусского поэта нельзя

Страница с рукописью стихотворения Янки Купалы «А ты, сiраціна, жыві...» из альбома Марианны Иосифовны Коринфской. Петербург. 1913 г. Оригинал. Рукопись.

переоценить: она способствовала сближению и обогащению русской и белорусской литературы, знакомила читателя с талантливым белорусским поэтом. Давайте вместе перечитаем стихотворения Янки Купалы в переводе на русский язык Аполлона Аполлоновича Коринфского и получим наслаждение от точности перевода, красоты и мастерства слова белорусского и русского поэтов:

«В конце 1909 года Янка Купала приезжает в Санкт-Петербург». Вид с Васильевского острова

ЯВОР И КАЛИНА

Песнью весны лебединою,
Сбросив все зимние чары,
Шепчутся явор с калиною
В тихом долу возле яра.

Молвью, лишь небу понятною,
Любо шептаться зеленым,
Утром – с росой переكاتною,
В полдень – с лучом полуденным.

Вместе молитву вечернюю
Правят с усталой землею,
Тайну ночей суверную
Делят с огнистой зарею.

Смеху русалок дивуются,
Ловят напев каждой птицы,
С ветром ветвями целуются,
Внемлют журчанью криницы.

Музыку шорохов дивную
Шлет им камыш из-под яра.
Тешатся явор с калиною,
Сбросив все зимние чары...

НЕ ИЩИ...

(из Янки Купалы, с белорусского)

Не ищи ты счастья-доли
На чужом, далеком поле,
За шумливым лесом-бором,
За морским ли тем простором
Не ищи ты счастья-доли! –

Ты найдешь его так близко,
Там, где мать, клоняся низко,
Колыбель твою качала,
Песню сыну напевала, –
Лишь умей искать ты близко!..

Не ищи друзей себе ты
Меж чужих! Вдали – нигде ты
Ни на рынках, ни в палатах,
Ни среди панов богатых
Не ищи друзей себе ты!

Ты найдешь их близко-близко –
Возле хаты, возле низкой,
Там, где детство проходило,
Где коса твоя косила, –
Лишь умей искать ты близко!..

Не ищи ты, брат мой, в жизни
С ветром матери-отчизны, –
Ни на суше, ни на море,
Ни при счастье, ни при горе
Не ищи ее ты в жизни! –

Ты найдешь ее так близко –
Не высоко и не низко, –
Позабудь все перелеты,
Только в сердце глянь свое ты –
И найдешь отчизну близко!..

ЯВАР І КАЛІНА

Песняй вясны лебядзінаю,
Скінуўшы зімнія чары,
Шэпчуцца явар з калінаю
Ў сумнай даліне над ярам.

Лісцікі зеленай хваляцца
Небу панятлівай мовай:
Росамі мыюцца раніцай,
Песцяцца сонцам паўднёвым.

Захадам модлы пакорныя
З маткай-зямлей адпраўляюць;
Тайна у ночаньку чорную
Месяца, зор выглядаюць.

Слухаюць смехаў русалчых,
Лопату крылляў начніцы,
Ветру павесаў ап'янчаных,
Плюскату шклістай криніцы.

Чуецца музыка дзіўная
Ў повесцях сонных імшараў...
Цешыцца явар з калінаю,
Скінуўшы зімнія чары.

НЕ ШУКАЙ...

Не шукай ты шчасця, долі
На чужым, далекім полі,
Гэт, за шумным лесам-борам,
За шырокім сінім морам
Не шукай ты шчасця, долі!

Ты ўсе знойдзеш гэта блізка,
Там, дзе маці над калыскай
Табе песні напявала,
Як малога калыхала,
Толькі ўмей шукаці блізка!

Не шукай сабе дружкаў
Між чужынцаў, між піяўкаў,
Ні у месцы, ні ў палацы,
Ні пры легкой панскай працы, –
Не шукай ты там дружкаў!

Ты іх знойдзеш вельмі блізка,
Каля хаты, каля нізкай,
Дзе ганяў жывелу змалку,
Дзе касой махаў на ранку,
Толькі ўмей шукаці блізка!

Не шукай сабе, мой братку,
З ветрам Бацькаўшчыну-матку
Ні на сушы, ні на моры,
Ні у шчасці, ні у горы,
Не шукай яе там, братку!

Яе знойдзеш вельмі блізка,
Як знаходзіць лес вятрыска,
Толькі ў сэрца глянь свае ты
І ў душу заглянь з ахвотай,
Знойдзеш Бацькаўшчыну блізка!

- ¹ Перефразированная фраза из письма Янки Купалы к А.А. Коринфскому. Вильно. 16 марта 1914 г.
- ² Журнал «Современный мир» № 2, 1911 г., с. 208.
- ³ Письмо Янки Купалы к Б.И. Эпимаху-Шипиле. Вильно. 21.11.1909 г. (перевод Н.С.)
- ⁴ Письмо Янки Купалы к Л.М. Клейнборту. Санкт-Петербург. 1910 г.
- ⁵ Также.
- ⁶ Л.М. Клейнборта.
- ⁷ Письмо Янки Купалы к Л.М. Клейнборту. Кисловодск. 21.09.1928 г.
- ⁸ Письмо Янки Купалы к И.А. Белоусову. Минск. 25.04.1919 г.
- ⁹ Письмо Янки Купалы к И.А. Белоусову. Минск. 25.04.1919 г.
- ¹⁰ Журнал «Педагогический листок». 1914 г. Книжка 1.
- ¹¹ Письмо Янки Купалы к А.А. Коринфскому. Вильно. 16.03.1914 г.
- ¹² Малютина А.И. Из литературных связей Янки Купалы. (Янка Купала и Аполлон Коринфский). – Машинопись. – Б / д. – ДЛМЯНК. – Коллекция «У». – КП 1595.
- ¹³ «А ты, сиротина, живи...» – стихотворение Янки Купалы.

Литература:

1. Фокин П., Князева С. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX – XX веков: в 3 т. – СПб.: Амфора. – 2007. – Т. 1.с. 85.
2. Коринфский А. Игра судьбы: Ленин и Керенский (листки воспоминаний) // Истоки: Вестник Ульяновского филиала Центрального музея В.И. Ленина. – 1991. – №5.
3. Русские писатели. 1800–1917. – М., 1994. – Т. 3. – С. 70.
4. Фокин П., Князева С. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX – XX веков: в 3 т. – СПб.: Амфора. – 2007. – Т. 1.с. 85.
5. Фокин П., Князева С. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX – XX веков: в 3 т. – СПб.: Амфора. – 2007. – Т. 1.с. 84-85.
6. Коринфский Аполлон Аполлонович. Письмо к Виктору Ясинскому. – Лигово. 27.09.1923 г. – ГЛМЯНК. – Коллекция «А2». – КП 20071.
7. Поўны збор твораў. У 9 т. Т.9 Кн. 1. Пераклады; Эпістальярная спадчына; Дарчыя надпісы; «Расейска-беларускі слоўнік»; Калектыўнае; Службовыя і асабістыя дакументы; Дадатак / Янка Купала. – Мн.: Маст. Літ., 2003. – 686 с. [4] л. іл. – Письмо Янки Купалы да Л. М. Клейнбарта (Кіславодск, 21.09.1928 г.). – С 269-270.
8. Поўны збор твораў. У 9 т. Т.9 Кн. 1. Пераклады; Эпістальярная спадчына; Дарчыя надпісы; «Расейска-беларускі слоўнік»; Калектыўнае; Службовыя і асабістыя дакументы; Дадатак / Янка Купала. – Мн.: Маст. Літ., 2003. – 686 с. [4] л. іл. – Письмо Янки Купалы да І. А. Белавусава (Мінск, 25.04.1919 г.). – С 249-250.
9. Поўны збор твораў. У 9 т. Т.9 Кн. 1. Пераклады; Эпістальярная спадчына; Дарчыя надпісы; «Расейска-беларускі слоўнік»; Калектыўнае; Службовыя і асабістыя дакументы; Дадатак / Янка Купала. – Мн.: Маст. Літ., 2003. – 686 с. [4] л. іл. – Письмо Янки Купалы да І. А. Белавусава (Мінск, 25.04.1919 г.). – С 245-246.
10. Поўны збор твораў. У 9 т. Т.9 Кн. 1. Пераклады; Эпістальярная спадчына; Дарчыя надпісы; «Расейска-беларускі слоўнік»; Калектыўнае; Службовыя і асабістыя дакументы; Дадатак / Янка Купала. – Мн.: Маст. Літ., 2003. – 686 с. [4] л. іл. – Письмо Янки Купалы да А.А. Карыньскага (Вільня, 16.03.1914 г.). – С 239-240.
11. Малютина А. И. Из литературных связей Янки Купалы. (Янка Купала и Аполлон Коринфский). – Машинопись. – Б / д. – ДЛМЯНК. – Коллекция «У». – КП 1595.
12. Малютина А. И. Из литературных связей Янки Купалы. (Янка Купала и Аполлон Коринфский). – Машинопись. – Б / д. – ДЛМЯНК. – Коллекция «У». – КП 1595.

Марина ЛОМОВСКАЯ (Франция, г. Тулуза)

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И ЛИДИЯ НИКАНОРОВА В ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ

В год 125-летия со дня рождения Марины Ивановны Цветаевой (1892 – 1941) в № 7 нашего журнала за 2017 год была опубликована статья «В начале жизни: М.И. Цветаева в письмах П.И. Юркевичу 1908 г. и Л.А. Никанорова в письмах П.А. Безсонову 1910 – 1913 гг.» Сопоставляя письма двух гимназисток (московской и симбирской) того времени, когда они еще не были знакомы друг с другом, автор отмечает не только то общее, что было свойственно каждой из них, но и подчеркивает различия между юными Мариной Цветаевой и Лидой Никаноровой.

Публикуемый материал является продолжением начатой темы «Марина Цветаева и Лидия Никанорова». Эмиграция свела поэта и художницу в одном из Парижских пригородов в самом начале 1930-х гг. Теперь в задачу автора входит реконструкция реальных взаимоотношений двух современниц, основанная на написанном ими обоими друг о друге, а также по тому или иному общему для них поводу или родственной теме. Это философские мысли и житейские невзгоды, это отзвуки былых бесед, споров, даже ссор, чтения и слушания стихов, обсуждения книг, фильмов, судеб общих знакомых из близкого круга эмигрантов. В заключение автор кратко останавливается на причинах преждевременной смерти каждой из них.

Напоминаем нашим читателям, что Марине Валентиновне Ломовской уже доводилось писать о Л.А. Никаноровой¹ и ее муже – живописце и скульпторе Г.К. Артемове² в статье «Герои Каверина в романе и в жизни»³, поскольку именно они являются прототипами романа Вениамина Каверина «Перед зеркалом», в основу которого легли реальные письма⁴ художницы другу ее юности Павлу Александровичу Безсонову⁵.

Но на бегу меня тяжкой дланью
Схватила за волосы Судьба!
Марина Цветаева

Г. Артемов. Портрет Марины Цветаевой. Клямар, 1931 г.

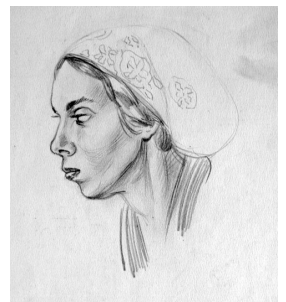
Дата знакомства с Мариной Цветаевой нигде специально в письмах Лидии Никаноровой⁶ не оговорена, но, судя по первому личному упоминанию, они могли познакомиться в самом начале 1930 года. Это было скорее приятельское общение, обусловленное близким соседством, нежели крепкая дружба⁷, и, хотя Цветаева в февральском письме Вере Буниной

1934 г. называет Артемовых друзьями, то делает это скорее для краткости объяснения⁸. Отношения, судя по тону этого упоминания, были более-менее ровные, без тех, часто необоснованных, очарований, неминуемо ведущих к последующим разочарованиям, которые были так свойственны Цветаевой. «В дружбе и во вражде – отмечает Ариадна Эфрон одну из характернейших черт своей матери – была всегда пристрастна и не всегда последовательна. Заповедь “не сотвори себе кумира” нарушала постоянно».

Вероятней всего, имя Цветаевой было известно Лидии еще до личного знакомства. Однако, поскольку она, любя стихи и часто их цитируя, ни разу в письмах не приводит ни строчки из цветаевской поэзии, та не являлась одним из ее любимых поэтов. Вряд ли, взяв почитать одну из самых первых книг Цветаевой у А.З. Туржанской⁹, Лидия не вернула ее владелице – такое воспоминание со слов самой Туржанской записала Цветаева в тетради: «Игрой случая страстно любила мой детский “Волшебный фонарь” и из всех книг увезла, когда бежала, только его. Его и Евангелие. (М.б. за сходство с молитвенником.) В Константинополе его у нее украли (по русск<ому> выразительному слову “зачитали”, т. е. так читали, что ничего не осталось – владельцу. То же самое, что “заспать” младенца)». На первом парижском вечере Марины Цветаевой¹⁰ Лидия, однако, с удовольствием слушает ее стихи. Жаль, что у нее не нашлось никаких других слов, чтобы передать свои впечатления от чтения Цветаевой, нежели ординарное «приятно».

С Александрой Захаровной Туржанской так же, как и с Георгием Артемовым, Лидия познакомилась еще в Константинополе, а Цветаева – в Чехии. Позже, уже во Франции, в течение небольшого времени (с октября 1926 по апрель 1927 года) Туржанская с семьей поселилась на первом, а Цветаева со своими – на втором этаже одного из павильонов при доме № 31 на Бульваре Вэр-де-Сен-Жюльен (Boulevard Verd-de-Saint-Julien) в Бельвю (Bellevue), да и позже они всегда жили в близком соседстве.

С конца 1925 г. Артемовы могут себе позволить и стараются как можно больше времени проводить на Корсике, где «можно много и спокойно» работать, где жизнь, конечно, была гораздо примитивней, чем в Париже, зато более дешевая и здоровая. Жорж мог сколько угодно, кроме основных занятий живописи

Лидия Никанорова. Автопортрет

Бельвю, дом 31 на Бульваре Вэр-де-Сен-Жюльен.

сю и деревянной скульптурой, предаваться своему самому любимому досугу – охоте и рыбалке.

Все краткие сведения о Цветаевой в период с 1925 по 1929 гг. Лидия сама получает в письмах от своей ближайшей подруги Муны Булгаковой¹¹ и, соответственно, передает их с ее голоса в собственных письмах. Познакомившись еще в Ялте, они снова встретились уже в Константинополе, а потом их пути временно разошлись: Муна с родителями переезжает в Прагу, где они знакомятся с семьей Цветаевой, а Лидия с 1923 года уже в столице Франции. С 1 ноября 1925 г. Цветаева с двумя детьми тоже в Париже, а Муна еще в Праге, но тоже собирается перебраться во Францию.

Спустя много лет, в 1968 году, французская исследовательница жизни и творчества М.И. Цветаевой Вероника Лосская попросила Муну – Марию Сергеевну Булгакову – принять участие в студенческом семинаре в Сорбонне – выступить с докладом «Марина Цветаева в быту». Стараясь быть по возможности объективной по отношению к памяти поэта Марины Цветаевой, жизнь которой окончилась так трагично и посмертная слава которой все больше набирала силу, Булгакова считает необходимым сообщить уже в первых строках своего доклада: «Я не была ни ее другом, ни ее поверенным». У нее с молодых – еще пражских – лет накопилось много обид на Цветаеву, главную же из них в довольно резких тонах называет Лидия в одном из писем другу, рассказывая о замужестве подруги: «Эта противная хищница Цветаева Марина вмешивается в их жизнь (он красив и был раньше с ней близок). Я ее, Цветаеву, вообще в жизни не люблю. Представь, дарит Муне написанную своей рукой “Поэму горы”, где подробно и “ясно” воспевают свою связь с М<униным> мужем¹² это же наглость¹³».

В нарастающем потоке повторяющегося на все лады вопроса «Как живется вам с другою...» («с простою», «без божеств», «с любою», «с чужою», «с товаром рыночным», «с стотысячной»), перемежающегося в знаменитой «Попытке ревности» характерными тире и восклицательными знаками, лирическая героиня не пощадила соперницу «без шестых чувств». Что касается самого героя «Поэмы горы», то едва познакомившись с ним, Лидия не скупится на уничижительные характеристики. Сначала, по

сведениям, полученным от Муны, она делится впечатлением, что он «оказался таким ревнивцем и вообще типом престранным», жалеет подругу, видя как плохо та выглядит: «вид изможденный, постаревший – прямо не узнать <...> считая себя на словах счастливой – она очень несчастна. Мне ее очень жаль. Родители тоже горюют. Он совсем не умеет работать и не хочет, родители дают, но Муну это тоже угнетает». Через короткое время Лидия познакомилась и хорошо разобралась в муже Муны – он ей «положительно не нравится. <...> Он абсолютно не хочет работать. Делает какие-то абажуры – только время проводит. Живут они на средства родителей, у кот<орых> тоже у самих немного; и конечно, эти последние требуют от Муны, чтобы он работал, тем более зная его образ жизни. Это, конечно, между нами. Муна очень хочет, чтобы о ее муже было другое мнение».

Эти сведения, увы, не соответствуют тому мифу о возможном исходе самой сильной любви ее жизни, который Цветаева творила как и любое свое произведение. Не любя «жизни как таковой» – для нее «она начинает значить, т.е. обретать смысл и вес только преображенная в искусстве», именно так, сказочному, создает эпилог этой любви: «Ключ к этому сердцу я сбросила с одного из пражских мостов, и покоится он, с Любушиным кладом на дне Влтавы, а может быть, и Леты». И в более «близких к жизни» размышлениях в письмах (уже годы спустя) неизменно присутствует «преображенная» реальность:

Карлов мост ночью. Фрагмент памятника Марине Цветаевой, установленного в Москве в 2007 г. (Скульптор Нина Матвеева, архитекторы С.Бурицкий и А.Дубовский)

«Зовет, рвусь, но, конечно, остаюсь, ибо С<ережа> и Аля, они, семья, как без меня?!»; «Ведь как меня человек любил, как *звал!* Но я не *могла...*» (курсив мой. – М.Л.). Не останавливаясь здесь на глубинных причинах обреченности этой любви, запечатленной Цветаевой в «Поэме горы», «Поэме конца» и стихах, чисто по-житейски лишь отметим, что звать – она ли не знала! – было решительно некуда, а жить – не на что. Буквально еще одна истина в пяти словах. Не делая из этого тайны, состарившийся Герой поэм прямо говорит В. Лосской в беседе 1982 г.: «Мы разошлись потому, что я не мог ее жизнь устроить <...> У меня не было средств, умения, не хватало авантюризма в хорошем смысле слова. И мешала моя собственная скромность. Я считал, что я ей совсем не нужен»; «Моя женитьба – это оппортунизм, мне

нужно было устроиться в Париже. У меня не было любви к Муне Булгаковой, но женитьба обеспечивала быт».

Да и по горячим еще следам сей адресат лирики (за что, собственно, мы его поминаем) достаточно адекватно разобрался в ситуации, если так объяснил одной своей близкой знакомой, изумленной, зачем он «бросил Марину, чтобы жениться на скучной Муне Булгаковой?»: «Она меня выдумала. Год мы были вместе¹⁴, и мне было тяжело не быть настоящим. А во-вторых, мне было стыдно перед С<ережей>».

Почистив газовые рожки, поделав абажуры, то есть приобщившись немного к мизерному заработку скудного эмигрантского хлеба и поняв, что этим не проживешь, он недалеко уехал: «Я вступил в ряды советских людей, ведущих политическую работу во Франции». «Ловцов человек» для этой «щекотливой», как он ее называет, работы, в те годы в Париже было предостаточно. Человек, получивший не только военное образование, но и имевший опыт войны, будучи более осторожным и, возможно, более щепетильным, чем другие, он сумел, выполняя эту работу, не сбиться, не запутаться, не погибнуть.

Чтобы справиться с докладом о «Цветаевой в быту», Мария Сергеевна Булгакова сочла нужным обратиться за помощью к Ариадне Эфрон, которой, как пишет В.К. Лосская, «не понравилась вся эта затея», но все же она откликнулась письмом из Москвы в Париж и попыталась выразить суть взаимоотношений ее матери с другими: «Дело в том, что она, будучи человеком исключительно глубокой, высокой, интенсивной и постоянно обновляющейся духовной внутренней жизни, быстро доходила до потолка отношений, выше которого собеседнику не прыгнуть. Для нее, с ее безмерностью в мире мер, каждый собеседник был заключен в определенные пределы, за которые она быстро вышагивала; не забудем, что она была Поэтом с большой буквы, а мы все, все, все <...> были в лучшем случае лишь читателями, т.е. потребителями, а не творцами. Ей быстро наскучивала наша обыденность, мы были ей не по росту».

Но и в «потребительском» смысле цветаевская поэзия не находила должного понимания у ее современниц. Не только М.С. Булгакова осознается в том же докладе, что не понимала ни стихотворения «Так плыли голова и лира», ни сказку «Молодец», ни «Переулочки» – вещь сложную, в которой смысл выловить нелегко, так и Лидия в 1928 году пишет своему другу: «Получила от Муны на днях последнего книгу стихов Цветаевой. Или книга слабее других или я уже потеряла вкус к ее поэзии. Уж слишком много “орнамента” и тому подобного».

Кризис 1929 года положил конец регулярным поездкам Артемовых на Корсику, приговорив их тем самым к более оседлому образу жизни. В самом конце 1929 или начале 1930-го, оставив за собой долги и лодку с мотором в качестве залога, они возвращаются в Париж. В письме этого времени Лидия сообщает другу, что они будут жить у Муны в Clamart <...> 3 маленьких комнаты, где можно работать <...>. У них раньше помещался один журнал, а теперь прогорел, вот мы на его место и въезжаем. Маленький отдельный домик без хозяйки с садиком.

Л. Никанорова. Кламаф. Акварель.

Потом, может, войдем во владение всего дома. Муна думает переехать в город. Оба они работают там. Проходит меньше полугода и Лидия сообщает о положении дел: «Муна обещала весь дом, но теперь ей и трудно найти <себе>, да ей неплохо и с нами: мы платим за 2 комнаты, как за весь дом, она живет бесплатно. И таким образом, пока мы живем, она будет жить, а мы уедем, и она тоже, т.к. для них дом дорог и квартирантов найти невозможно, дом очень неудачный, но я все же хотела остаться в этом доме, для нас одних он был бы ничего. Я ищу безнадежно, но так как очень трудно найти при наших требованиях (стучать, сорить и собака). А в Clamart'e сейчас хорошо, он весь утопает в фруктово<м> садике, и сейчас это сплошной белый букет яблонь, груш и слив».

Именно из этого, снятого у Муны в Кламафе, дома по адресу 102, rue d'Union¹⁵, Clamart (Seine) Лидия впервые уже от себя, а не со слов подруги, пишет о Цветаевой 4 апреля 1930 г.: «И весна верно загоняет к нам поэтов. Два вечера подряд слушаем стихи: Марина Цветаева и еще итальянский поэт». Отмечает, что с Цветаевой они подружились, что она, как люди говорят, может быть злой, если невзлюбит и что «будем ее писать и ее сынишку». Цветаева, по беспристрастному и меткому наблюдению Ариадны Эфрон, которая сама была талантливой художницей, увлечась могла только сюжетом изображенного – так дети «смотрят картинку». «Форма и колорит – достоверно осязаемое и достоверно зримое – остались ей чужды». Но Цветаева очень ценила все, что останавливало мгновенье и давало возможность снова увидеть и воскресить в памяти. Потому она была равнодушна к фотографии: обыкновенно рядом с тем местом, где она работала, развешивала или ставила фотографии дорогих ей людей, использовала каждую возможность, если можно было запечатлеться или запечатлеть своих, охотно показывала фотокарточки знакомым, посылала в письмах близким друзьям и сестре.

На предложения художников позировать Цветаева откликалась с радостью или даже сама просила их о портретах Али или Мура. Кроме Артемовых, Мура рисовал также Савва – сын Анны Ильиничны Андреевой, ближайшей приятельницы Марины Ивановны. В одной из записей осени 1932 г. Цве-

Марина Цветаева с сыном Муром

таева передает слова Мура во время одного из таких сеансов: «Я уже знаю все приключения Бога. (В отв<ет> на предл<ожение> почитать вслух Евангелие, пока Савва его дорисовывает)». Цветаева, в писаниях которой звучит множество библейских мотивов, относилась к Библии как к источнику мудрости и прекрасной литературе. Поэтому она считала необходимым знакомить с Книгой книг и своих детей: «Я рассказываю: — А отец его был плотник — строгал

доски. Мур: как казак. А столы делал?». Цветаеву явно позабавило, как евангельский текст мгновенно ассоциировался у ребенка с вполне реальной работой Артемова над деревянными панно, которую они имели возможность постоянно наблюдать.

Судя по цитированию отдельных отрывков или коротких фраз как в константинопольском дневнике, так и в письмах, несомненно, что Лидия тоже часто обращалась к Библии. Больше того, в начале 1927 года она сообщает другу: «Вот еще интересный курс слушала — толкование В<етхого> Завета — такое глубокое и широкое, столько дает духовной жизни. Мне никогда в голову не приходило, что это может быть таким нужным. Вообще, духовно жадно живу». Но свои «религиозно-философские» убеждения она намеренно берет в кавычки, потому что, не считая себя «настоящей христианкой», просто хочет идти по этому пути в жизни. Тщательно глядяваясь в себя, Лидия приходит к выводу: «Между прочим, <...> я вижу, что мое “христианство” тоже языческое. Ведь у меня подход к нему чисто эстетический. Христианство мне кажется более утонченным духовным состоянием». Такой подход близок к цветаевскому.

Что религиозные обряды (подробно и любовно, например, описано крещение Мура 10 июня 1925 г.), любя и всегда отмечая христианские праздники, Цветаева говорит о себе: «Вообще, я человек внецерковный, даже физически: если стою — всегда у входа, т. е. у выхода, чтобы идти дальше». Признается, (когда художница Юлия Рейтлингер — их общая с Лидией близкая знакомая — попросила написать Цветаеву текст к ее иллюстрациям для детской церковной книжки), что литургия — тема для нее трудная, п. ч. службу знает плохо — каждый знает лучше нее. С присущим ей юмором пишет Аде Черновой в пасхальные дни 1925 г.: «Мне очень нравится, что Вы говели. Вам (дочери революционера) говеть то же самое, что мне (внучке священника) 16 л<ет> заставлять Николая Чудотворца на иконе — Бонапартом. Честное слово. Так было».

Увлечшись уже в 1937 году книгой «Житие св. Терезы от младенца Иисуса, написанное ей самой» и делая своими впечатлениями с А. Берг, Цветаева предостерегает в письме свою корреспондентку: «...Не думайте que je tombe en religion <впадаю в

религиозность (перевод мой.— М.Л.)> — я была бы не я — этого со мной никогда не будет — у меня с Богом свой счет, к нему — свой ход, который мимо и через — над моей головой <...> двойной свет: последнего язычества и первого христианства».

Весной 1930 года, едва познакомившись с Мариной Ивановной, Лидия не имела ни малейшей возможности сойтись с ней поближе — она готовилась к проведению совместной с Георгием выставки его деревянной скульптуры и ее акварелей. «Перед выставкой всегда много спешки, беготни», — пишет она другу. Вернисаж состоялся 8 апреля, а посетить выставку можно было до конца месяца. Затем, по-

Выставка акварелей Л. Никаноровой. Париж, 1930 г.

лучив большой заказ на роспись богатого имения в Верьер-ле-Бюисон (Verrière-le-Buisson) в 15 км от Парижа — «очень красивое место, с большим лесом» — они с Георгием напряженно работают над фресками и живут там же до осени. «Воздух великолепный, — пишет Лидия в конце сентября, — много фруктов, только дожди и холод. Лета не было в Париже в буквальном смысле слова. С домом в Clamart, еще не решено. Муна будет жить, пока мы живем, т.к. мы оплачиваем ей почти весь, а мы уедем, она не сможет держать этот дом, а других тоже не находится. Трудно теперь и в Париже с квартирами, есть, но очень дорогие все. Хочется устроиться удобнее для работы». Цветаева, в свою очередь, тоже была очень занята — она готовила очередной вечер, от продажи билетов на который зависел необходимый для всей семьи летний отдых. Совместный с другими участниками «Вечер романтики» состоялся 26 апреля. Уехав из Парижа уже в середине июня, она только 9 октября вернулась из Савойи, где проводила лето с детьми в старом деревенском доме в трех километрах от замка Арсин (Château d'Arcine) — там в русском пансионе с материальной помощью Красного Креста поправлял здоровье Сергей Яковлевич. Его удалось устроить туда на целых 8 месяцев — зиму, весну, лето.

Отношения Лидии с Булгаковой, несмотря на ближайшее соседство, а, скорее, именно из-за него, все более охлаждаются: «С Муной мы как-то начинаем “чужеть”. <...> Вообще ее практичность начинает быть неприятной и очень ее портит. Живем мы за тонкой перегородкой, но абсолютно разной, чужой друг другу жизнью». Быстро проходят последние месяцы 1930 года после возвращения из Верьер-ле-Бюисон, и уже 6 января 1931 года Лидия

сообщает в очередном письме своему другу важную новость: «Надо тебе сознаться, что мы стали ужасными буржуями – купили себе дом! <...> Нет, самое интересное, что купили без единого гроша. Это стоит рассказать подробно. Правда, дом – настоящая спичечная коробка: 2 комнаты, кухня и сад – всего земли 250 метров²».

В этот маленький домик и садик по адресу 9, Villa Union, Clamart (Seine) часто приходила Цветаева, жившая с семьей в медонской квартире (Meudon, 2, avenue Jeanne d'Arc¹⁶, в которой летом 1931 года к тому же «полоумная хозяйка затеяла переделку <...> из кухни – ванную, из ванной – кухню»), а уже с марта 1932 г. («Недаром я – грузил! вези! – / В непросыхающей грязи / Мне предоставленных трущоб») – в кламарской (101, rue Condorset), сменив эту квартиру уже через 9 месяцев на другую, неподалеку от предыдущей (10, rue Lazare Carnot).

Мёдон

В домике у Артемовых бывала не только Цветаева с Алей и Муром, но и многие другие обитатели русского окружения. Связи с французами, если судить по письмам Лидии – деловые и дружеские – явно существовали, но скорее эфемерные. Неизбежными были встречи, переговоры и расстроения от хозяев съемного и купленного жилья («Мы еще не кончили платить за наш дом, и бывшая хозяйка нам всякими способами отравляет жизнь вплоть до судебных следователей за каждые платежи»), лавочниками, отпускающими в долг, владельцами галерей и организаторами художественных салонов, с которыми обсуждались условия выставок и продаж. Что же до домашней обстановки Артемовых, тут Лидия солидарна с Цветаевой, она просто не должна мешать творчеству: «Французского быта я тоже усвоила мало – только что мне удобно, что сокращает работу. Ведь я такая неумелая в быту, а теперь кое-как принаравливаюсь, и создается какая-то смесь. Хозяйство наше довольно упрощенное. Обстановка, утварь самая необходимая лишь, и то по возможности такая, что могла бы служить натюрмортом. Иногда французскую буржуазность это шокирует. Здесь у всякой консьержки “все” есть и на своем месте». Иногда в письмах проскальзывают крупницы полученного от общения с французами опыта: «Как у русских есть свойство бранить все свое, так у французов обратное – хвалить все свое, захлебываясь, и к чужому с завистью, иронией».

Цветаева тоже, по бытовой и рабочей необхо-

димости, не могла не вступать в контакт с французами. Ей старались помочь представить ее поэтические вещи и переводы для возможной публикации во французских журналах и М.Л. Слоним, и Е.А. Извольская, и В.В. Вейдле, но все это было, по ее словам, «висение на ниточке и цепляние за соломинку». В итоговом письме А.А. Тесковой от 1 января 1932 года об этом говорится совершенно определенно и недвусмысленно: «Париж мне душевно ничего не дал. Знаете как здесь общаются? Гостиные, много народу, частные разговоры с соседом – всегда случайным – иногда увлекательная беседа и прощай навсегда. Так у меня было много раз, потом перестала ходить (пишу о французах). Чувство, что всякий все знает и понимает, но занят целиком собой, в литературном кругу (о котором пишу) – своей очередной книгой. Чувство, что для <неразб.> тебя места нет. <...> самая увлекательная, самая как будто душевная беседа француза ни к чему не обязывает. Безответственно и беспоследственно. Так, как говорит со мной, говорит с любым, я только подставное лицо, до <которо>го ему никакого дела нет. Французу дело до себя. Это у них называется искусством общения».

Жгучей обидой полны слова Цветаевой за свои переводы Пушкина, которые никуда не могла пристроить, когда она пишет Тесковой, что на чествовании поэта в 1937 г. в Сорбонне «по отрывкам, читали Бог знает что. Переводили – “очень милая барышня” или “такой-то господин с женой” – частные лица никакого отношения к поэзии не имеющие».

Для медицинского и бытового необходимого обслуживания эмигранты старались находить и обращаться к «своим» врачам, портным, грузчикам, парикмахерам. В письмах Цветаевой упоминаются имена врачей из России, например, И.П. Алексинского, делавшего операцию аппендицита Муру, его дочери Н.И. Алексинской, к которой она обращалась сама со своим «неучитимым сердцем». У Лидии тоже встречается имя врача Лидии Васильевны, которая лечила ее в Париже. Интересно отметить слова Цветаевой, приведенные в дневниковой записи Юрия Иваска после их встречи в Париже в декабре 1938 года. Разговор коснулся смерти Николая Гронского: «Ему не подали первой помощи, почему-то ждали пожарных, хотя пожара не было, такое уж правило. Истек кровью...». Цветаева, очевидно, не знала, что во Франции¹⁷ так это организовано и до сих пор: наряду с обычной службой скорой помощи первую медицинскую помощь оказывают и пожарные.

К моменту знакомства и Марина Цветаева, и Лидия Никанорова, вопреки своей юношеской враждебности к Гимену, обе замужем. У Цветаевой за плечами 20 лет «совместности» с Сергеем Яковлевичем. Дату их первой встречи – 5 мая 1911 года – она не только ежегодно отмечает для себя, но не раз приводит ее вместе с описанием этого «чудного мгновенья» в Коктебеле у Макса Волошина в письмах различным корреспондентам, упоминает о ней в своих прозаических вещах – настолько она всегда казалась ей прекрасно-знаменательной. Обращиваясь на то время и в письмах 1934 г. к Наталье Гайдукевич – одной из своих новых на тот момент корреспонденток, с которой ей никогда не удалось повидаться, Цветаева считает необходимым и ей об

Сергей Эфрон

этом поведать, но уже со стороны прожитых лет: «Встретила я чудесного одинокого мальчика (17 лет, только что потерявшего боготворимую мать и погодка-брата. Поэтому и вышла замуж, т.е. сразу заслонила собой смерть. Иначе бы навряд ли вообще “вышла”. Теперь скажу: ранний брак — пагуба. Даже со сверстником».

Лидия Никанорова, очевидно, едва познакомившись, кратко описывает их обоих весной 1930 г.: «Она наружностью мало теперь интересна, очень подурнела, но вообще блестящая умница, только бедна, уж очень трудно ей живется, прямо нищенствует. Муж какой-то нелепый, да еще и чахоточный к тому же». Если бы Цветаева почувствовала интерес, желание и наличие у Лидии времени для подробностей ее жизни, то, вероятней всего, она повторила бы примерно то же самое, что писала в письмах о своем муже разным людям (чаще всего в тех случаях, когда взывала о помощи): «Он, отродясь больной человек, сын немолодых и безумно-измученных родителей (когда-нибудь расскажу трагедию их семьи), в 16 л<ет> был туберкулез (в 17 лет встреча со мной, могу сказать, его спасаая), болезнь печени, война, добровольчество, второй взрыв туберкулеза (Галлиполи), Чехия, нищета, студенчество, наконец Париж и иступленная (он иступленный работник!) работа по евразийству и редакторству»; «Жизнь трудная: С<ергей> Я<ковлевич> без работы — Евразия кончилась, а ни на какой завод его не примут, да и речи быть не может о заводе <...>. Это больной человек. Сейчас поступил на курсы кинематографической техники, по окончании которых сможет быть оператором»; «В постоянную непрерывную его работу в <кинематогра>фе верить трудно — работа трудная, в физически трудных условиях»; «С<ергей> Я<ковлевич> тщетно обивает пороги всех кинематографических предприятий — КРИЗИС — и французы-профессионалы сидят без дела. А на завод он не может, да и не возьмут, ибо только-только хватает сил на “нормальный день”, устает от всего. Сейчас он совсем извелся от неизвестности, не спит ночей и т.д.»; «С<ергей> Я<ковлевич> — человек не домашний, он в доме ничего не понимает, подметет середину комнаты и, загораюсь от всего мира спиной, читает или пишет, а еще чаще подставляя эту спину ливням, гоняет до изнеможения по Парижу». Осенью 1930 года Цветаевой гораздо проще и свойственнее было написать своей заочной Анне Тесковой в Прагу, нежели словами сказать в личной беседе новой знакомой Лидии Никаноровой: «Иногда я думаю, что такая жизнь при моей непрестанной работе все-таки незаслужена. Погубили меня терпение, моя семижильная гордость, якобы все могущая: и поднять, и сбросить, и нести, и снести». Многие эмигранты жили в бедности. Об этом известно из их биографий, воспоминаний, из художественной литературы — на эту тему писали

И.А. Бунин, В.Ф. Ходасевич, Н.Н. Берберова, Г.А. Газданов, Н.А. Тэффи и другие. Но все же, если сравнить цветаевский случай с положением, например, одних из собратьев по перу Ирины Одоевцевой и Георгия Иванова, то тут достаточно обратиться к началу коротких воспоминаний Одоевцевой об одной непредвиденной встрече с Цветаевой перед ее отъездом на родину, чтобы почувствовать совершенно иную тональность: «Послезавтра мы с Георгием Ивановым едем в Биарриц на целых три месяца. К океану. И я уже полна легким радостным волнением. /Сегодня я целый день бегала по магазинам. Я очень устала. И все-таки мне не хочется оставаться дома и провести вечер, читая или слушая радио.

— Пойдем куда-нибудь, Жорж!

Георгий Иванов, как всегда, согласен. Только куда пойти? Все наши друзья и знакомые уже разъехались. Даже на Монпарнасе никого не встретишь.

— Хочешь, пойдем в кинематограф?

Нет, решительно не хочу. Я сейчас совсем не в состоянии неподвижно сидеть перед экраном.

— А Гингеры? — вдруг вспоминает он. — Они еще в Париже. Сегодня четверг, по четвергам у них “Свидание поэтов”. Хочешь, пойдем к ним? <...> — Едем. Но непременно в такси, а не в метро. Туда и обратно в такси. Я страшно устала. /И мы едем».

Со свойственной Цветаевой глубокой иронией, перебивая и противореча самой себе в скобках короткими фразами с восклицаниями, именно в положение такой женщины и такого писателя она пытается поставить себя в осеннем письме Тесковой 1930 г.: «Если бы я была как все женщины моего круга (NB! а есть ли у меня круг?!) или как все писатели (моего круга, которого уже заведомо нет!), за меня бы все делали, а я бы глядела. Женщина бы глядела, а писатель бы писал».

«Нищенская» — как характеризует во многих письмах Лидия жизнь Цветаевой — действительно мучительна. Ее записные книжки 1931 г. года испещрены подсчетами и расчетами как, впрочем, и письма. Только тем людям, на реальную денежную помощь которых она могла рассчитывать (А.А. Тесковой, С.Н. Андрониковой-Гальперн, новой знакомой Р.Н. Ломоносовой), написано с полсотни писем. В них рефреном: «Мы совершенно погибаем»; «А дела на редкость мрачные»; «Мы должны кругом: и в лавку, и угольщику, и всем знакомым, живем в грозе газа и электричества и, главное, терма»; «Денег нет ни на что, едим то что отпускают в долг в лавке, в город ездить не на что, едет либо С<ергей> Я<ковлевич>, либо Аля, завтра не поедет никто, эти деньги на марку — последние»; «Удушены долгами, утром в лавку — мука»; «Курю окурковый табак — полная коробка окурков, хранила про черный день и дождалась»; «Вот уже поистине — пришла беда раскрывай ворота! Я попала в самую настоящую беду...».

Все это, конечно, никак не способствовало хотя бы относительно спокойной жизни, а, наоборот, вызывало семейные взрывы по всякому поводу. Например, коротенькая зарисовка в записной книжке осенью 1932 г.: «Обычная утренняя ссора с С<ережей>. За кофе (20 минут спустя) Мур, глядя на С<ережу>: — Мама, Вы замечаете? Папа сейчас будет мириться: просветлели небеса...». Когда в 1930-х годах Сергей Яковлевич сделался сотрудником

«Союза возвращения на родину», началось неизбежное обсуждение положения дел в Советском Союзе, пошли разговоры об условиях и возможностях возвращения, о новом человеке. К этому же времени относится и факт биографии героя поэм — К.Б. Родзевича: «Я вступил в ряды советских людей, ведущих политическую работу во Франции». Разговоры о советских достижениях, экономических успехах, которые активно велись среди эмигрантов, доносились до близких соседей, в том числе и до Артемых¹⁸. Лидия в связи с этим пишет о себе другу в мае 1931 года: «Политически, сознаюсь, я очень некультурна» и в то же время: «А за жизнью в России слежу с трепетом. Героическое время! Какой подъем! Какая сила, упорство, терпение». Цветаева на все это смотрит иначе, энтузиазм мужа и его товарищей ее не убеждает, а только становится дополнительным камнем преткновений. «Я живу с читателями газет, с пересказчиками газет», — пишет она о своем окружении. В сентябре 1933 года Цветаева по-соседски была с Муром у Родзевичей, у которых в марте 1932 года родилась дочка Наташа¹⁹: «Старый дом в большом саду, беседка, О окна, калитка». Дальше она описывается скандал с Родзевичем, который дразнил Мура и довел ее этим до бешенства. Завершается данная запись в книжке почти общественно-политически: «А еще хотят “строить новый мир”, когда не умеют ни говор<ить>, ни ладить, ни управлять таким замеч<ательным> реб<енком>, как Мур». Из письма к С.Н. Андрониковой-Гальперн той же осени: «С<ережа> здесь, паспорта до сих пор нет, чем я глубоко счастлива, ибо письма от отбывших (сама провожала и махала!) красноречивые: один все время просит переводов на Торг-Фин (?), а другая, жена инженера, настоящего, поехавшего на готовое место при заводе, очень подробно описывает как ежевечерне, вместо обеда пьют у подруги чай с сахаром и хлебом. (Петербург). Значит С<ереже> остается только чай — без сахара и без хлеба — и даже не чай. Кроме того, я решительно не еду, значит, расставаться, а это (как ни грыземся!) после 20 лет совместности — тяжело. А не еду я, п. ч. уже раз уехала. (Саломея, видели фильм “Je suis un évadé”²⁰, где каторжанин добровольно возвращается на каторгу, — так вот!))».

Цветаевой, как она объясняет той же Наталье Гайдукевич уже в 1934 году, некому все это сказать, а отвод необходим («не говорить — разорваться»), и она прибегает к единственно верному и доступному (хотя и на марку часто денег нет) ей способу — пишет в письмах о муже и о себе: «И все-таки не расходимся, но у кого духу нет <...> и он меня по-своему любит, но не выносит, как я его. В каких-то основных линиях: духовности, бескорыстности, отрешенности — мы сходимся (он — прекрасный человек), но ни в воспитании, ни в жизнеустройстве, ни в жизненном темпе — все врозь. Я, когда выходила замуж, была (впрочем, отродясь) человеком сложившимся, он — нет, и вот за эти двадцать лет непрерывного складывания сложился — в другое, часто неузнаваемое. Главное же различие — его общительность и общественность и моя (волчья) уединенность».

В октябре 1935 года в письме Пастернаку после их «невстречи» в Париже, выражая свое непонимание как он мог проехать мимо матери на поезде, мимо 12-летнего ожидания, Цветаева противопоставляет

себя ему: «Я всю жизнь водила ребенка за руку».

Это касалось, конечно, не только детей²¹. Свою руку она протянула на все грядущие годы уже в 18 лет 5 мая 1911 года: «Я тут же решаю никогда, что бы ни было, с ним не расставаться и в январе 1912 г. выхожу за него замуж». Через 15 лет замужества: «Во всех больших случаях жизни — божественен. <...> Это мое роковое чудо». И в 1940 году, чего бы ни было за прошедшие 30 лет, она запишет, как всегда, «из самых недр»: «Лучшего человека не встретила».

М. Цветаева с мужем и сыном в Клараме

Лидия познакомилась с Георгием в феврале 1922 года в Константинополе, и его характер раскрывается перед ней пока еще не до конца прочитанной книгой. Она зорко всматривается в спутника жизни: с первого знакомства он ей показался милым и симпатичным, ей очень нравятся его работы, она восхищается его талантом, с радостью пользуется его уроками наработанного мастерства, но есть черты, которые ей совсем не по нраву: его преувеличенная страсть к охоте (Лидии ненавистно убийство животных), его повышенная нервозность, недостаток общей культуры, изматывающая ревность — все это не могло не вызывать ссор и столкновений: «Ж. бывает невыносим, и тогда я очень страдаю. Обычно во время ссор из-за пустяков — самая частая ссора из-за собаки — я не люблю ни его охоты, ни его “ученья”, ни наказания собаки. Кончается решимостью разойтись. “Расходимся” мы каждую ссору. Всегда моя инициатива». Но все избытки и недостатки покрывает его любовь — в чем в чем, а в ней сомневаться не приходится. И Лидия, имея юношеский опыт настоящей, но не удавшейся любви, со всей искренностью и пониманием даже не жалеет, а сострадает Жоржу: у нее «теперь следы, рубцы на сердце» и она останется «несостоятельной должницей», потому что «его любовь навек огорчила», а такая любовь, как у Жоржа к ней, требует такой же ответной.

О своем замужестве в 1927 году Лидия пишет другу как бы между прочим, скорее даже поделовому: «Забыла еще новость — я уже Артемова — в трудные дни из-за коммерческих и всяких <...> соображений решили в марте это сделать. У Жоржа сейчас завязаны всякие знакомства, и приходится уступить общественному мнению. “Событие” совершили совсем без события. А в общем почва

была уже приготовлена – внутреннее решение, как-то само собой совпало». По тому, как Лидия ведет свои семейные дела, – она человек здравого смысла. Прямо с математической точностью она проводит анализ: «если судить здраво – это мое “лучшее” положение. Разберусь подробнее в наших отношениях с Ж. <...> теперь просто глубокая любовь-дружба. <...> У него тоже любовь-дружба. Простая, глубокая и “настоящая”. Никто меня лучше него не любил. Красивее – да, но не “по-настоящему”, что я и ценю так. <...> Мы с ним большие приятели, и большое счастье быть обоим художниками – мы очень пополняем друг друга, без зависти, а наоборот, с обоюдной добротой – он в особенности – всегда радуется моим успехам».

Когда ее друг, с годами, вероятней всего, все более сожалеющий об их несложившейся общей судьбе, пишет ей о любви, пытаясь вернуть прошлое, она мягко отводит: «О “доминанте” не хочется писать и на “пункты” тоже не хочется отвечать. Ты меня все-таки не совсем понимаешь, и твои пункты как-то мало соответствуют действительности. Я-то чего-то другого ищу. И <хоть> ты и любишь во мне мое “беспокойство души”, но я-то хочу уже покоя, внутреннего покоя, ищу некоторую постоянную величину». Если Лидия раскрывала книжку Цветаевой «После России», то ее чувствам наверняка были созвучны строки стихотворения «Эвридика – Орфею»: «Что же скажу тебе, кроме: / “Ты это забудь и оставь!”». «И любовь уже не та, что рождает эстетические эмоции, – продолжает объяснять Лидия другу свое нынешнее состояние, – но любовь с заглавной буквы. Вот, кстати, в наших отношениях, вернее в твоём, было много эстетики. И меня порадовало при нашей встрече, что теперь уже меньше ее и глубже и серьезнее чувство». Кстати сказать, что и Цветаева, отменявшая все поверхностное, берущая всегда «на самую глубину», ряд слов от корня «эстет» использовала как ругательные и писала, в частности, что пять чувств эстета – «проводники не в душу, а в пустоту».

Лидия, не кривя душой ни перед собой, ни перед другом юности, с которым было в свое время слишком много опыта, мало счастья, но все же «так хорошо вспоминать» то незабвенное настроение яркого счастья и продолжать переписку, поскольку это одно из самого хорошего в ее жизни, трезво оценивает ситуацию, воспитывая в себе мудрость, со свойственной ей прямоотой и простотой: «У меня есть любимое дело, я люблю, любима, у меня есть прекрасная дружба...».

Никогда ничего подобного Цветаева, увы, не могла о себе сказать. Ранняя обида на недостаточность любви наложила отпечаток на всю ее жизнь. «Я дожила до сорока лет, – пишет она А.А. Тесковой в ноябре 1934 г., – и у меня не было человека, который меня любил бы больше всего на свете. Это я хотела выяснить. У меня не было верного человека. Почему? У всех есть». В это «у всех», конечно, прежде всего, входила Лидия. И тем не менее непреложно, при любых обстоятельствах Цветаева верна себе: «Без любви мне все-таки на свете не жить...».

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельшусь – смущусь – рванусь.
О милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И настораживалась, и прельщалась, и смущалась, и рвалась все с тем же, с юности сформулированным, требованием веры и просьбой о любви. В один из январских ледяных дней 1940 года в подмосковном Голицыне пишет Е.Б. Тагеру, в котором заметила что-то монашеское и мальчишеское – и щемяще-беззащитное: «Сердце сжалось, и что-то внутри – там где ребра расходятся – зажглось и стало жечь – и стало болеть». И еще одна надежда-предложение: «Я Вас не по ниточке, а – за руку! поведу по лабиринту книжки: моей души за 1922 г. – 1925 г., моей души – тогда и всегда» осталась безответной: «Вы ничего не хотите взять из того, что я Вам несу. Вы отводите руку, и мои – опускаются». Обдумывая и составляя свою автобиографию в те же дни, записывает в тетрадь истину, без которой ее биография просто немыслима: «Всеми моими стихами я обязана людям, которых любила – которые меня любили – или не любили». Это и о последнем, известном нам, стихотворении без заглавия с эпиграфом «Я стол накрыл на шестерых», обращенном к Арсению Тарковскому в начале марта 1941 года. Стихам в тетради сопутствует запись: «Был у меня дважды, на третий не пришел – прождала его тщетно <...> Больно? Нет. Слабо – больно. Боль куда слабее, чем та радость от него. – Привыкла – за жизнь». С юности зная и отмечая в течение лет свою особенность и даже «особость»: «Я всегда пересолю»; «Ненасытностью своею перекармливаю всех»; «Мне всегда совестно давать больше, чем другому нужно (= может взять!) – раньше я давала – как берут – штурмом!» – остается верной себе.

Вряд ли Никанорова и Цветаева доверяли друг другу свою сердечную жизнь, но некоторые строки никаноровских писем отчетливо перекликаются с цветаевскими записями и стихами, которые она читала часто в присутствии Лидии. Например, из стихотворения Цветаевой 1924 года: «Точно гору несла в подоле – / Всего тела боль! / Я любовь узнаю по боли / Всего тела вдоль». Из письма Лидии другу: «Для тебя любовь развлечение, украшение жизни. А для меня – рок, проказа сердца *sœur lépreux*. <...> А боли я теперь боюсь, боли сердца и жить с ней не смогу».

Возможно, не называя имен, обсуждая книги и фильмы, они приходили к общим, скорее философским, нежели житейским, выводам. Например, из записей Цветаевой 1923 г. – года ее «самой сильной любви с автокомментариями 1932 г.: «Внося верх в низ, душу в любовь, я неизменно возвышала другого и никогда не снижалась сама. Ни от одной любви у меня не осталось чувства унижения – своего, только бессовестности – чужой. Мне не стыдно, что я тебя такого любила: я тебя не такого любила и пока я тебя любила, ты не был таким, но тебе должно быть (и есть) стыдно, что ты меня такую не любил – не так любил». «Может, правда Вл. Соловьев говорил, – пишет Лидия на ту же тему, – что нет любовной “идеализации”, а есть “прозрение” любви. Человека подлинного видит только тот, кто его любит, он слышит его музыку, а остальные видят только маску, а музыки никакой не слышат. А я склонна соединить и то и другое в одно: важна “сама любовь”, и она “прозревает” – это не противоречит друг другу».

Каждая из них творила свою «Оду к радости» и в размышлениях о том, что такое радость и счастье, они во многом сходятся. Например, из письма Лидии ноября 1928 г.: «Да, ведь счастье не в обладании вещей, а в умении радоваться ими. Счастье, как и любовь, это талант, и как мало людей им одаренных! Да, чувствовать счастье в настоящем, а не бегать за ним...». И апреля 1932 г.: «Для меня живопись – радость».

Цветаева, говорившая о себе: «Мне, чтобы жить, надо радоваться», – не раз, как о самом необходимом, спрашивала в письмах многих своих корреспондентов, есть ли радость. В 1940 году буквально «меж горестей, забот и треволнения», она не может без нее обойтись: «Господи! Как хорошо, что есть два слова: *aube* и *aurore* (рассвет и заря), и как я этим счастлива». И еще: «...Единственная моя радость – Вы будете смеяться – восточный мусульманский янтарь, который я купила два года назад, на парижском “толчке” – совершенно мертвым, восковым, обогретым плесенью, и который с каждым днем на мне живет: оживает, играет и сияет изнутри. Ношу его на теле, невидимо. Похож на рябину». В этом же письме, адресованном Вере Меркурьевой, она размышляет и о своем счастье: «Мне очень мало нужно было, чтобы быть счастливой. Свой стол. Здоровье своих. Любая погода. Вся свобода. – Все. – И вот – чтобы это несчастное счастье – так добывать, – в этом не только жестокость, но глупость. Счастливому человеку жизнь должна – радоваться, поощрять его в этом редком даре. Потому что от счастливого – идет счастье. От меня – шло. Здорово шло. Я чужими тяжестями (взваленными) играла, как атлет гири». За три дня до войны и меньше чем за 3 месяца до смерти благодарит А. Крученых, в компании с которым провела день в подмосковном Кускове, «за первую красоту здесь» – для нее это было, вероятней всего, последней радостью.

Поскольку Цветаева верила «и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны», то представляется несомненным, что велись разговоры о прозрении, о снах, об интуиции, суевериях – обо всем, что Цветаеву так интересовало и что для нее было порой достоверней реальности. Например, еще из письма 1923 г. К.Б. Родзевичу: «есть в мире не только день, но и ночь, не только любовь, но и провидение, зоркая ночь древних, предвосхищающая (или предрешающая?) события. Тень, опережающая тело. <...> Сны у древних направляли жизнь, а древние были и мудрее, и счастливее нас». Или из письма 1932 г., то есть спустя почти десятилетие, к С.Н. Андрониковой-Гальперн, которая ей приснилась: «никогда не поверю, что во сне ошибаются, что сон ошибается, что я во сне могу ошибиться. (Везде – кроме.) Порукой – моя предшествующая сну запись: – Мой любимый вид общения – сон. Сон – это я на полной свободе (неизбежности), тот воздух, который мне необходим, чтобы дышать. Моя погода, мое освещение, мой час суток, мое время года, моя широта и долгота. Только в нем я – я. Остальное – случайность». И Лидия, когда ее друг в 1927 г. в очередной раз приезжал в Париж, отказываясь от свидания с ним, посылает объяснительное письмо с Корсики: «Благоразумие все так взвешивает, предвидит и оценивает, что выходит и лучше, что мы сейчас врозь. Но вот сны опрокидывают все мое благораз-

умие – какие чудесные сладкие сны... Выдают тайные движения сердца, предательские сны». Или уже в период знакомства с Мариной Ивановной, в январе 1931 года пишет, вторя ей почти дословно: «Кстати, о суеверности – это своего рода интуиция проникновения в тайны природы, мироздания – не так уж беспочвенно. В конце концов, как часто наука находит после объяснения. У меня сны и предчувствия играют большую роль, и я в них верю». Как раз в это время Цветаева могла не только записать в тетрадь, как это она обычно делала, полный для нее значения и смысла сон (текст которого и его предположительное толкование приводятся ниже), начинающийся со слов «Мы в гостях у художников», но и пересказать его Лидии, которая ей приснилась. Именно в записи этого сна Цветаева нам оставила точнейшую «волжскую» примету Лидии, отметив, что та говорила в ее сне «как в жизни – нараспев голоса и улыбки».

Детей у Жоржа и Лидии не было – ее хрупкое здоровье, неустроенная эмигрантская жизнь без малейшей перспективы хоть на относительно благополучие, постоянные долги, скорее всего, не позволяли и мечтать о них. Нигде в письмах Лидии не встречается сожалений по этому поводу. Возможно, перечитывая Евангелие, она осознавала его мудрость по отношению и к своему времени: «Ибо приходят дни, в которые скажут: “блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие”. Может быть, нереализованное материнство хоть отчасти компенсировалось удовольствием от работы над портретами детей, которые ей, по ее признаниям, особенно удаются, а также постоянным присутствием собак в их с Георгием жизни. Она рассказывает в одном из писем о щенке, как пишут о ребенке: «Мы отдыхали бы, если <бы> не прибавление семейства: мальчишка Димка, шатен с волнистыми волосиками, с черными глазками – озорник уже ужасный. Никакого покоя с ним – всяческие кашки, прогулки и т.д. – ему всего два месяца, настоящий ирландский сеттер». Позже, про того же сеттера, она пишет с болью: «Мы потеряли нашу любимую собаку – умерла от нефрита. Оплакивали как сына». Какая-то часть материнского чувства распространялась на Георгия, которого она в предсмертных письмах совсем по-матерински называет то «Жоржун солнышко мое», то «мальчик мой родной».

Цветаевский случай – «случай страстного материнства» – входил «столбовым путем» в ее «жажду сразу всех дорог». Такой она родилась и вся последующая жизнь это только подтверждала: «Я всю жизнь – со старыми и малыми – поступаю как мать». Чувство старшинства (даже в 20 лет при сорокалетнем), желание поднять собеседника до себя – делиться мыслями, заставляя тем самым мыслить самостоятельно, передавать опыт ремесла поэта, развивать вкус приводило к тому, что крылья ее материнства касались не только родных детей, но и Ариадны Черновой, которой она подписала книгу: «Моей полудочери, полусестре», и Александра Бахраха, и Константина Родзевича, и Николая Гронского, и Анатолия Штейгера, к которым она в стихах и письмах обращается то «Дитя», даже «Деточка», то «Дружочек», то «Голубчик», то «Родной», называет после смерти Гронского его «своим настоящим духовным выкормышем», определяет суть своего

порыва к Штейгеру вопросом: «Хотите ко мне в сыновья?»).

От материнства, как и от всего на свете, у нее занимался «Легкий огонь, над кудрями пляшущий, — / Дуновение — Вдохновения!». Своим детям — Але, маленькой Ирине, умершей в голодной Москве, Муру — на всех стадиях их жизни Цветаева посвятила множество мыслей и чувств, вошедших в стихи и в неустанные записи в тетрадях, например, из самых пленительных об Але: «Я думаю, что Бог создал мир для того, чтобы кто-нибудь его любил. / Так я создала Алю»; и о Муре: «О, мое солнышко, моя звездочка! / Я тебя выхотела из воздуха! / (NB! Будущему Муру — <...> еще очень будущему, очень воздушному Муру!)»).

Георгий Эфрон (Мур),
сын Марины Цветаевой

Позволим себе маленькое отступление. В то же самое время, когда Цветаева, описав на манер сказки или легенды, рождение сына («Сын мой Георгий родился 1-го февраля 1925 г., в воскресенье, в полдень, в снежный вихрь. В самую секунду его рождения на полу возле кровати загорелся спирт, и он предстал во взрыве синего пламени.<...> У Георгия было семь нянь: волчиха-угольщица, глядящая в леса, А.И. Андреева, В.Г. Чирикова, Муна Булгакова, Катя и Юлия (!!!) Рейтлингер. Чешка — цыганка — волжанка — татарка — и две немки»), продолжает — год за годом и день за днем — следить с ручкой в руке за развитием подрастающего Мура, не забывая и об Але, в России впервые (1928 г.) вышла в свет книга Корнея Чуковского о детском языке, известная, начиная с третьего издания, под заглавием «От двух до пяти». В ней автор не только приводит примеры детского словотворчества, но и рассуждает о неосознанном мастерстве каждого ребенка, усваивающего огромное количество новых слов и их элементов. В предисловии к одному из многочисленных последующих изданий автор пишет, что в течение долгих лет он имел возможность наблюдать духовное развитие своих собственных малолетних детей, а потом своих внуков и многочисленных правнуков. Но, признается он, «я не мог бы написать эту книгу, если бы не дружная помощь читателей: Уже много лет <...> почтальоны приносят мне множество писем, где бабки, матери, деды, отцы малышей сообщают свои наблюдения над ними, над их поступками, играми, разговорами, песнями». Записанное Цветаевой за ее детьми способно буквально затмить и перекрыть всю эту армию домашних хозяек, пенсионеров, спортсменов, рабочих, актеров, инженеров, воспитателей детских садов, писавших Чуковскому.

Интересно отметить промелькнувшее в одном из писем Лидии имя французской поэтессы Сесиль Соваж (Cécile Sauvage), явно упомянутое в связи с газетным сообщением о ее смерти в августе 1927 года в возрасте 44 лет. Лидия переписывает также для друга понравившееся ей четверостишие²³. Малоизвестной в России Сесиль Соваж присвоено во Франции, где любят все обозначать и расклады-

вать по полочкам, имя «poétesse de la maternité», то есть, «поэтесса материнства». Но, кроме своих стихов, скорее даже больше своих стихов, Сесиль Соваж известна как мать Оливье Мессиаана — ее старшего сына (1908 — 1992) — знаменитого французского композитора, органиста и пианиста. Ему — еще на стадии его внутриутробной жизни и потом уже родившемуся — писались его матерью стихи. Цветаевой, не любившей газет в принципе и потому редко в них заглядывающей, видимо, это имя осталось неизвестным, иначе бы оно, как и стихи, воспевающие невероятную близость матери и ее ребенка²⁴, непременно привлекло ее внимание. Подобный мотив единственной, во всех иных случаях просто не могущей быть степени близости, использует Цветаева в «Поэме конца» для подчеркивания силы притяжения лирической героини к любимому перед горем неизбежного разрыва:

Та женщина — помнишь: мамой
Звал? — все и вся
Забыв, в торжестве недвижимом
Те — бя нося,
Тебя не держала ближе.

Цветаева не была настолько беспечна или слепа, чтобы не понимать, в какое время, где («Беженская мостовая! Гикнуло — и понеслось») и при каких обстоятельствах родится и будет расти ее ребенок («ты — эмигрант, Мур, сын эмигранта, так будет в паспорте. А паспорт у тебя будет волчий»). Она буквально, как ее любимые с детства греческие герои, вступает в единоборство со временем: «Время! Я тебя миную», хотя и признает: «Время, ты меня обманешь!», «Время, ты меня обмеришь!». В том же 1923 году, которым датируется «Хвала времени», пишутся стихи, в которых звучит материнская тема с вариациями — то тишайшими, то полнозвучными аккордами. Среди них и «Раковина» с той же попыткой первенствовать над временем («Дням не уступит тебя душа!») и гимном материнству («Матери каждая попытка в пору, / В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен, / Целое море хлебнул взамен!»).

Таким образом, как она говорила, «смотря на все», а не несмотря ни на что, у нее в первый день февраля 1925 года родился сын. Слишком страстно она себе «его выхотела, заказала», слишком много было ею вложено в само понятие «сын». Это было воплощение и того Александра, вместо которого у ее матери родилась «только всего» она сама, и всех сыновей героев любимых книг, и одного из возлюбленных на нее судьбой предназначений — быть матерью сына; это было исполнение обещания мужу, которого она, не имея от него вестей, молила в письме в феврале 1921 года остаться в живых и сообщала о смерти маленькой Ирины: «Сереженька, если Вы живы, мы встретимся, у нас будет сын. <...> У нас будет сын, я знаю, что это будет, чудесный героический сын».

М.И. Белкина в книге «Скращение судеб» приводит слова безумно напуганной Цветаевой, с которой Мария Иосифовна, будучи беременной летом 1941 года, пересеклась во время одной из бомбежек Москвы. Цветаева, по ее словам, дико боялась за Мура, ей все время казалось, что его обязательно убьет или выбьет глаз осколком, она не может жить так, у нее больше нет сил... И слезы лились у нее

по щекам. Мур ее не слушается, он сам лезет на крышу. И когда Белкина пыталась урезонить Марину Ивановну: «Муру, должно быть, стыдно сидеть в бомбоубежище среди женщин, детей, стариков, когда даже девушки дежурят на крышах», — она улыбалась: «Вам легко так рассуждать, когда все вапсе с вами! — сказала Марина Ивановна, вытирая слезы рукой, — потом вы заговорите иначе, помяните мое слово!..». Обезопасить, скрыть, спрятать 16-летнего Мура было решительно невозможно. Эта попытка была ей уже не «в пору» и не «в меру». Последняя часть фразы, записанная в первые дни после рождения Мура: «Мальчиков нужно баловать — им, может быть, на войну придется», все больше становилась неизбежной реальностью. Время, с которым она мужественно сражалась, с которым не хотела идти в ногу, говоря: «Я вправе не быть своим собственным современником», — и обманывало, и обмеривало, не верило слезам, не считалось ни со словами, ни со стихами:

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей
Отказываюсь — быть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть —
Вниз — по теченью спин.
Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

На начало 1931 г. приходится запись Цветаевой в тетрадь: «Сон (среди бела дня, проснулась ровно в 5 ч.) / Мы в гостях у художников. Она и какие-то подруги. Оказывается — все перепутали: приглашены на 7.30 вечера, а сейчас четырех нет. Разговор о неверности будильника».

Лидия, судя по всему, была обаятельна — к ней тянулись друзья и соседи, отсюда и какие-то подруги. Однако при всем своем радушии, будучи человеком творческим, она не менее, чем Марина Ивановна, ценила свое рабочее время, горько жалуясь в письмах на его нехватку. Например, из одного письма Лидии про Мура: «Ее дитя мне часто мешает, а она у нас всегда с ним». В следующей фразе описания сна, возможно, нашло отражение легкое, хоть и скрываемое деликатной Лидией, но невольно замеченное Цветаевой, раздражение по поводу какого-то их неурочного прихода.

Далее, естественно предположить, что в продолжении записи сна отразился реальный отход Али, начавшийся как раз в 1931 г.: «Выходим. **Оказывается** все это **глубоко под водой**: пруд. И **вдруг** Аля, совершенно одетая, спускается. Еле голова торчит. Я: — Аля! **Ты с ума сошла!** И тут же вижу — Мур — который весь с головой, естественно. Краем водоема подходит Ар<темо>в, спускается и вытаскивает Мура. **Я, сильно ругаясь, особенно Алю** — за пример, прохожу по широкой внешней лестнице с обоими в дом. Аля уже переоделась, **посылаю ее мгновенно** домой за вещами Мура, выхожу с ней в переднюю, и, когда возвращаюсь, Мур уже переодет окончательно». (курсив мой. — М.Л.). Цветаевой видится отдаление от нее дочери спуском под воду — в

инородную — всегда ей враждебную и опасную среду. Присутствует и элемент неожиданности, острая реакция матери, выраженная резкими словами.

Именно в это время начались первые серьезные жалобы на дочь, вылившиеся к началу 1932 года к грустной констатации: «За семь лет моей Франции выросла и от меня отошла Аля». Ариадне идет 19-й год, она еще просит прощения, что не благородно, с точки зрения матери, возвращается домой, когда хочет, не занимается домашним хозяйством и не гуляет с Муром столько, сколько нужно, чтобы освободить матери время для писания. Легкости отказа и старания облегчить постоянное неблагополучие в семье, свойственных ей с самого раннего детства, как не бывало, к тому же теперь она начала роптать. Впереди — 1933, 1934, 1935 — и вплоть до отъезда Али в Москву в марте 1937 г. конфликт идет по нарастающей, то взлетая на острые пики крайнего напряжения с частыми слезами и даже иногда пощечинами, то спускаясь к временным затишьям и ненадежным перемириям. В 1933 г. Цветаева записала в книжку вопрос-фразу в безличной форме: «Допустимо ли в каких угодно случаях жизни говорить матери: стерва и сволочь? Спрашиваю бывших и будущих. Дочери моего поколения так говорят».

В 1933 году Цветаева пишет «Дом у Старого Пимена». Ее глубоко интересуют отношения и уклад жизни в семье Д.И. Иловайского — родного деда ее сестры и брата (по отцу) Валерии и Андрея. Цветаева описывает не только свои детские впечатления, она рисует тонкие психологические портреты на фоне времени и обстановки. Яркая характеристика дается последней жене Иловайского — А.А. Коврайской (Иловайской): «И вот, подсознательное (подчеркиваю это трижды) вымещение на дочерях собственной загубленной жизни. Если, в упрощающем мифе родни и дворни, Д.И. детский век “заживал”, А.А. его “заедала”. Не заедала, нет. <...> она их жесткой рукой зажимала, не давала им ходу, чтобы ее женские отпрыски тоже не были счастливые. Иное старение кормится возле молодости дочерней, это же ложилось на них могильным камнем. Я задыхнулась — и ты не дыши». В очень объемном ноябрьском письме 1934 г. к В.Н. Буниной, полном обид и негодования на своих, содержание которого Цветаева просит свою корреспондентку держать совсем между ними, потому что это — ее «фиаско», она пишет про мужа: «Да, он при Але говорит, что я — живая А.А. Иловайская, что оттого-то я так хорошо ее и написала». Сергей Яковлевич был внимательным и пристрастным читателем.

Мир Али, с младенчества сосредоточенный на гениальной, ни на кого не похожей матери, естественным образом расширился, ей есть с кем и с чем сравнивать себя и свою семью, которая тоже, в свою очередь, не оставалась без внимания соседей. Таким образом, те современники, в поле зрения которых находилось цветаевское семейство, отмечали единогласно, что мать слишком раздражена Алей и, страстно обожая Мура, дурно его воспитывает. Люди не понимали, зачем она так дрожала над ним, перекормливая его, отчего он был слишком крупным и даже толстым. Она отвечала на это в своей тетради, возвращаясь мысленно к горчайшим дням своей жизни: «Quand on a un enfant qui est mort de faim, on

Ариадна Эфрон

croit toujours que l'autre n'a pas assez mangé»²⁵. Мнение окружающих не составляло особого секрета для Марины Ивановны и не могло повлиять на нее при ее гордом и независимом характере. Оно только вызывало раздражение и недоумение. Размышляя о непостижимых метаморфозах взрослеющей Али, она не сомневается в чужом влиянии: «Люди? Конечно. О, как я знаю этот змеиный шип за спиной, никогда — в лицо. И как — презираю»; «Все ей, конечно, сочувствуют: я — тиран, она — жертва...»; «Со мной уже о ней никто не говорит. Иные (иные!) же усиленно хвалят, искоса на меня поглядывая. — Какое в ней очарование! Какая мягкость! Какая женственность! И какая она умная! Сколько она читала! Как она прекрасно рассказывает!.. И я, не выдерживая (а на это-то и рассчитывают!): «Немудрено быть умным, выросши со мной, начитанным, выросши со мной. А вот мягкость — ее собственная». И вот уже идет легенда о моей жестокости, жесткости, бесчеловечности...».

Здесь уместно снова напомнить строки из письма Лидии к ее французской подруге Жеромине Максимола, которая гостила у Лидии весной 1931-го и, очевидно, мимолетно познакомилась с Цветаевой — поэтому-то Лидия и описывает ей мать и дочь: «Сейчас у нас никого нет в Париже, кроме мадам Цветаевой, которая приходит довольно часто. Мы ходим вместе в лес по грибы — это наше единственное развлечение. Аля тоже уехала²⁶. <...> Аля — девушка очень славная, <...> она очень развита духовно, очень способная к искусству, умная, идиллическая, гармоничная — все это сильно отличает ее от матери. Самый последний упрек ей заключался в недостатке воли в ее характере, в то время как она находит ее в своем сыне Муре. Но мне кажется, что она сама подавила индивидуальность Али, что и не отрицается. Во всяком случае, Аля будет куда счастливее своей матери. Мадам Цветаева — личность очень интересная, но до чего же трудная, трудная».²⁸

Таким образом, и голос Лидии вплетался в разноголосицу эмигрантского хора осуждения Цветаевой за Алю, как, впрочем, и за Мура.

В течение 1931 года Цветаева работает над эссе «Поэт и время», где она приводит в кавычках не свое высказывание: «“Я очень люблю искусство, только не современное” — слово не только обывателя, но, бывает, и большого художника, но неизменно — о чужой отрасли художества, живописца о музыке, например». Здесь слышны не только отголоски спора с М.Л. Слонимом, который сильно задел Цветаеву тем, что «танец ставит на одну высоту со словом», но и происходящих у Артемовых дома былых разговоров. Об одном из таких споров — что лучше, поэзия или живопись — который довел Цветаеву до слез, много лет спустя вспоминала Ариадна Эфрон.²⁸

Марина Цветаева. Рисунок Ариадны Эфрон. 1930-е гг.

Из этого следует, что Лидия Никанорова не была пассивным слушателем, а умела возражать и отстаивать свою точку зрения. Напомним, что пишет она своей французской подруге Жеромине Максимола 13 февраля 1931 г.: «Иногда заходит эта русская поэтесса — с ней очень интересно, но ее так замучила нищенская жизнь, что она сделалась злой. Часто видется с ней хоть и очень утомитель-

но, но и хорошо».²⁹

В упомянутом споре речь шла о необитаемом острове, и каждая из собеседниц уверяла, соответственно, что и в одиночестве поэт останется поэтом, а художник — художником. Для Цветаевой необитаемый остров был словесной фигурой, важным образом, темой, над которой она задумывалась не раз. Например, из «Сводных тетрадей» (1925 — 1933 гг.: «Есть чувства, которых бы не было на острове: гордость, например, жалость, например. Стало быть, два моих основных чувства не абсолютны. (Странно, что как раз эти два чувства — источник всех моих страданий.) Ряд чувств, возникающих из общежития: гордиться (перед кем-нибудь), жалеть (кого-нибудь) — чувства с приставкой. И только они, не абсолютные, и есть болевые. Ведь будь Христос на необитаемом острове — где бы вся Голгофа? Гордиться, сердиться, ревновать, завидовать, жалеть, ЛЮБИТЬ... все с людьми, от людей. А есть самострасти? Знаю только одно самочувствие, одну самострасть: тоску. Везде, всегда, без никого, ни от <фраза не окончена>». Лидии же довелось не раз побывать — иногда в полном одиночестве — на небольших необитаемых островах, разбросанных вокруг южного мыса Корсики и всегда с бумагой и красками. Это она могла своими рассказами дать пищу для цветаевского воображения на эту тему.

В своих воспоминаниях М.Л. Слоним передает впечатления от встреч с Цветаевой еще пражских лет, когда они виделись довольно часто: «Она была исключительно и в то же время очень трудным, многие говорили — утомительным, собеседником. Она искала и ценила людей, понимавших ее с полуслова, в ней жило некое интеллектуальное нетерпение, точно ей было неохота истолковывать брошенные наугад мысль или образ. Их надо было подхватывать на лету, разговор превращался в словесный теннис, приходилось все время быть начеку и отбивать метафоры, цитаты и афоризмы, догадываться о сути по намекам, отрывкам. <...> Я порою чувствовал себя усталым от двух-трех часов такого напряжения и по молодости лет как-то стыдился этого как признака неполноценности и скрывал это. Лишь много лет спустя я услышал от других схожие признания об этих литературных турнирах». Вряд ли у Цветаевой

сохранился такой же напор и накал при встречах с Лидией, как в разговорах со Слоном, но все же он был. Однако Лидия благодарна этим разговорам за возможность хоть на время «отрешиться и воспарить», даже если это заставляло напрягаться.

То, что попадало в письма и записи каждой из них, могло предшествовать грядущим разговорам, или, наоборот, быть их следствием.

Возможно, разговоры о Париже относились к числу «утомительных», поскольку взгляд сильно разнелись, но и интересных разговоров.

Цветаевский Париж осени 1925 года («Гнилой канал, неба не видать из-за труб, сплошная копоть и сплошной грохот (грузовые автомобили). Гулять негде — ни кустика») — не тот Париж, когда ей было шестнадцать лет: свободный, уединенный, весь в книжных лотках вдоль Сены, когда она училась в Альянс франсез. В это время на лекциях французских профессоров, а может и еще раньше, она узнала Франсуа Вийона, или, как тогда еще писали по-русски, Виллона. Войдя так рано в ее жизнь, он и в 1932 г. дает ей повод для размышлений: «Раз только в мире стихи писались всерьез: Виллонова баллада Парламенту о помиловании³⁰, баллада о висельниках³¹, вообще — весь Виллон». Строчка из стихотворения того же года «Родина» — «Чужбина, родина моя!» — перекликается со строкой Вийона из «Баллады (написанной для состязания в Блуа)». Кто только не переводил и в одно время с Цветаевой, до и после нее: у В. Жаботинского «В своей стране — я на земле чужой»; У И. Эренбурга: «На родине, где звук и вид мне каждый далек и чужд»; У Сергея Петрова: «Чужбина мне — страна моя родная»; У Юрия Корнеева: «В краю своем в изгнание изнываю», но у Цветаевой не перевод, а только повод, чтобы выразить свою, ни у кого не занятую, ее одиночную мысль о том, что есть ее родина.

У Лидии в одном из писем тоже встречается строчка из «Баллады о дамах прошлых времен»³² Вийона: «Да, давно я настоящего снега не видела! «*Mais où sont les neiges d'antan?*»³³

После совместной с Сергеем Прокофьевым поездки к Цветаевой в Мёдон в 1931 году, М.Л. Слоним приводит в воспоминаниях о ней собственные заметки, сделанные сразу после возвращения: «М.И. была очень рада нашему посещению, накормила нас супом, читала свои стихи и много шутила. Когда Прокофьев в разговоре употребил какую-то поговорку, М.И. тотчас обрушилась на пословицы вообще — как выражения ограниченности и мнимой народной мудрости. И начала сыпать своими собственными переделками: “Где прочно, там и рвется”, “С миру по нитке, а бедный все без рубашки”, “Береженого и Бог не бережет”, “Тишь да гладь — не Божья благодать”, “Тише воды, ниже травы — одни мертвецы”, “Ум хорош, а два плохо”, “Тише едешь, никуда не приедешь”, “Лучше с волками жить, чем по-волчьи выть”. Прокофьев хохотал без удержу». Будучи равнодушной к вийоновским Балладам «Пословиц» и «Истин наоборот», Цветаева, скорее сознательно, нежели бессознательно, свдя их вместе, шла с русским материалом по стопам своего французского собрата XV века.

В свой первый приезд Цветаева прожила в Париже 5 месяцев совсем одна, ни с кем не познако-

мившись. В то время она сама выбрала улицу, где хотела жить. Профессорская дочка, она свободно тратила деньги, отцом и дедом заработанные.

А в конце 1925 и в начале 1926 г.: «Я живу не в Париже, а в таком-то квартале». «Никуда не хожу, п.ч. нечего надеть, а купить не на что. <...> Меня приглашают в целый ряд мест, а показаться нельзя, п.ч. ни шелкового платья, ни чулок, ни лаковых туфель (здесь — «uniforme»). Так и сижу дома, обвиняемая со всех сторон в “гордости”». К 1929 г. кристаллизуется формула: «Слишком zalюбленный город, я актерам не поклонница». В 1934 г.: «Мне в Париже не плохо (не хуже, чем в любом месте, которого я не выбирала)». Бывало, что ее приглашению к ней в гости сопутствовал сорт ревности: «Во-первых, выясним, чего Вы хотите: меня — или Парижа? Или — меня и Парижа? Или — Парижа и меня?» Взгляд на Париж, однако, смягчался по мере того, как во второй половине 30-х приближалась неминуемая дата отъезда: «После себя в Париже могу сказать: Париж хорошо воспитан».

Статуя Марии Стюарт

Давно известные стихи «*Adieu, plaisant pays de France...*», считающиеся написанными Марией Стюарт в связи с ее отбытием из Франции, дают Цветаевой повод к собственному прощальному стихотворению «*Douce France*». Но здесь еще, вероятно, сказались не только впечатления и ассоциации от вышедшего в 1935 году романа Стефана Цвейга «Мария Стюарт», но и от американского фильма 1936 года о шотландской королеве³⁴. А статуя, постав-

ленная ей среди других двадцати, высеченных из белого мрамора, королей и замечательных женщин Франции в Люксембургском саду, была знакома Цветаевой с юности.

Лидия Никанорова еще в своем дневнике, который вела в Константинополе, записывает в восторженных тонах в 1922 г.: «Да, так неудержимо хочется в Париж! Там бьется сердце мирового искусства, там слагаются неписанные законы обновляющегося художественного сознания, там самый воздух насыщен ферментами творчества. Как некогда в Афинах или во Флоренции Медичи — теперь в Париже “святые места” искусства».

Жизнь по приезде в Париж с самого начала была трудная, условия самые примитивные в жилище, которое Лидия всегда называет в письмах не иначе, как «тараканья щель». Чтобы «пользоваться» Парижем — этим неиссякаемым источником богатств, пишет Лидия, «как нужны здесь деньги, иначе дни уходят на бессмысленное переливание из пустого в порожнее в борьбе за существование». Париж приносит ей ощущение того, что в нем «как щепочка в водовороте завертываться», что в нем утомительно «дышать копотью, бензином и прочей цивилизацией», в нем «кругом автомобили,

автобусы, грузовики, кипение, бурление, водоворот, давка».

Вернувшись с Корсики под наступающий ноябрь 1927-й, Лидия так описывает город: «Париж встретил нас черным туманом — было холодно и горело всюду электричество целый день. Жуткая погода! А на стенах “Bébé cadume” (мыло) радостно улыбается; “Nicolas” сидит со своими бутылками; полосатая барышня Кодака направляет на вас свой аппарат. Тысячи реклам и афиш предупредительно предлагают вам адреса, где вы можете купить наилучшую кровать, горелку для газа, пасту для зубов и т.д., и т.д. Шум, сутолока на каждом шагу спасаешь себе жизнь, балдеешь и сама лезешь под автомобиль».

Когда ее московскому другу не удается устроить летом поездку во Францию, она уговаривает его не тосковать по Парижу: «Он абсолютно неинтересен, даже больше — ужасен. Все, кто может, спасаются оттуда». «Воздуха нет, он отравлен перегоревшим бензином — буквально задыхаешься». В другой день, на Корсике, думая о возвращении в это «столпотворение Вавилонское», приходит к заключению: «Какая суeta сует! Весь мир приобретаешь, а душу теряешь. Истинно так!».

Но Лидия-художник, все это видя и чувствуя, не может не любить Париж и посвящает этому городу поэтические описания, полные признаний в любви: «Да, я очень люблю Париж, эту Сену, площадь <...> особенно в мокрую погоду и предвечернее время, и переулки Латинского квартала, и базары».

В парижском кафе. А. Эфрон.
Рисунок (грифельный карандаш)

Лидия охотно и ярко пишет другу о «парижской цивилизации», то, что она сама сумела увидеть и понять. Так, например, она описывает 14 июля: «Сегодня, завтра, даже вчера в Париже все танцуют. На всех площадях всевозможные оркестры на эстрадах, джаз-банды, играют фокстроты, шимми и т.п. И каждый шофер, проезжая, вылезает, делает тур и снова продолжает путь с терпеливым седоком — и это повторяет на каждом углу. Особенно веселятся около колонны со статуей Свободы, кот<орая> рвется убежать, на месте, где была Бастилия. Вообще же “взять Бастилию” спешит почти весь Париж — после 14-го начинаются летние каникулы. И до этого дня делится на богатых и бедных, толстых и худых, веселых и угрюмых, злых и добрых и т.д. Но с этого дня лишь

на “уезжающих” и “остающихся” — все, кто может уехать, страстно ждут этого дня, а кто не может, не менее страстно мечтают»; «Но Париж весь розовый и голубой — все мужчины носят розовые костюмы и шляпы! Дамы подражают Жозефине Бекер — прелестная мулатка. А вообще все заполнено чарльстоном».

Цветаева на все это смотрит иначе, то есть, наоборот, и смотреть не хочет. Подобно деревьям ее стихотворения 1935 г. «Кварталом хорошего тона», оканчивающегося словами «Людовик — чего глядишь? / Погиб — твой город Париж!» она отворачивается «От тресков, зовущихся: речь, / От лака голов, ваты плеч, / От отроков — листьев новых / Не видящих из-за листовок». Как частицу положительного в драматическом уходе Али из семьи она находит, по крайней мере, в том, что «нет современной парижской улицы — в доме».

Пути эмигрантской жизни неисповедимы, и с их дорожными указателями не всегда можно было поспорить, мол, живите, где дают. Описывая в «Старом Пимене» А.А. Коврайскую, Цветаева (Сергей Яковлевич определенно был прав!) опирается и на свой собственный жизненный опыт: «Когда знаешь, что никогда, никуда, начинаешь жить тут. Так». Но где бы она не оказывалась, ей необходим был — в любых условиях — духовный смысл, хотя бы дерево под окном старого дома, который, в свою очередь, будя воспоминания и вызывая ассоциации, становился для нее предметом одушевленным. Это относилось и к тем местам, где иногда — очень редко — удавалось провести часть летнего времени. Или это касалось тех неожиданных кратких поездок по приглашениям с чтением стихов в Лондон или в Брюссель. Ей необходимо было вглядеться, вжиться, а не скользить глазами по поверхности, отсюда ее слова: «Люблю жить, а не посещать», хотя она допускает и любовь с первого взгляда: то есть «случайно увидеть, а не осматривать». Так однажды она увидела «свое окно»: «В Брюсселе я высмотрела себе окошко (в зарослях сирени и бузины, над оврагом, на старую церковь) — где была бы счастлива. Одна, без людей, без друзей, одна с новой бузиной»; «Была ночь, окно сияло над темными зарослями. Это было где-то наверху, мы потом долго спускались какими-то лестницами. Дом моего окна был очень старый, и во всей стене — одно окно, а деревья из оврага росли огромные. Если когда-нибудь увидите — сразу узнаете. Я его никогда не забуду». Как необходимую возможность познания она называла «сживание с вещью, терпение от нее, претерпевание, незанимание ею, но проникновение ею». Полнобив заочно север по книгам Андерсена, Сельмы Лагерлеф, Улава Дууна и Сигрид Унсет, она отдает ему душевное предпочтение: «Как беден богатый юг перед бедным севером! <...> Север — любовь с преткновением, юг слишком просто любить, кто его не любит?». И заканчивает это предложение буквально тремя словами в скобках и с восклицательным знаком: «(а я — как люблю!)». Прием употребления противопоставительного местоимения или междометия, как бы отменяющего вышесказанное, она использует далеко не впервые, он того же рода, что и окончание известных стихов: «За то что я больна, *увы*, не Вами...» в «Мне нравится, что вы больны не мной...» или «*Но* если у дороги куст

встает, / Особенно рябина...» в «Тоске по родине». (курсив мой. — М.Л.). Реальный юг, где она оказалась летом 1935 года, во всем уступает воображаемому северу: «La Favière — роскошное место, природой роскошное, а я никакой роскоши, пишет она Наталье Гайдукевич, никогда не терпела, кроме словесной. <...> Здесь: пальмы, кактусы, эвкалипт, кипарис, мирт, мимоза, олеандр. <...> Дальше — море, тоже — роскошь — драгоценное... нестерпимо великолепных цветов. И приморские Альпы. И — виноградники. <...> Такую природу трудно любить. Мне — трудно. <...> Я куда более любила мой единственный и одинокий можжевельный куст в Чехии, чем все фавьерские олеандры и тамариски. Нельзя любить Ботанический сад».

Глубокий интерес к местам обитания был свойственен и Лидии. И не только к Турции, Парижу, Корсике, где ей довелось жить, но и к Италии, которую она любила, увы, тоже только заочно — по прочитанному и по увиденному на репродукциях и фотографиях. «Мне теперь даже кажется, — пишет она другу, узнав, что он поедет в Италию, — что одному тоже очень хорошо путешествовать — больше углубляешься, переживаешь, переносишься. Там все чудесно. Ravenna мне знакома по книгам и лекциям о ее византийских памятниках. Стихи Блока о ней тоже люблю. <...> какое счастье побыть среди этих мозаик, так таинственно и чудесно мерцающих среди полумрака. Я обязательно поеду в Италию, но только не теперь. Италия — моя мечта давнейшая». В другом, более раннем письме: «Если на будущий год заработаем, то поедem на все лето в Италию. Мне не хочется ехать туристкой, а хочется пожить и изучить полнее».

И вот на Корсике Лидия как раз может быть «не туристкой», здесь у нее оказалась возможность «пожить и изучить» — это ей совершенно необходимо для души и для работы, поскольку в работу она вкладывала всю душу. Корсику Лидия полюбила с первого взгляда и до последнего. Ее увлекает каждый пейзаж, будь то из окошка снятого домика или увиденный во время пешей или морской прогулки на лодке, цветные камешки, оливы и другие растения, животные, люди, их занятия, язык, обычаи. «А как хорошо здесь! — пишет она осенью 1927 года. — Вот второй год, и все не кончается восторг! Художнику не надо много разнообразия. Художественные впечатления нужно углублять. Все прошлогодние “этюды” (места, с которых я писала свои этюды) я вижу по-другому и вновь их жажду написать». И она пишет скалы, море, вид на цитадель, оливковые деревья, парусники... Они лишь угадываются на фотографии зала ее единственной выставки в Париже 1930 года, там видна и акварель рыбы, которую она когда-то описала в письме другу: «Вчера купили у рыбака такого чудного красного бульдога — рыбу, я не знаю, как называется, очень занятная и по цвету и по форме. Целый день писала “Nature morte”, а вечером съели великолепную уху». По сохранившимся, к счастью, оригиналам нескольких мастерски выполненных акварелей можно судить, каким глубоким и любовным было чувство Лидии к этому краю, а в ее письмах много говорится о том, сколько ей приходилось работать, чтобы найти в живописи свой собственный, ни на кого не похожий, взгляд.

Л. Никанорова. Рыба. Корсика

Америка — Северная и Южная, которая в те годы была на слуху (велась переписка с родными и друзьями, оказавшимися там в эмиграции, туда стремились попасть на заработки европейские эмигранты) и на виду (богатые американцы, прибывавшие во Францию прожигать жизнь в многочисленных барах, ресторанах, кабаре, скупать предметы роскоши, произведения искусства были более заметны, чем скромные служащие и писатели — будущие знаменитости) поневоле оказалась в поле зрения и слуха Цветаевой и Никаноровой, и их отношение к Америке было прямо противоположным. Цветаеву Америка страшила, о чем она пишет Р.Н. Ломоносовой: «Вы живете в стране, которой я всегда боялась: два страха: по горизонтали — отстояния от всех других, водной горизонтали, и по вертикали — ее этажей. Письмо будет идти вечно через океан и — вторая вечность — на стосороковой — или сороковой — этаж. Письмо не дойдет, или дойдет уже состарившимся. Не моим <...> На едущих в Америку — на столько, т.е. определенный, или назначенный срок — и из нее возвращающихся смотрю как на чудесные чудовища, существа с Марса или далее». Лидия же полна интереса к заокеанскому континенту вплоть до готовности туда отправиться: «Я не знаю, — пишет она другу в мае 1929 г. — как ты воспринимаешь Америку; я же к ней полна симпатии. Ведь уже наскучило слушать о ней, как о чем-то отрицательном. Особенно французы ее критикуют, иронизируют. <...> Мне очень хочется попасть в Америку, но мы не рискуем ехать туда без “контракта”, но жить я все-таки хотела бы в Париже». Поговорив с одним из очевидцев, вернувшимся из Аргентины, Лидия с полным доверием к его впечатлениям констатирует, что «все сказки об Аргентине, об необыкновенном богатстве и т.д. печально испарились после его рассказов. Богаты лишь большие скотоводы и землевладельцы — остальные рабы и притом дикари в буквальном смысле — эксплуатация труда невероятная, условия жизни чуть ли не пещерные. Русские колонии страшно бедные, как и все другие — не могут заработать даже на передвижение, уже не говоря о возможности вернуться. Занятно все же, как русские разбросаны — где их только нет». Но обе — и Никанорова, и Цветаева — сходятся в ироничной наблюдательности за заокеанскими представителями и представительницами. У Цветаевой рождается один из ее многочисленных ярких афоризмов: «Любить

красавца, это слишком похоже на шалости старых американок». У Лидии есть больше возможностей наблюдения за американцами, будь то покупатели работ Георгия или туристы, пришедшие на Корсику на роскошных яхтах. Она так передает, в частности, чьи-то впечатления: «Рассказывают про одну американку, которая признавалась, что она была разочарована в русских романах, написанных русскими авторами — в них было мало оригинального, жизнь слишком была похожа на ту, что и в других странах — американские написаны про русских гораздо интереснее, в них больше “русского”».

Названий книг, имен авторов — русских, французских, немецких — встречается в письмах очень много. Лидия свободно читает по-французски и уверяет своего корреспондента: «Ты напрасно думаешь, что я не знаю французской литературы. Я уже раньше была приготовлена, я много читала еще в России фр<анцузских> классиков, да у нас их неплохо изучали в пансионе. Так что приехала уже подготовленная». Она часто цитирует по памяти строки любимых поэтов, перечисляет названия «модных» французских книг, делится впечатлениями от прочитанного, усиленно рекомендует своему корреспонденту ту или иную книгу, старается даже что-то посылать. В свою очередь, искренне благодарит за посланные ей книги, не скрывает свое неудовольствие, если книга ей не нравится. Несомненно, что разговоров о книгах в кламарском домике и садике было предостаточно — Цветаева очень много читала на трех языках. Английского, о котором обе сожалели, они не изучали, но Лидия начала брать уроки и читать по-английски на Корсике. Названия упомянутых Лидией книг и имена отмеченных ею писателей встречаются и в тетрадных записях, и письмах Цветаевой со свойственным ей точным и тонким анализом.

Обсуждения книг, фильмов — они могли себе позволить иногда пойти в кино, которое обе любили («Из всех видов зрелищ, — пишет о матери Ариадна, — предпочитала кино, причем “говорящему” — немое, за большие возможности сотворчества, сочувствия, соображения, предоставлявшиеся им зрителю») — происходили не только в домике с садиком. Общим необходим был медонский лес: Лидия брала с собой собаку, Цветаева была с детьми или только с Муром, когда удавалось Алю на лето отправить на море к друзьям Лебедевым. Со слов Ариадны, ее мать «радовалась более, чем купленному, “добыче”: собранным грибам, ягодам».

Бывало, что из-за напряжения и усталости Цветаева не слишком внимательно прислушивалась к фактам биографии Лидии и Жоржа. Так она в февральском письме Вере Буниной 1934 года ошибочно называет его кубанским, а не донским казаком и неправильно указывает название музея, купившего деревянную скульптуру Артемова. И Лидия, занятая своими мыслями о работе или о хлебе насущном, не слишком внимательно вслушивается в отчет Цветаевой о прошедшем вечере, на котором читалась «История одного посвящения» и неточно передает в письме историю взаимного писания стихов Цветаевой и Мандельштама.

В 1932 году Лидия написала большое, но единственное за этот год письмо. Об одном из новых ув-

лечений поэзией, она так дает знать: «Я в последнее время увлекалась Борисом Пастернаком. Мне он кажется лучшим и хорошим, значительным. Здесь его тоже очень ценят. Напиши, что ты думаешь. Вот прозу его еще не удалось читать — говорят, замечательная».

Не будет никакой натяжки, если в данном контексте заменить безличные «ценят» и «говорят» именем Цветаевой. Это она, писавшая именно в это время свою вещь «Эпос и лирика современной России», под которой подписала «Кламар, декабрь, 1932», не могла не говорить о Пастернаке, не читать его стихи, не давать им объяснений. Возможно, уже с более сложившимся мнением и не так восторженно, как это было с десяток лет назад, еще в Чехии, по описанию О.Е. Колбасиной-Черновой: «В этот период я и вся наша семья открыли Пастернака — восторг и удивление Марины Ивановны, для нее Пастернак был “взрыв, обвал, удар”». Она сразу почувствовала его величину и сказала: “Он сейчас больше всех, большинство из сущих были, некоторые есть, он один будет”. Вдруг в заброшенном Смихове, в маленькую комнату, где нет ни кресла, ни ножей, ни вилок, врывается ливень Пастернака. Мы перебивали друг друга, в три голоса говорили его строчки».

В тетради Цветаевой сохранилось письмо Пастернаку, над которым стоит дата 25 июня 1931 года, про которое она сама не помнила при переписке его в 1938 г., «отослано ли». Письмо начинается с того, что накануне практически бессознательно, она впервые повесила на стену фотографию Пастернака — «молодого, с поднятой головой, явного метиса, работу отца». Дальше она дает ему и самой себе объяснение: «Когда я — т.е. все годы до — была уверена, что мы встретимся, мне бы и в голову, и в руку не пришло так выявить тебя воочию — себе и другим. Ты был моя тайна — от всех глаз, даже моих. И только закрыв свои — я тебя видела — и ничего уже не видела кроме. Я свои закрывала — в твои. Выходит — сейчас я просто тебя из себя — изъела — и поставила — как художник холст — и возможно дальше — отошла. Теперь я могу сказать: — А это — Б.П. лучший русский поэт, мой большой друг, говоря этим ровно столько, сколько сама знаю. Морда (ласкательное) у тебя на нем совершенно с Колониальной выставки». В письме отразились и вполне земные приметы наблюдения за художниками во время их работы, и посещение Колониальной выставки. Возвращаясь в своих записях и мыслях ко времени разгара ее переписки с Пастернаком, Цветаева вполне могла вспомнить в разговорах с Лидией необыкновенный, как бы стихийный, полный для нее значения, вшенорский летний эпизод 1925 года: «Предгрозовой вихрь. Подвизываю в саду розовый куст. Почтальон. В неурочный час. “Pani Svetajeva”. Протягиваю руку: бандероль. И — почерк Пастернака: пространный и просторный — версты. Книга рассказов, которую я тщетно (40 кр<он>!) мечтала купить на сов<етской> книжной выставке. А до этого сон — буйный и короткий, просто свалилась, сонная одурь, столбняк. Проснулась в грозу, потянуло к розе и получила в раскрытую руку — Пастернака». Подобное по смыслу стечение обстоятельств вокруг французского поэта описывает Лидия другу в летнем письме 1931 гда: «Сегодня со мной интересный случай. Пришла мне в голову

строфа из сонета Бодлера, где-то по дороге; мне хотелось тебе ее написать. Но память у меня отвратительная стала, не могла вспомнить точно. Прихожу домой — роняю с полки несколько книг, и выпадает Бодлер. Ищу сонет и захотелось вообще послать тебе “Цветы зла” — я думаю, что по-французски ты его не очень хорошо знаешь. Перечитывая, увлеклась. Вспоминаю его процесс и хочу тебе рассказать; забываю результаты; приходит газета, и там все подробно рассказано с занятыми подробностями на злобу дня. Правда, совпадение интересное? Да еще плюс к этому в книге, кот<орую> взяла из библиотеки Поля Валери (соврем<енная> величина) тоже хорошую вещь о Бодлере встречаю. Так что все сложилось так, что надо тебе послать Бодлера и “сопровождающее письмо” написать!».

В письмах Лидии много слов посвящено работе, без ложной скромности она постоянно отмечает свои успехи в живописи, может сказать о себе словами из стиха Цветаевой: «Ремесленник — и знаю ремесло». Не сговариваясь, каждая из них не может не называть словом «мой» того и то, с кем и с чем «сжились, сбывшись» благодаря работе. У Лидии еще в константинопольском дневнике: «Как чудесно — совсем отрешиться от внешнего мира, а целые дни проводить в этой прелестной Кахрис-Джами. Страстно работаю в отдых, лежу на циновке и опять смотрю на “моих” чудесных сказочных ангелов — да, на “моих” — я чувствую, вся Джами стала моей, я изучила каждый уголок (хотя все еще кажется новым) пытливо угадываю колорит фресок под слоями штукатурки, пыли, заставляю их возникать из хаоса в стройное видение». У Цветаевой уже в 1937 г.: «Никто не понял, почему Мой Пушкин, все, даже самые сочувствующие, поняли как присвоение, а я хотела только: у всякого — свой, это — мой. Т.е. в полной скромности». Отношение к своему «святому ремеслу» Лидия высказывает недвусмысленно: «Конечно, самый большой мой “кумир” — мое искусство». И для нее, как для Цветаевой, жизнь начинает значить, т.е. обретать смысл и вес только преображенная, т.е. в искусстве», но все же, в силу своего характера, ей хочется скорее примирить жизнь и искусство, а не противопоставлять: «Искусство и любовь остаются большими факторами для моей жизни. Но и это я “допускаю”, что искусство может быть целью жизни. Но ведь знаю, что это не так; а “как” нужно — не знаю. Потерять веру в искусство — это остаться совершенно беспомощной перед жизнью. Но и тут столкновения: с одной стороны, замыслы искусства, с другой, не преображенная и ничем не преображаемая жизнь. Мглу не рассеять лучами рассудка. Тут и не мысли даже, а догадки, ощущения почти вне словесные; а если мысли, то до конца никогда не продуманные. Сквозь все эти “впечатления бытия” ищешь то единство, которое ощущаешь но так смутно и неуловимо». Она не раз повторяет в письмах, что любит и счастлива своим делом, считает пропавшим то время, когда приходится делать какую-то мелкую работу для заработка, пишет почти с осуждением о подруге: «Муна массу работает. Я тебе писала, что она переменила специальность, теперь кончает медицину, но ее не любит и не знает, лишь из практических соображений перешла». Или о товарищах по цеху: «Все наши приятели работают то в синема,

то на службе канцелярской и т.д., в общем совсем с их искусством ничего не имеют общего, и отстают сильно. Тогда как мы все двигаемся вперед».

Не может понять Цветаева и Алю в сходных ситуациях: «Как можно, будучи моей дочерью, любить ходить в банк, записывать телефоны, болтать с сослуживцами?». Чуть позже о другом предложении работы: «(журнал этот — детский коммунистический французский, по ее словам, “очень грубый и пошлый”. И — идет сотрудничать!) Моя ли это дочь? На торжествах Октября (Я не была! Не мои это торжества!) перешла на ты с людьми, о существовании которых час назад не подозревала, т.е. сразу в товарищи. (Совершенно ко всем октяблям равнодушна, а так — из-за компании)».

Несомненно, что Цветаева, глубоко чтившая труд, сама великая труженица, с большим уважением относилась к обоим Артемовым, даже если и не вполне понимала и ценила их творчество.

Скульптура Г.Артемова

Лидия и Жорж делали все возможное и невозможное, чтобы выжить своим искусством и, соответственно, своим трудом. У них бывала иногда совместная работа по росписи богатых домов, но редко, они занимались какое-то время выжиганием ручек для зонтиков, резали мелкие фигурки. Вся надежда была на Жоржа — его заработок от продажи великолепных деревянных панно

и скульптуры был основным. Лидия честно пишет, что она «продает мало, на это не проживешь». Она не любит всякую «практическую» работу, но деваться некуда и приходится ей вести переговоры с заказчиками, с владельцами галерей, тем более, что Жорж упрям, у него вспыльчивый характер и он плохо разбирается в делах.

Лидия, как художник-профессионал, часто описывает различные художественные выставки, которые посещает во множестве, ее очень занимает и Международная Колониальная выставка (Париж, май — октябрь 1931 г.), тем более что Артемов представлял там свою деревянную скульптуру. Цветаева, в свою очередь, тоже дважды ее посетила и оставила запись: «Мёдон, 3-го июня 1931 г. (нынче впервые была на Колониальной выставке. Любуясь всем — Господи, до чего мне все не нужно (не насущно) что не слово!)».

Лидия следит за театральными гастроллями и иногда идет в театр: «Да, была на “Принцессе Турандот”, очень понравилось — очаровательно! На другие спектакли уже не застала билетов, а если будут повторять на “Турандот” пойду еще. Собираюсь на Дягилева». Скорее всего, на Дягилева

она так и не попала — «очень дорого. Мы во всем себе отказываем, чтобы поехать на Корсику». А вот Цветаева, которая в сторону театра никогда особенно внимательно не смотрела и не сожалела, что не может увидеть гастролирующих в Париже таировцев, мейерхольдовцев, вахтанговцев, как раз на Дягилева ходила, что отмечено ею в письме лета 1929 г. к С.Н. Андрониковой-Гальперн: «Была на Дягилеве, в Блудном сыне несколько умных жестов, напоминающих стихи (мне — мои же): превращение плаща в парус и этим — бражников в гребцов». Или она сама «разорилась» на билет — в эти же дни удачно прошел ее совместный с С.М. Волконским литературный вечер, либо получила билет в подарок от того же Волконского или Николая Гронского. А за год до этого — 17 июня 1928 года — вахтанговцы, которые давали в Париже «Чудо Святого Антония», ей даже помешали в проведении вечера, о чем она пишет на следующий день С.Н. Андрониковой-Гальперн: «Мне не повезло: вчера и единственный спектакль Антония, и половина моей публики ушла туда». Но воскресить прошлое, обернуться назад — всегда была рада. Эпизод из «Повести о Сонечке»: «Я гуляю со своим двухлетним сыном по беллевюскому парку — Observatoire. Рядом со мной, по другую мою руку, в шаг моему двухлетнему сыну, идет Павлик А., приехавший со студией Вахтангова. У него уже две дочери и (кажется?) сын».

В конце 1925 — начале 1926 года Лидия, описывая со слов Муны бедственное положение Цветаевой, «несмотря на то, что она всюду печатает» и называя ее с мужем «безалаберными людьми», смотрит на них со своей еще на тот момент более-менее спокойной, обеспеченной регулярными заказами и упорным трудом, стороны: «Мы заработали тысяч 40, но, конечно, много ушло на материал и оплату “помощников”. Ну, в общем, у нас осталось для Корсики 12 тыс., но мы кое-что купили: и краски, и одежду».

Даже если самым кратким пунктиром обозначать основные события жизни и творчества Цветаевой этого времени, то здесь можно только поражаться невероятной интенсивности работы ее души и мысли, ее несравненной творческой энергии и необъяснимой для простых смертных трудоспособности: в 1925 и 1926 году (рождение и раннее младенчество Мура, регулярные, изо дня в день уроки французского языка Але, примитивнейшее хозяйство с хождением за водой, топкой печей в Чехии, подготовка к переезду в Париж с детьми, жизнь всей семьей в одной комнате в квартире у Черновых, проведение двух вечеров чтения в Париже и в Лондоне, отбытие в Вандею, возвращение, поиски жилья и устройство в Бельвю) написаны статьи, поэмы, стихи, почти по сотне писем в каждом из этих двух лет, среди адресатов которых Пастернак, Рильке, Тескова, Колбасина-Чернова и другие. В «Воле России» публикуется очерк «Герой труда», поэма «Крысолов», «Поэма лестницы»; в «Верстах» — «Поэма Горы»; в «Ковчеге» — «Поэма Конца». Цветаева в самом деле в это время «много печатает» нового в Праге, Париже и Брюсселе, редактирует и публикует то, что написано было еще в России. Но из этого, увы, совершенно не следовало, что

она получала достаточно, чтобы хватало на жизнь.

Примерно с конца 1926 года Лидия тоже начинает жаловаться на недостаточный заработок: «...особенно сокращают расходы на “предметы роскоши” — под которую рубрику мы целиком подходим. Панно наши висят, насчет заказов кормят обещаниями. “Ручек” и подобных работ почти нет». Но пока положение их семьи — их всего двое, не считая собаки и даже собак — относительно стабильное. Однако всегда есть долги, и стоит только, заработав, расплатиться, тут же возникают новые.

В 1927 г.: «Живем в вечном преодолении — каждый день отбиваем атаку за атакой в борьбе за существование. Большой интересной работы нет: кризис все продолжается. Приходится брать, что попадает в руки, часто за бесценок»; «Этот год нелегко нам дался; если бы не Жоржева пенсия, которая как с неба упала (выхлопотали знакомые), то пришлось бы сидеть в Париже, в своей тараканьей щели»; «Вообще очень мало работали, а жили в бедности»; «Утомительно жить в бедности — столько теряешь времени!».

В 1928 г.: «Дела наши все еще не устроены. И это неопределенное положение портит жизнь и настроение. Безденежье не позволяет выполнить намеченную программу»; «Как хотелось бы иметь постоянные деньги, чтобы спокойно работать. Ведь имеет же право каждый человек на самое насущное! И какая несправедливость, ему даже в этом отказано»; «Все еще ничего не продали, но продаем, волнуемся и занимаем повсюду»; «Никогда не можем урегулировать нашу жизнь в материальном отношении».

В 1929 г.: «А мы живем здесь скромненько. В долгу, как в шелку»; «Дела наши в этом году идут очень плохо. <...> Залезли страшно в долги»; «У нас вообще около 25 т. долгу. Правда, деньги мы должны заплатить лишь тысяч 10, остальное работой».

В 1930 г.: «В этом году вообще ничего не продается — во всей коммерции застой. Зима была трудная. Наделали много долгов, а теперь расплачиваемся. Тем более есть небольшие заказы, да кончаем один большой». В том же 1930 г. последняя — неудачная — поездка на Корсику, покупка небольшого домика в Кламаре в кредит.

В 1931 г.: «Кризис не разрешается, и наше дело катастрофично»; «Уж очень утомительно наше дело тем, что уж очень все у нас неопределенно, без всякой уверенности в завтрашнем дне — этим платится наша свобода, так нам необходимая в деле. А жалуюсь лишь потому, что опять эта борьба за существование отнимает столько прекрасных возможностей в нашей работе»; «Это лето (и до сих пор) у нас трудное, беспросветное безденежье. Держимся лишь кредитами в соседних лавочках, где, к сожалению, такое доверие к нам, что долги выросли в несколько тысяч»; «Вот уже два года бьемся как рыба об лед».

В 1933 г.: «Кризис затянулся, и нам очень трудно живется. Масса сил уходит на борьбу за существование. К этому мы еще не кончили платить за наш дом, и бывшая хозяйка нам всякими способами отравляет жизнь вплоть до судебных следователей за каждые платежи. Но все же кое-как выбиваемся. Залезли кругом в долги, и все деньги при получении уходят на их покрытие. Таким образом вечное безденежье».

В 1934 г.: «Вообще года три с этим кризисом нам живется очень трудно материально».

В 1935 г.: «Быт все тяжелее делается, страшно безденежье заедает — крутимся как белка в колесе. Жизнь за последние года два стала много дешевле, но заработать стало страшно трудно. И долгов много. Приходится выплачивать за дом чуть не вдвое дороже: что было пять лет тому назад дешево, теперь дорого, и прямо не под силу выплачивать».

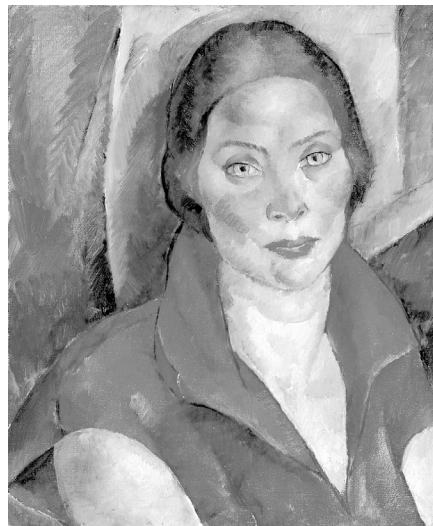
В прямой зависимости к безденежью прибавляются болезни. И вот строчки из писем: «Сильно устаю, но не обращаю внимания, термометра не было, и я не знала, что у меня температура — значит, легкие не в порядке. Все ничего, если будут деньги, а то уже наши приходят к концу, нужно возвращаться в Париж, а там залечиться трудно, да еще без денег»; «Хворала гриппом, такое уж <...> время сейчас здесь»; «Захватила зимой грипп, не залечила хорошенько, теперь уже четыре дня лежу в постели с бронхитом и высокой температурой — сегодня эта последняя уже нормальная. В 1934 г. Лидия заболевает очень тяжело: «Лежу в постели, поправляюсь после “паратифа” (форма тифа). Уже шесть недель в кровати — истощена ужасно болезнью и ее рецидивом. И вообще болезнь-то на почве физического и нервного истощения».

И в письмах Цветаевой начиная с 30-х годов появляются жалобы на здоровье — работа урывками («что я иного в жизни делаю как не — пишу — когда мне хочется, а именно: все утра моей жизни?! 14 лет подряд») часто отклоняемая редакторами, то есть не приносящая никакого заработка, тяжелый быт, вечно неудовлетворенное желание, чтоб все были сыты и здоровы на фоне непроходящего безденежья, глубокие нелады в семье расшатывают и ее «железное» — как она сама его когда-то назвала — здоровье. Привыкшая волноваться и заботиться о здоровье своих куда больше, чем о своем, она начинает перечислять в письмах не только легочный процесс на почве крайнего истощения и болезнь печени Сергея Яковлевича, малокровие и плохую наследственность Али, многочисленные простуды Мура и общий сезонный грипп, но и появившиеся собственные недуги³⁵, отлично понимая главные причины нездоровья: «Знаете в медицине: подавленный аффект, например, горе или радость, сильная вещь, которой не даешь ходу, в конце концов человек остро заболевает: либо сильнейшая сыпь, либо еще какой-нибудь внешний знак потрясения».

В то время, когда Лидия тяжело заболела, семья Цветаевой уже не жила в Кламаре — они перебрались летом 1934 г. в другой пригород — Ванв, и скорее всего, больше не виделись, могли только что-то слышать друг о друге от общих знакомых.

Письма Лидия пишет все реже, последнее письмо другу она написала и отправила поздней осенью 1935 г. Это грустное и — по смыслу — прощальное письмо очень усталого человека: «Вообще летом пережила духовный кризис. Вдруг испугалась смертельно жизни. Охватили безнадежное отчаяние, пессимизм. А это случилось оттого, что незаметно для себя слишком погрузилась в житейское, в материальную жизнь; завязла в этой тине, едва выкарабкалась. И теперь идет переоценка ценностей. Но не так-то легко выбраться из этого омута». Круг от-

пущенной ей земной жизни, полной надежд, любви, трудов, успехов, поражений, нужды, болезней, все стремительней замыкается, возвращая мысленно к началу жизни. Об этом свидетельствует лирическая нота этого письма: «Последнее время очень скучаю по России: хочется в Москву, на Волгу; так хочется всех увидеть вас; еще ужасно хочется пописать волжск<ие> родные пейзажи, повидать новую Россию». Здоровье все ухудшается, скорее всего из-за этого она была уже не в состоянии поддерживать переписку с другом и все больше сосредотачивается на муже, не перестававшем доказывать ей свою любовь и преданность. В начале 1936 года она попадает в парижскую больницу «Некер». Летом того же года они с Георгием гостят в имении Жанны Астр-Доат (будущей второй жены Артемова) в 60 км к юго-востоку от Тулузы, где им удается отдохнуть. Они пишут портреты племянниц Жанны: Лидия подарила написанный ею прекрасный портрет 14-летней Перлетте, Жорж — 16-летней Франсуазе. В то же лето Жорж написал один из последних портретов Лидии в красной блузе.

Г.Артемов.
Лидия в красной
блузе.
Вилла Ланкастр,
лето 1936

Примерно с мая 1938 года Лидия снова, уже испытывая сильные боли, гостит на вилле Ланкастр у Жанны и практически не встает. Жорж оставался в Кламаре, и она писала ему нежные, самые последние в ее жизни письма³⁶, стараясь поддержать его, уверить, что поправляется. В письмах к мужу она пытается вселить надежду в него, а, может быть, и в себя. Когда-то в константинопольские годы она вела дневник и писала письма другу, позже — только письма, которые отчасти сделались и дневником. В них она не раз делилась своими мыслями о смерти: «Я не могу сказать, что я боюсь смерти. Но мне не хотелось бы умереть неготовой. Мне часто кажется, что я умру скоро, и я всегда хочу быть готовой, и это мне дает некоторую мудрость жить. Но, конечно, чаще мне кажется, что буду очень еще долго жить».

В смертный час около нее были заботливые друзья, врач, муж, который любил ее больше всего на свете. С портретом Лидии в Кавказском погребке, написанным им в 1923 году — он никогда не расставался и перед ним, когда позволяли обстоятельства дальнейшей жизни, всегда ставил свежие цветы.

В России о ней никогда не забывал друг юности. Он считал необходимым беречь все ее письма и благодаря ему они действительно сохранились.

Лидия умерла от рака 1 августа 1938 г. и похоронена на кладбище Водрей в 5 км от виллы Ланкастр, где прошли ее последние дни.

Вряд ли Цветаева, уже покинувшая к тому времени ванвский дом и находившаяся в буквальном смысле на перепутье, могла знать об этом. В 1937 году произошло то, что, по словам М.Л. Слонима, она называла «несчастьем»: убийство в Швейцарии советского агента-невозвращенца Игнатия Рейсса и открывшаяся причастность к этому грязному делу Сергея Яковлевича, вынужденного тайно переправляться в СССР. Свое обращение в «Союз возвращения на родину» и в советское консульство Цветаева объяснила словами: «Выбора не было: нельзя бросать человека в беде, я с этим родилась». После многолетних раздумий за и против, нашедших свое отражение в письмах и стихах, отъезд, в конце концов, сделался неизбежным. «Сейчас уже не тяжело, сейчас уже — судьба», — передала Цветаева свое чувство в последнем письме А.А. Тесковой, написанном на вокзале перед самым отбытием поезда из Парижа в Гавр 12 июня 1939 года.

Безысходность событий по возвращению на родину — арест дочери в августе, мужа — в октябре, вечный, сделавшийся болезнью, страх за них и за Мура, непрерывные заботы все о том же хлебе насущном и крыше над головой, начало войны, наступление немцев, бомбардировки Москвы, эвакуация в Елабугу, осознание своего полного бессилия в спасении своих, опасения непоправимого вреда, который она своим существованием может навлечь на сына — довели ее до самоубийства 31 августа 1941 года.

Совсем одна, по собственному предсказанию: «Я, когда буду умирать, о себе подумать не успею». Она оставляет Муру прощальные слова, что любит его «безумно», просит его передать отцу и Але, что «любила их до последней минуты».

Цветаева пережила Лидию всего на три — непоследних — года. Остались — пером на бумаге — последние слова из самых последних, написанных ее рукой строк, обращенных к тем, кого она умоляла позаботиться о сыне: «А меня простите — не вынесла».

Ариадна Эфрон, освободившись после 16 лет лагерей и ссылки, пыталась узнать подробности того времени, когда ее не было рядом с матерью, установить причину ее гибели. Самый верный ответ она получила от Ахматовой: «Я знаю, существует легенда о том, что она покончила с собой, якобы заболев душевно, в минуту душевной депрессии, не верьте этому. Ее убило то время, нас оно убило, как оно убивало многих, как оно убивало и меня. Здоровы были мы, безумием было окружающее: аресты, расстрелы, подозрительность, недоверие всех ко всем и ко всему. Письма вскрывались, телефонные разговоры подслушивались; каждый друг мог оказаться предателем, каждый собеседник — доносчиком...».

Отпущенные после «ее университетов» 20 лет жизни Аля посвятила не только литературному наследию, а вообще — матери. Узнавая то многое, что было от нее скрыто, она пришла в конце собственной жизни к трагическому осознанию «тщеты, роковой, predeterminedенной тщеты и тщетности Маринино героического единоборства с Прокрустом — жизнью».

Как и где похоронили Марину Цветаеву на елабужском кладбище никто не запомнил. «По улицам оставленной Москвы / Поеду — я, и побредете — вы», — не сбылось так же, как и «Мне же вольный сон, колокольный звон, / Зори ранние — / На Ваганькове».

Сбылось — другое:

И если все ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увесть, —
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвести!

¹ Никанорова Лидия Андреевна (в замужестве Артемова; 23.03.1895, по другим сведениям 1893, Брест-Литовск, Гродненской губ., ныне Брест — 01.08.1938 вилла Ланкастр, деп. Верхняя Гаронна, Франция). Живописец.

² Артемов Георгий Калистратович (1892, ст. Урюпинская Дон. обл. — 1965, Ревель, деп. Верхняя Гаронна, Франция). Живописец, скульптор.

³ «Звезда», 2011, № 8, с. 124-155. Далее: «ГК в Р и в Ж».

⁴ Опубликованы в сокращении М.В. Ломовской в журнале «Звезда», 2016, № 5.

⁵ Безсонов (Бессонов) Павел Александрович (1889, Казань — ?) проф. математики, ун-т и политехн. ин-т. Зав. каф. «Высш. математики» МАДИ (1930 — 1943), МИХМа (1934 — 1942 и 1945 — 1961), МАМИ (1941 — 1951).

⁶ Отрывки из писем приводятся по машинописным копиям (РГАЛИ. Ф.1501 В.А. Каверина. Оп.2 Ед.хр. 467).

⁷ Из письма М.И. Цветаевой А.А. Тесковой 1 января 1932 г.: «Настоящих друзей здесь у меня не было, были кратковременные дружбы, не выжившие».

⁸ «В Кламаре у нас есть друзья Артемовы, он и она (он — кубанский казак и лучший во Франции резчик по дереву. Его работу недавно (за гроши) купил Люксембургский музей. Она — акварелистка)».

⁹ Туржанская Александра Захаровна (1895, Киев, 1974, Медон, под Парижем). Помогала М.И. Цветаевой в повседневных заботах, впоследствии занималась сбором архива поэта.

¹⁰ Первый парижский вечер стихов М.И. Цветаевой, который состоялся 6 февраля 1926 г. в Союзе молодых поэтов и писателей, имел огромный успех.

¹¹ Сцепуржинская (Степуржинская) (урожд. Булгакова, в первом браке Родзевич) Мария Сергеевна; 1898, Берлин — 1979, Левалуа-Перре, под Парижем). Мед. работник, переводчик. Дочь о. Сергея Булгакова и Е.И. Булгаковой. М.И. Цветаева не раз упоминает о ней в своих письмах из Праги и Парижа различным корреспондентам.

¹² Родзевич Константин Болеславович (1895, С.-Петербург — 1988, Монморанси, под Парижем). Обществ.-полит. деятель, художник.

¹³ Венчание М.С. Булгаковой и К.Б. Родзевича состоялось 13 июня 1926 г. в парижском Сергиевском подворье (93, rue de Crimée). Цветаева так откликнулась на это событие в письме к А. Черновой от 9 июня 1926 г.: «Венчается целая поэма! (Пауза.) Целых две» и от 1 июля 1926 г.: «Жалею М<арию> С<ергеевну>, потому что знаю, как женился! <...> Она вышла за него почти против его воли («Так торопит! Так торопит!») — дай ей Бог ребенка, иначе крах».

¹⁴ На самом деле роман продлился не более трех месяцев: с сентября по декабрь 1923 г.

¹⁵ Улица была переименована, современное название: rue Pierre Brossolette (рю Пьер Бросолет).

¹⁶ Улица была переименована. Современное название: avenue du Bois (авеню дю Буа).

¹⁷ Современная скорая медицинская помощь во Франции многим обязана военной медицине. Так, исходя из опыта Первой мировой войны, в 1924 году полк пожарников сначала исполнял миссию первой помощи по отношению к получившим ожоги и отравления оксидом карбона в нездоровой обстановке в послевоенном Париже, а затем и другие миссии по оказанию скорой помощи. Историческая справка генерала Ж. Мартиаля, командира Бригады пожарников Парижа (<http://cesusamu.chez.com/appligos/samu/historiquebspp.htm#sommaire>).

¹⁸ Из воспоминаний Е.Н. Рейтлингер-Кист (о начале 1930-х годов): «Эфрон много и вдохновенно говорил о «новой эре человечества», сравнивал с временами первохристианства. Родзевича я видала у Эфронов (да и на всяких собраниях). Очень уверенный в себе <...> Говорил очень гладко и легко. Я его воспринимала как позера, и что-то от Рудина было в нем. Характерно, что, когда вся группа возвращенцев, перейдя от слова к делу, решила ехать в Союз, он не присоединился к ним, остался в Париже».

¹⁹ Цветаева юмористически вспоминает материнство Муны в августовском письме к А. Берг 1938 г.: «Когда Наташа была маленькая, она часами рассказывала – всем и каждому – про ее (она заикается) “какашки” (ка-ка-кашки!), и изредка про кашки (рисовая и манная)».

²⁰ Американский фильм 1932 г., оригинальное название I Am a Fugitive from a Chain Gang.

²¹ Из воспоминаний М.Л. Слонима: «М.И. не только воспитывала детей, варила, стирала, убирала, но и зарабатывала – ее гонорары занимали главное место в бюджете семьи. Она все это принимала, о Сергее Яковлевиче заботилась как о больном ребенке».

²³ Иду одна, как вот ручей
Средь папоротника легко
Бежит без шума, без речей
А сердце где-то далеко (перевод мой – М.Л.)

²⁴ Зародыш бледный мой, ты в водах спишь без снов,
Как маленький умерший бог в стеклянном гробе,
Существование твое легко в моей утробе,
Ты рыбкой дремлешь меж корнями розовых кустов.

Ты бессознательным пока растением живешь,
Невинной лилией, что начала свой отворять бутон,
Не ведая о том, с которой из сторон
И с глубины какой земли на свет взойдешь.

Цветочек мой без пчел и без росы на лбу,
Я соками тебя пою, делюсь своей дупой,
Но требует тебя наш жадный мир большой.
И заставляет трепетать тебя во мне, как на беду (перевод мой – М.Л.).

²⁵ Когда у вас есть ребенок, который умер от голода, вам всегда кажется, что другой ребенок поел не досыта (фр.).

²⁶ Аля летом 1931 г. гостила в Бретани в семье М.Н. и В.И. Лебедевых.

²⁷ Полный текст письма в «ГК в Р и в Ж».

²⁸ Марина Цветаева в письмах сестры и дочери / Вступ. слово и публикация Р.Б. Вальбе // Нева. 2003. №4. С.170.

²⁹ Полный текст письма в «ГК в Р и в Ж».

³⁰ Речь идет о «Балладе-восхвалении Парижского Суда» Франсуа Вийона (François Villon), фр. поэта XV века.

³¹ «Баллада повешенных» [Эпитафия написана Вийоном в ожидании смертной казни, впоследствии замененной изгнанием].

³² Одно из наиболее известных произведений Вийона, которое переводили на русский В.Я. Брюсов, Н.С. Гумилев (1913), И.Г. Эренбург (1916) и позже многие другие.

³³ «Но где же прошлогодний снег!» (фр.).

³⁴ «Mary of Scotland» – кинофильм режиссера Джона Форда (John Ford), 1936. В эмигрантской среде после просмотра фильма обсуждалось удивительное сходство Нины Берберовой с исполнительницей главной роли Кэтрин Хепберн (Katharine Hepburn).

³⁵ В письмах А.А. Тесковой, например, 25.02.1931: «К довершению всего у меня на почве общего истощения (ходила в клинику, смотрел при 20 студентах профессор) вылезла половина брови, прописал массаж и мышьяк: ничего не растет, так и хожу с полтора бровями» и 16.10.1932: «У меня нервы в отчаянном состоянии: чуть что – слезы градом и комок в горле. Все это от нужды, т. е. тесноты, в <которой> приходится жить. Вечно на глазах, никогда – одна».

³⁶ Полный текст писем в «ГК в Р и в Ж».

Библиография

Цветаева М.И. Собрание сочинений. В 7 т. / Марина Цветаева; сост., подгот. текста и коммент. А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. – М.: Москва: Эллис Лак, 1994 – 1995.

Цветаева М.И. Неизданное: Записные книжки: в 2 т., Т.1, 2 / Марина Цветаева; Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. – М.: Эллис Лак, 2000 – 2001.

Цветаева М.И. Неизданное: Сводные тетради / Марина Цветаева; сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. – М.: Эллис Лак, 1997.

Цветаева М.И. Письма к Анне Тесковой / Марина Цветаева; сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина. Вступ. ст. А. Главачека. – М.: Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве, 2008.

Цветаева М.И. Письма 1923 – 1927 / Марина Цветаева; сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 2013.

Цветаева М.И. Письма 1928 – 1932 / Марина Цветаева; сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 2015.

Цветаева М.И. Письма к Наталье Гайдукевич / Марина Цветаева; сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина. Вступ. ст. В. Завистовского. – М.: Русский путь, 2003.

Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции / сост. Л. Мнухин, Л. Турчинский. – Москва: Аграф, 2002.

Лосская В.К. Марина Цветаева в жизни: воспоминания современников / Вероника Лосская. – М.: Прозаик, 2011.

М. ЦВЕТАЕВА: «Как я хочу в Прагу!..»

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал-гранит.

Процветай, народ, —
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

Париж, 21 мая 1939

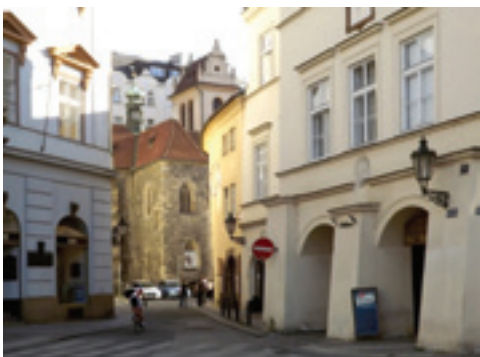
Дом 51/1373, Шведская улица, Прага (район Смихова), в котором проживала М.И. Цветаева в 1923-1924 г.г., о чем свидетельствует мемориальная доска с ее портретом и стихами, обращенными к чехам

Старые улицы в Градчанах

Карлов мост – место встреч и прощаний

Дом №1 (справа) на площади Ухельни Трх в старой Праге, где находилась редакция журнала «Воля России»

Вид на Влтаву с Карловым мостом

ЛИДИЯ НИКАНОРОВА:
«И так тянет на Корсику, к солнцу, к морю!»

*Городок очень живописен — средневековые стены на скалах, стена, как скала, с узкими улочками итальянского типа, народ симпатичный.
(Из письма ЛА. Никаноровой с Корсики 17.03.1926).*

Фото Евгения Ломовского

ЛИДИЯ НИКАНОРОВА НА КОРСИКЕ

*В конце концов
нашли хорошенький
домик. <...> Тоже на
обрыве, но в порт;
среди виноградников
и библейских олив.
Совсем одни на всей
горе. (Из письма
Л.А. Никаноровой с
Корсики 04.08.1927)*

Фото Евгения Ломовского

*Л. Никанорова.
Портрет
Симоны Лан-
тьери. «Усердно
пишу портреты.
Каждый
из нас написал
по детскому
портрету».*

*(Из письма
Л.А. Никаноро-
вой с Корсики
02.06.1926)*

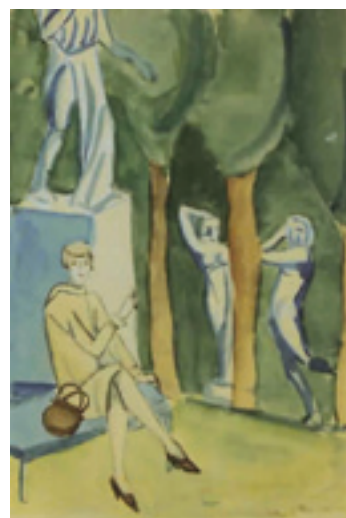
МАРИНА ЦВЕТАЕВА ВО ФРАНЦИИ

Кламар (10, rue Lazare Carnot, Clamart). В этом доме М.И. Цветаева с семьей проживала с 15 января 1933 по 15 июля 1934

М.И. Цветаева с Муром на железнодорожном мосту в Мёдоне

М.И. Цветаева в Версале.
А. Эфрон. Акварель. 1928

Устроились мы чудесно, под Парижем, в лесу – и в каком! Огромном, старом, на много верст. <...> в 3 минутах ходьбы – большой пустынный парк с обсерваторией (соседство звезд).
(Из письма М.И. Цветаевой 12 октября 1926)

М.И. Цветаева.
А. Билис.
Рисунок
(грифельный
карандаш).
1931

Весной у нас будет чудно,
мы живем почти в парке
<...> Съездим с Вами
в Версаль — две остановки,
ближе чем от Вшенор
до Праги.
(Из письма М.И. Цветаевой
18-го декабря 1926)

Л. НИКАНОРОВА И Г. АРТЕМОВ В КЛАМАРЕ

Л. Никанорова и Г. Артемов с собакой.
Кламар. Начало 1930 годов (Архив Мари
Артемофф-Теста, Франция)

Кламар, 102, rue d'Union

Фото автора

...мы стали ужасными буржуями —
купили себе дом! Убила! А если прибавить,
что это в Париже, то есть в Кламарт,
в 10 минутах от Парижа, где через два
года будет метро, а теперь трамвай
и поезд! <...> 9, Villa Union, Clamart (Seine).
Здесь villa называют часто тупичок —
так и в нашем случае. (Из письма
Л.А. Никаноровой из Кламара 06.01.1931)

ПОСЛЕДНИЙ ПАРИЖ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Вид на башню с часами из окна номера 36 гостиницы Иннова, в котором жила перед отъездом на родину М.И. Цветаева с сыном. (Фото Антона Ломовского)

Гостиница Иннова (Innova Hôtel) – последнее местожительство М.И. Цветаевой в Париже с 15 сентября 1938 до отбытия на родину 12 июня 1939 (Фото Евгения Ломовского). Правда – ирония: Иннова – Hôtel? Две иронии: Иннова и Hôtel – мне, любящей старые дома и, кажется, больше ничего – ибо в них все: и видения, и привидения, и трава сквозь щели (пола), и луна сквозь щели (крыши) (Из письма М.И. Цветаевой, 17 сентября 1938)

Дом в Ванве, в котором М.И. Цветаева с семьей проживала с 15 июля 1934 по 15 июля 1938. (фото автора)

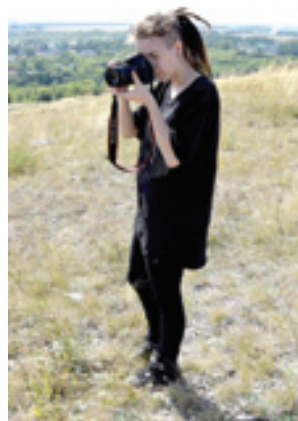
«Мы живем в чудном 200-летнем каменном доме, почти – развалина, но надеюсь, что на наш век хватит! – в чудном месте, на чудной каштановой улице, у меня чудная большая комната с двумя окнами, и в одном из них огромным каштаном, сейчас желтым, как вечное солнце. Это моя главная радость». (Из письма М.И. Цветаевой 24 октября 1934)

Фонтан Медичи в Люксембургском саду. Adieu, France!

ФОТОПРОЕКТ «ВРЕМЯ ЧИТАТЬ»

Авторы фотографий – участники «Творческой мастерской визуальной коммуникации Ярославы Евдокимовой» Анастасия Чернышева и Екатерина Кильянова.

Анастасия Чернышева.

Фото Анастасии Чернышевой

Екатерина Кильянова

Фотопроект «Время читать» –
часть большого проекта «Семья. Любовь. Верность» –
создан по итогам творческих экспедиций
по Ульяновской области.

Фото Екатерины Кильяновой

Светлана МАТЛИНА, член Союза писателей России, лауреат премии им. И.А. Гончарова, первый лауреат Благовской премии.

В МАЛОЙ СФЕРЕ БЫТИЯ...

ИЗ НОВОЙ КНИГИ СТИХОВ «ОТЧЕЕ СЛОВО»

* * *

Проснуться от птичьего крика,
Увидеть: летят журавли
И задохнуться от мига
Пронзительной ласки земли!

Прощанье, прощанье, прощанье
В ней ветер осенний трубит
Меж прутьями тонких раkit...
Прощанье – и встреч обещанье
Под сереньким небом любви.

О родина многострадальная,
Тебя никогда не забыть!
Как звоны в равнинном, дальнем
Тебя из души не избыть!

Незрелую гроздью калины
Рассвет твой тяжелый горит
И белым рыдающим клином
На ленточке слабой зари.

О родина! Свет изначальный
В нашей общей судьбе.
И свет, и радость печальная,
Счастья тебе!

* * *

Мимо строек и старых башен,
Мимо грусти своей вчерашней
Прохожу в звездный час.

Вдоль полей в позолоте затертой,
Мимо тихого города мертвых –
Не сейчас!

Вскинут взор
К небу вечной молодости,
А земля –
Просто пашня, ветром исполотая,
Просто палуба корабля.

Я лишь звук
И блаженство времени.
Не беда,
Что душа в просторах затеряна...

Жить, чтоб петь –
Навсегда!

ОТЧЕЕ СЛОВО

Мы летали с тобой на крыле ветряном
И стучались в небесную твердь.
Как же нам не гореть, как не помнить потом,
Не взлетать, и не сметь, и не петь!

Ах ты, Отчее Слово – граненый алмаз,
Легче пуха, тяжеле руки!
Духи предков носили по отчине нас,
Заклинали про тайны: реки!

Мы летали с тобой на крыле ветряном
И мужали в путях голубых.
И не раз, и не два зачерпнули крылом
Реки крови и бездны любви.

* * *

Во всей бескрайней поднебесной
Не видно ни одной звезды.
Иду я, как Яга, из леса
В тяжелых ртутинках росы.

И дождь. И ночь. Свечи огарок
В консервной банке из-под шпрот.
Забрызганных купав охалка –
От них как будто звон идет.

Глухая ночь, лесная сырость,
А от цветов светло, как днем.
И вся полна волшебной силы,
Я словно в царстве золотом.

Благовари за эту милость.
Пиши и пой. Душа, твори!
Чтоб эта золотая сила
Не разрывала изнутри.

Чтоб жизни гибельной огарок,
Огарок ночи колдовской,
Зацвел пленительно и жарко,
Как ночь, купавою лесной.

* * *

Ночь полна звуков, силы, движенья.
Шепоты листьев, бормочет ручей,
Гром отдаленный, взволнованность пеня –
Это, наверно, вступил соловей.

В шариках ртути как будто река...
И головой золотой перевесясь,
Ангелом светлым плывет по ней месяц,
И окружают его облака.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АНГЕЛОВ

В движенье неба парусина
Под ветряные веера.
И много, много мрачной сини,
И много, много серебра!

А из глубокого прорана
Под оксаном без границ
Сонм ангелов полетом плавным
Спускается тревожно вниз.

То Путник из безвестной дали
Вновь подошел, стоит и ждет.
И небо с водью замерцали,
И все трепещет, все поет.

Уж вкруг Него крыла мелькают,
Как серебристое кольцо.
Он к ним, усталый, обращает
Многострадальное лицо.

И сонмы легоньких сверканий,
И белизна одежд Его
Слились в громадное сиянье,
Что тихо в океан легло.

ЭМИ ДЖЕЙД УАЙНХАУС

*Умерла Эми. Черный день.
На сайте Земфиры*

Почему-то июль
В судьбе твоей много значит.
Выход альбомов, премии, дата смерти.
В Белграде на последнем концерте
Спотыкалась, едва не плача.

Сорок тысяч глаз за тобой следили,
Как ты пыталась петь, забывала слова.
И наркотиков не простили,
От которых была живою едва.

Даже в фамилии – Винный домик –
Предсказанье трагедии жизни всей.
Эми, бедная девочка, спой мне
Что-нибудь из жизни своей.

Эми, бедная девочка сцены,
Где брала ты слова, звуки те?
Бог ты мой, как ты пела, Эми,
Повернувшись спиной к темноте!

Ломовая лошадь вокала
За пышную ширмой зала.
Восторгались: Америка у ее ног!
А ты погибала, а ты догорала:
В 27 лет уйти – слишком короткий срок.

Хорошо, что успела все ж повидать Россию –
Дар свой, нрав свой, корни свои.
Но не успела взять целебные силы земные,
Натянуть на себя это небо любви.

Бабушка Синтия была джазовой певицей.
Имя ее выколола на руке.
И легла рядом с ней – обе певчие птицы –
От всего вдалеке.

КАРАОКЕ

Когда так плохо одному,
Ты едешь в бар, где караоке,
И там под виски и в дыму
Тебе не так уж одиноко.

И ты на сцене. В полный зал
Поешь ты о любви жестокой,
Что ты на бал свой опоздал –
Ах, караоке! Караоке!

Мотив известный, а слова
Свои. И зал все понимает.
Все в прошлом, и все – трын-трава,
Но сердце все равно страдает.

Пусть слуха нет, а ты поешь!
Слаб голос, такт не считаешь...
Уже ты сам себя смеешь,
Уже ты сам себя рыдаешь.

И кто-то – руки целовать,
А кто – к киоску за букетом.
И главное – не потерять
Лица, все выплеснув при этом.

ВЕРОНИКА

Есть кафе над Волгой на причале.
Пароходы, лодки, катера
Пристают или уплывают в дали,
Чайки стаям выются тут с утра.

И играют ласковая скрипка,
Перламутровый аккордеон.
А за стойкой – девушка-улыбка,
Кто в нее, скажите, не влюблен?

И под вечер голубой и зыбкий
Сигарет сигналият огоньки.
Раздастся: «Пива, Вероника!»
И поют, и пляшут рыбаки.

Здравствуй, здравствуй, вольница родная!
Есть и мне тут место за столом.
Я сама немало песен знаю
Да и сочиняю их притом.

И когда мне отчего-то грустно,
Прихожу развеяться сюда,
Изгоня из сердца злую смуту,
Провожая, как мечты, суда.

Ах, ты, Вероника, Вероника!
Слушай, я спою тебе о том,
Как когда-то, мне даря улыбки,
Кто-то и в меня бывал влюблен.

И играет ласковая скрипка,
Хоть заглох в дыму аккордеон.
И смеется звонко Вероника
В уголке с веселым рыбаком.

* * *

Остро пахнет тополями
В малой сфере бытия.
Успокоились с годами,
Отбуйнив, ты и я.
А они шумят, качаясь,
Им и ветры нипочем,
Без тоски и без печали
Облепив листвою дом.
В божьем мире дождь и слякоть,
Тучи залегли в сирень.
Ну и мы не будем плакать,
Плакать – скушно, думать – лень.
Упаду в твои объятия,
Белой арфой зазвения.
И на самом донце счастья
Тот же май и тополя,
Та же глянцева зелень
И лилово-серый свет.
И любви, затмившей зренье,
Тот же божеский завет.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРИК

Отлетаю в заречные дали.
Уплываю в вечернюю мглу.
И волшебный фонарик печали
Светит мне на другом берегу.

Верю в жизнь, и в себя, как в начале,
Не теряя от бед головы.
Не бывает любви без печали,
Без печали не будет любви.

И склоняются милые сестры
Над кроватью, целуют меня. –
Два луча от прекрасного солнца,
Два бессмертных, два светлых огня.

И волшебный фонарик украдкой
На волне ли, на льду, на снегу
Пишет синим, как в школьной тетрадке,
И рисует сердечко в углу.

Это слово давно мне родное,
Как причал, как маяк кораблю.
Держит душу живую собою
И звучит точно флейта: люб-лю.

Закрываю усталые вежды,
Окунаюсь в вечернюю мглу.
И волшебный фонарик надеждой
Светит мне на другом берегу.

ПОЭМА О БОГОРОДИЦЕ

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Золотей небес угодые.
Воздух посинел.
Богородица обходит
Свой удел.

Тихо в доме. Сонно в доме.
И луна в окне.
Видишь, пусто на иконе
На стене?

Вот прошла к тебе от далей,
Словно век бывала тут.
«Утоли мои печали» –
Так Ее зовут.

Вот покровом укрывает,
На руки берет.
У груди тебя качает,
Песенку поет.

Заиграла арфа снова –
То небесный звук!
Веет лилией медово
От нежнейших рук.

Веет розою и мятой.
Ты во все глаза глядишь.
Ах, давным-давно, когда-то
У Нее был свой малыш...

Мы судьбы своей не знаем,
Парки – спят.
Золотой каймой сияя,
Ал Ее наряд.

Сыплет звездочки в ладошки,
Плакать ты забыл.
За окном взвилась пороша
Сонмом белых крыл.

Ко груди Пречистой Девы
Щечкой ты припал.
То-то славно, то-то дело:
Сладко задремал.

Тихо в доме, жарко в доме.
Лишь грызет сухарик мышь.
Божья Матерь – на иконе.
Спи, малыш.

*Доля матери – светлая пытка.
А. Ахматова*

ПРОЛОГ

У Золотых ворот их обогрело счастье.
У Золотых ворот Анна мужа ждала.
Иерусалим еще спал, спали бродяги, власти,
Не разошлась еще предраассветная мгла.

«Ангел мне все сказал: будет у нас Мария! –
Иоаким бежал к супруге, под собою не чуя ног. –
И через это дитя на землю придет Мессия,
И засилию Рима с ним закончится срок!».

Это было тогда, когда Бог разговаривал с человеком,
Когда ангелы Божьи ходили еще по земле.
И все верили, что, как обещано, явится чудо,
И Спаситель – спасет,
не оставит в губительной мгле...

Время прошло незаметно, в радостном ожиданье.
И родилась Мария у престарелой четы.
Та прекрасная Дева, кто Богородицей станет,
Та, кто Христа подарит миру людей простых.

«Бог дал дитя нам это – посвятим его Богу», –
Мать и отец решили, трехлетней в храм привели.
В святая святых
Мария возшла по ступеням бойко,
Пели псалмы служители, свечи в руках зажгли.

Время шло незаметно, за молитвой усердной,
Над священной книгой жизнь чиста и светла.
Ангелы навещали и вели с ней беседы.
Как цветочек весенний, в обители Дева росла.

Была проста, молчалива и всегда за делами.
Примечали, что благость на всех от Нее идет...
Расшивала одежды для служений шелками,
Это все пригодится в трудной жизни ее.

Время шло незаметно, и придвинулись сроки
Покидать божий храм и входить в мужнин дом.
Но сказала Мария: «Я обещана Богу,
И дала я обет о безбрачье своем».

Собирали тут старцев, кто из рода Давида,
Ведь гласили пророки – из потомков царя
Выйдет царь Иисус с новым словом открыто,
Воссияет народам, как красою заря.

Вот двенадцать достойных
собрались перед храмом.
Жезлы их отложили – пусть останутся тут.
Лишь лучи заблестели тихой погожей ранью,
Видят: старца Иосифа посох один в цвету!

«Будет для всех он муж твой,
а для тебя – хранитель
И при радостном свете, и во тьме грозовой.
Вот кому по примете жить, Мария, с тобой!
Ты исполнишь обет свой...»
Обручили: «Идите!».

И пошли они вместе в Назарет, в прозябанье,
Но Мария ни разу не вздохнула о том.
Стала жить, как и в храме, во молитвах, стараньях.
А Иосиф трудился за своим верстаком.
*

Время шло незаметно. И услышалось Слово!
Появился архангел, цвет-лился в руке:
«Ты зачнешь Иисуса – и от Духа святого!».
Окружил Ее свет, как сиянье в цветке.

«Радуйся! Благодатна Ты, Пречистая, в женах!».
И стояла Мария, от волненья бледна...
Тайна тайн совершалась в бедном плотника доме
Божьей волей и милостью ныне Деве дана.

Если б люди добрее и разумнее были!
Близко-близко Ее испытаньям пора.
Подвиг жизни Ее сразу бы оценили...
Даже верный Иосиф растерялся сперва.

Но во сне ему ангел дал на все объясненья,
И легла в сердце старца та небесная речь.
Как расстаться хотел, так теперь без сомненья
Пуще прежнего стал он Марию беречь.

РОЖДЕСТВО Действие в картинах

«Обрадованная Богом, Она радовала всех».

1.
Площадь города Назарета.
Толпа. Здесь же Иосиф. Глашатай кричит:
«Спешите на перепись населенья!
Быть там, где рожден! – Повеленье царя!».

Иосиф глашатаю: «Уважаемый! Послушай меня!
Живу в Назарете, рожден в Вифлееме.
Супруга моя сейчас на сносях.
А путь неблизкий! Что же мне делать?».

Глашатай: «Сказано же: шагай в Вифлеем!».

2.
Пещера за Вифлеемом. Иосиф, поддерживая
Марию, подводит ее к пещере.
Входят в нее. Иосиф, вытирая пот со лба:

«Вот мы в Вифлееме, но сыщешь ли места!
Тебе отдохнуть, да и мне бы пора...
Что делать, Мария! Вот здесь хоть и тесно,
Зато не на улице спать до утра».

3.

РАССКАЗ ПАСТУХОВ.

Первый пастух:

Умаявшись за день, заснули стада.
Мы грелись, усевшись в кружок у костра.
Нехитрый пастуший готовили ужин:
Сыр, хлеб разложили, похлебке пора
Свариться. Мы воду разлили по кружкам.
И вдруг перед нами встал ангел Господен!
Сказал: «В Вифлееме рожден Иисус –
Сын Божий. – Великая радость сегодня!
Спешите туда!».
И что листьев в лесу,
Вокруг стало ангелов, Богу поющих,
И стала земля ровно райские кущи!».

Второй пастух:

«Еще необычное произошло:
Звезда загорелась, громадой синей!
И медленно, плавно ее повело
Вперед и вперед, как корабль по небу!»

Мы бросили все и пошли за звездой,
Ее догоняя, с холма побежали –
И вдруг этот луч из нее золотой! –
И мы его здесь наконец отыскали –
Вот эта пещера, куда он уходит!».

Третий пастух:

«Ведь это совсем не звезда над землей –
Ведь это знаменье небесное вроде?».

Приближаются к пещере и останавливаются в нерешительности.

Навстречу им с восточной стороны выходят три волхва.

Первый волхв:

«Мы древние книги устали листать,
Рассчитывать время звезды появления
И с тайной тоскою на выси взирая:
Когда же? Когда же?
Ослабло и зренье,
И руки трясутся, и телом дряхлы...

Когда ж воссияла она на востоке,
Мы поняли: зря не трудили умы –
Спаситель явился! Исполнились сроки!
И нового времени начат отсчет,
И солнце над миром восстало в зените,
И попран враг Божий и змей-искуситель,
Христова любовь все сердца оцветет,
Грехов человеческих пришел Искупитель!».

Волхвы подходят к пещере, и расступаются с поклоном. Их взору предстает сидящая Мария с младенцем на руках. Рядом корова жует солому, лежит ослик, овца. Волхвы становятся на колени с восклицанием: «Царь Иудейский!». Самый старый волхв обращается к Марии:

«Дозволь, Божья Матерь, поздравить Тебя
С рождением Сына и встать на колени!
Прими же дары, что несли, возлюбя,
Младенцу сему, не теряя мгновенья!»

Вот смирна, вот ладан, вот золото в сосудах...
Да вечно с Ним милость Господня пребудет!

Сюда добрались мы из дальней земли,
Звезда нас вела по неизвестному краю.
Не зря в ожидании годы прошли:
Мы видим Мессию! Восторг нескончаем!».

4.

Первый пастух:

«К нам тянет ручонки! Улыбка в глазах!».

Второй пастух:

«Ему бы – да царское ложе высокое!».

Третий пастух:

«Нет, все хорошо.
Дремлет ослик в яслях,
Корова стоит, прислонясь теплым боком...».

Иосиф:

«Бог Сына мне дал – мой единственный свет,
Утеха, отрада на старости лет.
Мне ангел явился во сне возвестить,
Лампадку в душе в честь Него засветить!».

Мария:

«Бог Сына мне дал в скромной юности лет.
Кровинушка! Солнышко! Мой первоцвет!
Он дышит, Он смотрит, Он Божье несет!»

Хором все пришедшие:
«Бог щедро одарит, кого изберет!».

Мария запекает колыбельную, укачивая
Младенца.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Архангел мне благовестил,
Дал лилии цветок.
У этой лилии святой
Бел каждый лепесток.

И у Иисуса моего
Взор радостный лучист!
И мой Сыночек, как цветок,
Душой и телом чист.

Он с нами на земле живет.
Как сладко дышит Он!
Свет на лице Его лежит –
И легок первый сон.

Есть счастье в доле матерей,
В заботушке земной.
Возлюбленный Сын Божий Ты –
И все ж Сыночек мой!

Хором все:

«Твое Рождество, Христе Боже наш,
Мир просветило светом познания,
Через Твое Рождество
Бога истинного, Бога праведного,
Поклонявшиеся звездам – звездой
Научены были поклоняться Тебе,
Солнцу правды, познать Тебя,
Восток свыше,
Господи, Слава Тебе!».

Уйдут пастухи разносить по народу
Всю быль золотую Рожденья Христа.
И люди взликут.
Весть дальше помчится.
Волхвы возвратятся к себе на восток,
Минуя дворец, где их ждет черный Ирод
В надежде узнать, где Младенец Христос,
Где воины Рима – мечи наготове –
Приказа убить Его царского ждут.
Все мрак. Но сияет звезда Иисуса.
И ангел небесной защитой стоит.

Окиньте же небо и землю глазами:
Над крышами нашими и над лесами,
Холмами и горами, реками, снами
Плывет, и как песня звучит торжества
Она, долгожданная ночь Рождества!
Запомните, люди!
Празднуйте, люди!
По жизни несите в груди это чудо,
Великое чудо Рожденья Христа!

ЖИЗНЬ БОГОРОДИЦЫ

Как и положено, в храм принесли для обряда
Они своего Младенца, принесли голубей.
Был там мудрец Симеон, на руки взял с отрадой
Он Иисуса – давно ждал с Ним встречи своей.

Ведал, что распростится с бременной
жизнью земною,
Как Христос народится. Вот настал ему срок.
Дал он благословенье святому семейству
с любовью
И Марии, что будет, провидя судьбу, предрек:

«Сей лежит на падение многих,
восстание многих.
Те, кто верят в Него, от падения восстают.
Он спасенье принес на землю, заведено Богом,
Люди смерти Спасителя своего предадут.

Ты свидетель Его крестных мук и страданий,
И самой Тебе тоже оружие душу пройдет».
И притихли тут все в многолюдном
ликующем храме,
Только слышно: хор ангелов
вышних незримых поет.

И при этих словах сердцу
Матери сделалось страшно,
Но ничто не сказалось в улыбке и взгляде Ее.
«Радуйся! Из Тебе воссия Солнце правды!»
И опять слышно: хор ангелов вышних поет.
*

Ходит Ирод во страхе, ходит в ужасной злобе,
Что родился царь истинный, трон его заберет,
Хочет найти Младенца, жизни лишить Его чтобы,
Только младенцев много – и никак не найдет.

Кубки с вином сшибает в бешенстве кулаками,
И ведь на что решился: всех детей умертвить!
Воинов посылает. Вой висит над домами,
Кровь полилась рекою, кровь на мечях горит.

Тут повелел им ангел, чтоб Сыну не быть убиту,
Срочно бежать отсюда, не привлекая толпу.
Тотчас Святое семейство отправилось
в дальний Египет,
Был опасным и трудным весь их окольный путь.

Время летит, как птица, выпущенная из клетки,
Чередует картины. Вот уж в лучший из дней
Перед ними Египет.
Присели на отдых под веткой,
Как вдруг окружила шайка из разбойных людей.

Главный грабитель подходит
к неприкаянным странникам.
Но, увидев Младенца, как сиянье в цветке,
Умилился разбойник, отказавшись от брани,
Сам собой опустил меч короткий в руке.

И воскликнул разбойник,
что впервой растерялся:
«Если бы Бог вселился, то только в это дитя!»
Мария к груди прижимала Ребенка,
а Тот улыбался,
Взглядом душу разбойника милую и золотя.

И сказала Мария, что за это воздастся.
(И ведь воздал попозже Спаситель за доброту,
Когда на крестах висели, мучаясь не напрасно:
Между жизнью и смертью переходя черту.

И ведь воздал сторицей разбойнику, обещая,
Переходя в Жизнь Вечную, на самом муки краю,
К Отцу своему небесному его с собой забирая:
«...ныне будешь со мной в раю».)

Под приятственным этим,
хоть чужим небосводом,
Много вод утекло с той далекой поры.
И прошло десять лет, десять лет и два года.
Иисус принимал тайных знаний дары.

Умер Ирод проклятый.
И они возвратились
В Назарет и в родное жилище свое.
Все наладилось. Так же они жили-были:
Старец – вновь за верстак.
А Она – за шитье.

Время здесь отдыхает, время как птица в стае,
Мирно в роще гнездится да щебечет легко.
Дева тклет Сыну в думах красное одеянье,
Красный хитон, который одеждой станет Его.

Он уже с мудрецами вел ученые споры
И они не всегда находили ответ.
Он с Иосифом дома также плотничал споро
До того, как исполнилось тридцать лет.

В тридцать лет
В сан вступать разрешают,
Проповедничать, души людские растить.
Предстояла Христу стезя непростая:
В поученьях своих Слово Божье нести.

Он из дома ушел, стало ясно Марии,
Что Его позвала для служенья судьба,
Исполняются замыслы Божьи святыи,
Где б Его ни ступала отныне стопа.

Выходила Она ввечеру на дорогу.
И как все, попривыкшая к тяготам Мать.
Все смотрела во тьму, в даль с растущей тревогой:
Не идет ли Сынок, не пора ли встречать?

Словно видела там, как в пустыне молился,
Набирался невиданной силы своей,
Как на искусы дьявола Сын не купился
И обрел твердость духа в сорок дней и ночей.

Утопали в песке ее ноги босые.
Изработаны руки, обыден наряд.
Только светят любовь с верой в Сына святыи,
Только звездные очи печально глядят.

Знало сердце Ее хрупкость мира людского,
Ненадежность людскую, коварство в мольбе,
А хотелось для Сына только счастья простого,
А не жертвенной доли на грешной земле.

Где сейчас Он? И что с Ним?
Вечерний, неясный
Свет ложился, ласкаясь, на трепет древес.
Так запомнилась всем, и строга, и прекрасна,
Белой райской березкой на фоне небес.

Мощными крыльями время – в высь!
И кружит в зените,
Христос по земле проходит, а слава бежит вперед.
Божьи знаки являет, где ни пройдет, Спаситель.
Имя Христа как знамя, поднял простой народ.

Он больных исцеляет, бесов Он изгоняет,
Он творит чудеса:
Воскрешает из мертвых, всем дается по вере,
Вечной жизни посланник, говорит о бессмертье,
Милосердьем сияют и любовью глаза.

Всем по вере воздастся, но из уст первой вестью:
«...Покайтесь, все, кто есть на земле.
Потому что приблизилось ныне
Царство небесное
И сначала поверьте слову Божью во мне».

Бесновались священники, фарисеи,
премудрствуя:
«Что еще за «Сын Божий!» Что за вера пришла?»
Развращает умы!»

Богородица Дева не была при триумфе –
Богородица Дева при беде с Ним была.

РАСПЯТИЕ. У КРЕСТА

*«Умер, как человек, а воскрес как Бог.
Смертью смерть поправ».*

Действие в картинах

ПРИГОВОР

Толпа перед дворцом Ирода ждет решения суда над Иисусом. Она жаждет вина и зрелищ в этот день праздника. Среди народа шныряют переодетые священники–подстрекатели. Выходят первосвященник Каифа и прокуратор Иудеи Пилат. Выводят осужденных. Спаситель в терновом венке, окровавленный.

Пилат обращается к народу, указывая на Христа:
«Се человек!

Суд над преступниками закончился. Все четверо приговорены к казни через распятие. Но, по обычаю, в этот праздник одного милуют. – Иисуса Христа?».

Священники, фарисеи и книжники: «Варраву!».
Пилат делает вид, что не слышит: «Иисуса?».

Толпа: «Варраву!».

Пилат повторяет: «Иисуса?».

Толпа: «Варраву!».

Пилат: «Я умываю руки».

Глумливый голос подстрекателя:

«Вот Он, царь Иудейский! Знаем Его – это сын плотника из Назарета! Распни Его!».

Толпа подхватывает: «Распни Его! Распни Его!».

Сострадающий голос:

«Глупцы! Он – царь духа.
И царство Его – небесное...
И это вы, кто Его Осанной встречали,
Когда Он торжественно входил в Иерусалим,
И вы одежды свои перед Ним расстилали,
Чтоб хотя бы стопой своей
Учитель прошел по ним!
И это вы, кто ходил за Ним в эти дни,
Кричал: «Осанна!».
Теперь кричите: «Распни!».

Второй голос:

«Говорят, Его предали, где Он молился, знали.
Ученик Его, некий Иуда Искарот.
В руки воинов римских целованием передали.
Вот она, благодарность людская, вот!».

Женский голос:

«А вон там, поодаль,
в одиночестве женщина скорбная
Стоит, застыла. Как перед концом.
Это Мать Его. Видно, чужла сердцем недоброе.
В одеянии черном она – и с черным лицом».

Варраву отпускают. Глашатай зачитывает смерт-
ный приговор двум преступникам и Иисусу Христу.

На плечо Ему крест тяжеленный взвалили,
Этот крест до Голгофы велели нести.
Издевались над Ним, по лицу Его били:
«Раз других Ты спасал, сам себя и спаси!».

Богородица рядом, как пустыней, шагала,
Пот кровавый рукой утирала с Него.
Ее сердце рвалось, из груди вылетало,
Кроме Сына, не видела Мать ничего.

Изнемогши, Он падал. Мать встать помогала.
Страшный город кончался у Судных ворот.
Прядь седая прилипла к виску, к покрывалу.
В гору путь. Пыль столбом. Солнце адски печет.

И когда Его тело к кресту пригвождали,
Те же гвозди прошли через душу Ее.
У креста Она встала, одна и стояла,
Не страшась никого, видя Чадо свое.

Кто рыдал, кто делил одеянья Христовы,
Кто злорадствовал, что умирает Христос,
Кто молился Ему, к Его вере готовый,
А молчанье Марии превыше всех слез!

Промолчала Она до последнего вздоха.
А когда бездыханного сняли с креста,
На колени взяла и заплакала горько,
Целовала холодные раны Христа.

Бушевала гроза, лик земной сотрясался,
Солнце с неба упало: крестный кончился путь.
«Он и вправду Мессия, Божий Сын оказался!» –
И народ разбегался, бия себя в грудь.

ПЛАЧ БОГОРОДИЦЫ

Сыне возлюбленный, Свет мой и Слава!
Низко клонюсь над тобой головой.
Вот и растерзан толпою неправой.
Я безутешна, Сыночек родной.

Разве не мог Ты расправиться с бранью?
Ты, кто учил лишь любить всех людей!
Все Ты, Спаситель, предвидел заранее,
Крест этот принял по воле своей.

Матери горе бездонней, чем море.
Матери слезы растопят гранит.
Вечно скорбеть мне, ударенной горем,
Тут, где Сынок беспробудно мой спит.

Сердце с утратой мириться не хочет.
Господа все за Тебя я молю.
Все предо мной Твои ясные очи,
Все вспоминаю улыбку Твою.

Бог забирает к себе, кого любит.
Не дал Тебе Он здесь долго страдать...
Вижу: душа Твоя рядышком кружит,
Взял Он Тебя в свою светлую рать.

Сел одесную от Бога, мне мнится,
По синеве расплескав эту боль.
Звонко поют в небе райские птицы,
Как мы тут счастливы были с Тобой.

Вижу головки цветов золотые –
Место Твое обряжу я в цветы.
Это привет мой в края голубые,
Чтоб улыбнулся в ответ нам и Ты.

Умер позорною, лютою смертью
Чтобы Всевышний людской род простил.
Жертву принес не напрасно – я верю,
Но пережить это нет моих сил.

Верую я над могилкой родною:
Ныне весь мир за Тобою пойдет!
Пусть же цветет всей моею любовью
Имя Твое и Слово Твое.

*

Время на камни Голгофы
Летит подкошенной птицей.
Тьма окутала землю и поглотила свет.
Время раскинулось окровавленной
плащаницей –
На века и народы, как Его Новый Завет.

Время рухнуло вниз
Птицею неживою.
Время остановилось – больше времени нет.
Но начинается тут новое время – иное:
С дня рождения Христова до всех нынешних лет.

*

А Она всем твердит, да чудес почудесней,
То ли впрямь помешалась, то ль по слову Его,
А Она ждет-пождет, что Он скоро воскреснет,
От Распятия верит в проявление того.

И когда в третий день, как Она и сказала,
Он воскрес в мощном свете златистых лучей,
То сперва своей Матери Он показался,
А потом уж апостолам веры своей.

И у всех на глазах на горе Елеонской,
Дивным светом тут стала покрыта гора,
Наставления дав, руки поднял, вознесся –
И Мария сияла, горда и права!

Все по миру пошли продолжать Его дело,
Что любовь и спасение людям дала,
Христианскую веру нести по пределам,
И Мария им вместо Иисуса была...

УСПЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ

Стала для всех Заступницей
перед Богом утешной,
Всю любовь материнскую людям Она отдала.
И крестила язычников, к Ней идущих с надеждой:
На Афон восходила, по морю на Крит плыла.

Много Она страдала, много Она тужила,
Просила Христа скорее отсюда забрать к себе.
И по местам, где бывал Он, вспоминая, бродила,
Бога моля за Сына в его посмертной судьбе.

Пытались убить Богоматерь те, кто сгубили Сына.
У погребальной пещеры меч Ее поджидал.
Но Бог сделал Деву незримой –
Она проходила мимо –
И стража Ее не видела, Ей никто не мешал.

И вот в саду Гефсиманском Ей архангел явился –
Гавриил, что когда-то Деве благовестил,
Ее обрадовал душу, что путь земной завершился,
И три дня на прощанье Ей Сынок отпустил.

В доме ученика, в граде Иерусалиме,
Где жила после казни, как Христос им велел,
Богородица стала к прощанью готовиться ныне
С жизнью светлой своей и с людьми на земле.

Шел, проведая, народ, громко плача, стеная,
Что лишается Матери в этом мире скорбей.
Богородица всех ободряла святая,
Что за смертью своих не покинет детей.

И случилось такое, что их дом, где рыдания,
Окружили большие святающиеся облака!
Так апостолов вышнюю волей к прощанью
С разных мест принесло.
И, душою легка,

Обняла всех Пречистая, благословила.
И на ложе легла, и крестом осеняясь,
Поджидала кончины, как Ей сказано было,
После полдня тяжелого, полдня третьего дня.

Свет столбом снизошел: и Христос опустился
С сонмом ангелов,
славу поющих в любви,
И, приняв душу Матери,
Сын возносился
Во обитель Отца в свете истин своих...

*
Лик прекрасный усопшей Пречистой Марии
Был спокоен, лежала, как будто спала.
Ветвь из рая, что дал Гавриил, возвещая,
Перед гробом Марии толпа понесла.

Фарисеи и власти, народ разгоняя,
Богородицу славы пытались липнуть.
Были посланы воины – сжечь.
Ослепляя,
Одного –
ангел не дал злодейство свершить.

И раскаялся тот, а прозрев, обратился
К вере истинной.
Ну а процессия шла,
И в торжественной скорби дошла до могилы,
Где нетленное тело Ее погребла...

Под молитв поминальных печальное пенье
В дом наутро вошел, поклонившись сперва,
И рыдал опоздавший апостол Фома,
Что не вышло проститься, что без благословенья.

Пожалели его, провели к погребенной
И пещеру открыли – о диво для глаз! –
А в гробу обнаружили только пелены;
А Мария, как и Иисус, вознеслась!

ЭПИЛОГ

Губы шепчут молитву.
Храм Ее – вся Россия.
В каждом доме иконы Божьей Матери есть.
В каждом доме иконы,
Мать с Младенцем – живые.
Утешение, помощь, благодатная весть.

А названия какие:
Споручница грешных,
Стена Нерушимая,
Неопалимая Купина,
Утоли мои печали,
Нечаянная радость,
Взыскание погибших,
Умиление,
Неувядаемый цвет,
Царица небесная...

Обретались чудесно в испытаньях иконы,
На воде и в лесах...
Там и церкви росли...
Были годы запрета советами.
Помним:
Через казни за веру в России прошли...

Прямо в душу глядят Богородицы лики!
Чудотворною силой спасает своей.
И святыня Она, и прообраз великий
Скорбных всех матерей, потерявших детей.

Губы шепчут молитву.
Храм Ее – вся Россия.
И любовью окатится сердце мое.
Только скажешь: Христос, сразу вспомнишь:
Мария.
Вместе с именем Сына
Да святится бессмертное имя Твое!

ЖИТЕЙСКИЕ
ИСТОРИИ

Александр НИКОНОВ, член Союза писателей России, Димитровград.

ВАСЬКИНА СУДЬБА

рассказ

В последние месяцы Василий все больше лежал на горячей печи, устроившись в ворохе шубонов, и дремал, прислушиваясь к шумам в избе. Да и куда пойдешь: зима, морозы, только за порог – вмиг лапы обморозишь. Утро. Тишина. Вот что-то скрипнуло, потом зашоркало по полу – это полуслепая бабушка, поднявшись с сундука, что-то бормоча под нос, пошлепала к двери: видно, пошла во двор. Холод из сеней дыхнул морозным паром, поднялся наверх и добрался до Васьки. Васька поежился, передернулся всем телом и полез под старое, дырявое ватное одеяло. Он знал, что теперь долго, до самого обеда, его больше никто не побеспокоит – ребятишки, так донимающие и гоняющие его с места на место, убежали в школу, а их родители ушли на работу. Но никто так не любил Ваську, как одиннадцатилетний пацан, как выяснилось из разговоров домашних, почти его ровесник. Он почему-то всегда пытался его пнуть, засунуть в хайло печи и закрыть заслонку, облить водой на морозе или строить угрожающие рожи и рычать по-собачьи, хватать за шкурку и сбрасывать на пол, чтобы освободить себе место на горячих кирпичах. Правда, Васька, всегда готовый к его пакостям, давно научился увертываться от него и сам при первой же опасности спрыгивал с печи. Васька зевнул, подмигнул глазом таракану, вылезшему из щели, и спрятал голову под лапы.

Васька появился в доме своих хозяев благодаря старшей дочери, которая, возвращаясь с улицы, нашла его в сенях, примерзшим к полу. Окотившаяся кошка облизала четырех только что родившихся котят и совсем не обратила внимания на последыша, появившегося на свет. Она посмотрела на него, словно на чужого, и равнодушно отвернулась. Кошка перетаскала новорожденных на старую фуфайку, валявшуюся в углу сеней, заботливо накрыла их своим теплым телом, а про пятого

словно забыла. Мокрый, не облизанный серый комочек стал примерзать к полу, и, если бы не девочка, он, наверное, так бы и умер. Да и она его не заметила бы, если бы не услышала громкий, тонкий и отчаянно-жалобный писк. Девочка ойкнула, остановилась, в полутьме нашла взглядом под ногами котенка и хотела взять его в руки, но малыш уже примерз одним боком к некрашеным половицам. Девочка быстро вошла в избу и с порога закричала:

– Мама, мама, наша кошка окотилась!

– Где?

– Там, в сенях.

– Вот паскудница, опять принесла. И сколько их?

– Не знаю, я не считала, – с плачем в голосе ответила девочка. – А один котенок примерз к полу. Я его хотела взять, а он не отлипает.

– Вот беда-то. И куда нам теперь их девать? Ведь только летом окотилась и вот опять принесла, поганка. Ну, а ты-то чего плачешь?

– Мне его жалко, он умрет, – со слезами канючила девочка.

– Ладно, ладно, сейчас посмотрю.

Мать с девочкой вышла в сени, посмотрела на кошку, которая при виде хозяев жалобно замыкала, прикрывая телом свой приплод, потом перевела взгляд на примерзший комочек, вздохнула:

– Вот беда-то, видно, не приняла. А ты чего ревешь, – прикрикнула женщина на дочь. – Сейчас придумаем что-нибудь. Вы вот не знаете, не понимаете, как поднимать, как прокормить такую ораву. Счас, счас, дочка, не плачь.

Мать взяла косырь, оторвала им котенка от пола, взяла в руки и понесла в дом.

– Ничего, ничего, дочка, сейчас мы его отогреем, авось, и выживет. – Мать завернула котенка в белую шерстяную варежку и засунула в печурку. – Пусть согревается тут.

Пригревшись, котенок замолчал. Наверно, про него так и забыли бы, если бы уже вечером пришедший с работы отец не услышал писк.

– Кто это еще пищит? – строго спросил он.

– Папа, это котенок! Мама, мама, он живой! – обрадовавшись, закричала девочка.

– Вот и хорошо, – равнодушно ответила мать, занимавшаяся у стола стряпней, и добавила: – Значит, мы с тобой, дочка, спасли живую душу. Что ж, пусть живет, раз так.

Так Васька появился на свет. Котенок был серым, пушистым, пуховым, как говорила бабушка, и писклявым. Спустя несколько дней, он открыл свои голубые глазенки и увидел высокий, закопченный, с подвешенной на крюк керосиновой лампой потолок, три заиндевелых окна и кровать-качалку, в которой лежал мальчик, гугукал и пускал изо рта пузыри. Кормили их, котенка и малыша, вместе козьим молоком, потому что у матери почему-то пропало свое.

Когда построили новый дом, бабушка перед поездом сказала:

– Вот и пригодился Васька, первым будет дом обживать.

Кота запустили в дом. Он долго бродил по комнатам, обнюхивая пол и стены, пахнувшие свежей смолой, и, наконец, улегся в глухом углу, в закутке, за только что сложенной печкой-голландкой. Бабушка довольно улыбнулась:

– Стало быть, это место без чертей, здесь и спать будем.

Так они и росли вместе, мальчик и котенок. Когда наступило летнее тепло и Васька подрос, бабушка выбросила его из избы и сказала:

– Иди, Васька, лови мышей, их вон сколько развелось. Лежебока нам не нужен.

Васька, конечно, не понимал, чего от него хотят, он часами сидел возле у сенной двери, жалобно пищал, умоляя, чтобы его впустили в дом, но хозяева словно этого не понимали, отпихивая его ногой от двери. Через сутки Васька так оголодал, что свело живот. Пошастав по двору и попив из корыта воды, он устроился в охапке свежего сена и от усталости заснул. Разбудил его ночью посторонний шум – кто-то возился в сене. Васька открыл один глаз и увидел прямо перед собой маленький копошащийся серый комочек. Мышонок, видно, тоже был голодным и выискивал в ворохе сена зернышки семян. Васька открыл второй глаз, осторожно привстал и стал с интересом наблюдать за незванным гостем. И тут кот почувствовал, как в нем просыпается незнакомое ему прежде чувство. Ему почему-то хотелось схватить этот серый комочек и съест. Васька заурчал. Почувствовав опасность, мышонок вздрогнул, пискнул и хотел убежать, но кот молниеносно выбросил лапу и схватил его когтями.

Это был первый в его жизни опыт охоты. Домой Ваську по-прежнему не пускали, и он наловчился ловить не только мышей, но и воробьев, которые стаей слетались во двор, чтобы найти в земле оставшиеся зернышки после кормежки кур.

Наступили первые осенние холода. Днем было еще тепло, но как только солнце опускалось за горизонт, земля и воздух быстро остывали, неумолимый ночной холод заставлял искать убежище. Васька, чтобы не замерзнуть, облюбовал себе место в хлеву и засыпал, тесно прижавшись к теплему боку овцы. Как-то, увидев Ваську, лакающего воду из чугунка, бабушка спросила:

– Ну что, Васька, ловишь мышей? – Кот посмотрел на хозяйку, а та задумчиво добавила, почесывая подбородок: – Будто и, правда, их меньше стало.

Хозяева часто мимоходом разговаривали с ним будто бы ни о чем, и кот начал их понимать. Так, размеренно и трудно, то сыто, то голодно, шла кошачья жизнь.

И вот Васька состарился. Бывало, бабушка счесывала костяным гребешком с его боков пух, сучила из него пряжу и вязала внукам теплые варежки и носки. Теперь шерсть свалялась, обросла колтунами, а шкура напоминала старое обтертое одеяло. Васька был слеп на один глаз, одноух и с длинным шрамом на правом боку. Одну ногу, заднюю, при ходьбе он приволакивал, потому что она не сгибалась.

Ослеп он, когда дрался со здоровенным рыжим соседским котом. Дрались они отчаянно, до крови, с душераздирающими хриплыми криками, а объект дуэли, голубоглазая белая кошечка с темными подпалинами и пушистым хвостом, сидела в стороне, гордо подняв красивую головку, и терпеливо ждала исхода битвы. Коты угрожающе выгибали спины, безотрывно глядя на противника, шипели и пытались лапами выцарапать друг другу глаза. В какой-то момент старый рыжий кот так хватил Ваську по морде, что кожа с черепа свалилась на глаз, и правый глаз ослеп.

Ухо ему откусил соседский пес, который почему-то возненавидел Ваську с самого первого дня. Он словно специально устроил на него охоту: сидел у калитки васькиного дома, постоянно лаял, будто пытался вызвать на дуэль. Хотя какая дуэль, если Васька не сделал ему ничего плохого. Вон, звонкоголосая Дамка, которая жила у хозяев, никогда его не трогала. Наоборот, когда наступали холода, они устраивались на овечьей подстилке вместе, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть. Васька поначалу побаивался соседского пса, а затем привык к его лаю. Иногда, чтобы подразнить его, Васька взбирался на забор и лениво, подняв свой пушистый хвост и не глядя в сторону врага, прохаживался по нему взад-вперед. Пес от такой наглости пораженно замолкал, а затем с хриплым, истошным лаем начинал бросаться на высокий забор, пытаясь достать кота, схватить за глотку и растерзать.

И все же однажды Васька потерял бдительность. Пес не появлялся дня два, почему, кот не знал, наверно, у злюки появились другие дела, или хозяин, заядлый охотник, взял его на охоту. Васька высунул голову в подворотню, сторожко огляделся – никого. Отошел на три шага от калитки и стал валяться в густой траве, не забывая пощипать сладкой свежей зелени. Ах, как приятно! Солнышко греет бока, надоедливые блохи, проклятые, выскакивают из шерсти. И в этот момент, когда Васька, лежа на спине и раскинув лапы, расслабился, краем глаза он неожиданно заметил, как из-за забора молча выскакивает его враг и, оскалив красную пасть и роняя белую пену, со всех ног мчит к нему. Васька пружиной встал на ноги. Надо бы юркнуть в подворотню или взобраться на забор, но поздно – враг уже рядом. Васька выгнул спину, вздыбил на горбу шерсть, оскалил морду и зашипел, всем видом давая понять псу, что он готов сражаться до конца – не на жизнь, а на смерть.

Пес от неожиданности остановился, притормозив лапами, снова оскалил пасть, обнажив острые клыки, и зарычал. Противники долго стояли друг против друга, кружа и угрожая рычанием и шипением. Каждый выбирал момент, чтобы ухитриться нанести последний, решающий, удар. Пес был раза в четыре крупнее Васьки, он наступал, чтобы приблизиться к врагу, схватить его за шкуру или за глотку и если не задушить, то основательно потрепать. Кот молниеносно выкидывал лапу с выпущенными острыми когтями, грозя выцарапать псу глаза, отчаянно визжал, топорща усы и скалясь. Пес на какое-то время отступал, а затем снова бросался на своего врага. Васька не выдержал натиска первым, отскочил в сторону и уже хотел вскарабкаться на забор, но пес изловчился схватить его за ухо. Кот завизжал, рванул из последних сил, оставив кончик своего уха в пасти противника, и юркнул в подворотню.

После этого боя Васька несколько дней провалялся под крыльцом. Зализать рану языком он никак не мог, кот мочил слюной подушечку своей лапы и долго тер рану, пока она не затянулась окончательно. Отощавший и ослабевший после ранения Васька, наконец, вылез на свет божий и с жадностью набросился на объедки, которые ему оставляли хозяева. Прошла еще неделя. Но не будешь же вечно скрываться! Однажды кот осмелился, снова вскочил на забор и сел на торец столба. Пса не было, долго не было. Но

вот появился и он. Васька выгнул спину, зашипел. Но странно: пес никак не реагировал на воинственность своего соседа, он лишь искоса взглянул на кота и гордо прошествовал мимо, подняв хвост. Видно, он уже чувствовал себя победителем, героем, и ему было достаточно одного боя, чтобы утвердиться в своем неоспоримом превосходстве над своим извечным врагом.

Любила Ваську разве что девочка, которая откуда ни возьмись появилась у хозяев. Сначала она была маленькой и так кричала по ночам, что ему приходилось уходить ночевать в сени или в сарай. Но вот девочка подросла, встала на ножки, залопотала. Часто, когда он устраивался с комфортом на новом диване, девочка садилась рядом, гладила его пухлой ручонкой по шерсти и приговаривала:

– Котик, котик, какой ты холосенький. Какая у тебя мягкая солстка, какие у тебя класивые усики. Холосый мой, Васенька.

Васька млел от непривычной ласки, жмурился и урчал от удовольствия. В такие моменты жизнь ему казалась прекрасной. И если бы он мог плакать, он и заплакал бы. Но вот появлялась бабушка, которая, увидев кота вместе с внучкой, грозно кричала:

– А ну, брысь отсюда! Еще наградишь дитя блохами, паршивец этакий!

Кот убежал, а девочка начинала плакать. Бабушка ее успокаивала, а внучка плакала еще сильнее. Бабушка, прижав ее головку к своим коленям, шептала:

– Вот беда-то, вот беда-то. Да успокойся, придет твой Васька. Искупать бы его, что ли, а то принесет какую-нибудь заразу.

Пытались, пытались его купать в корыте, но Васька поцарапал хозяйку, вырвался и убежал.

Следующую свою отметину Васька получил, когда молодая телка с короткими, но острыми рогами принесла по весне приплод – бычка. Бычок был черный, с белыми отметинами. Появившись из чрева матери, он, мокрый и дрожащий, заревел. Мать, вращая белками глаз, тоже замычала, приветствуя появление на свет своего первенца. Васька был тут как тут. Дымящийся послед плода лежал на соломе. Он так и притягивал к себе кота запахами, свежей кровью. Косясь на корову, Васька подкрадывался к добыче. Та будто ничего не замечала, только тяжело вздыхая и иногда поглядывая на своего первенца. Улучив момент, когда, казалось, корова отвернулась и не могла видеть его, Васька бросился к добыче, вцепился клыками в теплую мякоть последа и потащил его в угол. Он и не заметил, как корова мотнула головой, подцепив кота острым рогом под правый бок, и подбросила его вверх. Васька истошно завизжал от боли, несколько раз перевернулся в воздухе и, приземлившись на лапы, стреканул на сеновал. Бок был распорот. Боль была такой сильной, что она заставляла Ваську истошно стонать. В хлев прибежали хозяева и засуетились у приплода. Васька не обращал на эти хлопоты никакого внимания, он лишь жалобно пищал и зализывал свою рану.

Очередное свое увечье Васька получил, когда он подкрадывался к воробьям, выклевывавшим из свежего лошадиного помета зерна овса. Оседланная лошадь стояла привязанной к забору и, казалось, не обращала никакого внимания на возню под своим хвостом. Васька не раз охотился на пернатую дичь,

как говорить, на живца. Он знал, что, увлекшись поисками корма в свежем помете, воробьи притупляли свою бдительность и становились легкой добычей. Вот и сейчас он, скрываясь в высокой траве, подползал к своему обеду. До дичи оставалось метра два. Васька приподнялся на лапах, напрягая все мускулы тела, стрелой бросился в стаю и схватил замешкавшегося молодого воробья за хвост. Да не тут-то было: воробей вырвался и с громким щебетанием вспорхнул на ветку высокого тополя. Васька лишь облизнулся, выплевывая из пасти птичий пух. Неизвестно, то ли от неожиданности, то ли от испуга лошадь взбрыкнула и ударила Ваську копытом по ноге. Пролетев по воздуху метров десять, кот приземлился в соседском огороде и завыл от боли.

И вот прошло уже одиннадцать лет. Как-то вечером, когда хозяин пришел с работы и уплетал за столом щи, к нему как бы ненароком подседа бабушка и завела разговор:

– Сынок, мышей и крыс много развелось: и в чулане, и на погребнице. В ларе дыр понаделали, полкуля муки загладили. Уж и не знаю, что делать.

Сын оторвался от еды:

– Муку, говоришь? Зерно тоже потравили? Вот проклятые! А Васька, что же, ловит мышей-то?

– Да где там – старый он уже, изленился, изнежил, только и делает, что на печи валяется да на завалянке греется.

– Ладно, мать, придумаем что-нибудь. Капканы, что ли, поставить.

– Да что капканы – одного-двух поймаешь, а с остальными что делать, – возразила бабушка. – Кошку новую надо завести, бойкую, чтобы мышей ловила.

– А с Васькой что делать?

– Что-что, не знаю что. Не убивать же, живая душа – жалко. Отвез бы ты его куда-нибудь подальше.

Васька слушал разговор и все понимал – за свою долгую жизнь он научился понимать смысл человеческой речи. От греха подальше спрыгнул с подоконника в огород и спрятался в сарас. Лежа на старых мешках, думал: «Неблагодарные люди. Мало я им хорошего сделал: детишек развлекал, чужих котов и даже собак гонял, мышей ловил, один раз даже хорька задушил, когда тот в курятник залез. И вот благодарность! Э-хе-хе, жизнь кошачья!».

Но прошел день, второй, третий – хозяева о нем словно забыли. И все же Васька осторожничал: тихо подкрадывался к своей плошке с едой, быстро все съедал и снова ковылял, прихрамывая, в сарай. И все же однажды не уберется, не заметил, как появился хозяин – тот схватил его за шкуру и затолкал в брезентовую сумку, пропахшую рыбой. Васька задергался, да поздно, услышал лишь:

– Вот ведь, животное, а все понимает. Эх, жизнь-жестянка!

Васька чувствовал, что его куда-то несут, куда-то поставили сумку, что-то загудело, заскрежетало. Ага, он в машине. Ваське лишь раз в жизни пришлось прокатиться на машине, когда он чем-то заболел, и хозяин вез его к ветеринару. Машина тронулась, мотор завыл. Душно. Васька попытался пролезть сквозь небольшую щель в застегжке – не тут-то было. Высунул нос и стал дышать.

Чувства времени у Васьки не было, жизнь свою он отмерял от ночи до ночи, от кормежки до кор-

межки, от одного пойманного мыша до другого. Но сейчас для него время словно остановилось, не было у него ориентира: ни воли, ни еды, ни охоты, ни света – сплошная темнота. Но вот машина остановилась. Хозяин вынес его из кабины, открыл сумку:

– Ну, вот, Васька, приехали, вылезай. Иди, брат, куда хочешь. Авось, выживешь.

Васька вылез из сумки – луг, трава, вдали деревья. Жалобно промяукал, глядя на хозяина. Тот вздохнул, залез в кабину, выгасил из бардачка сверток, развернул бумагу и положил на землю свой обед: хлеб с колбасой и сыром. Затем в отчаянии махнул рукой, отчего-то выматерился, залез в кабину и дал газу. Кот долго смотрел вслед удаляющемуся грузовику, за которым поднимались пыльные вьюги. Пробежал за ним несколько метров, жалобно мяукая, а затем вернулся – там еда.

Свобода! Но сейчас она Ваську совсем не радовала. Он долго сидел на одном месте, глядя на солнце, поднимающееся все выше и выше. Ждал, что хозяин снова поедет по этой же луговой дороге, но того все не было и не было. Еды хватило ровно на день. Вот и ночь наступает. Куда идти, что делать. Кот долго продирался сквозь высокий сухостой, пока не вышел на убранное поле, увидел кучку соломы, зарылся в нее и заснул.

Разбудили Ваську страшный треск и дрожание земли, отчего солома, в которой он лежал, зашевелилась, словно живая. Васька выскочил из кучи и увидел, как на него надвигается огромная железная машина с острыми вилами спереди. Кот стреканул так, будто и не было тех одиннадцати лет, которые он прожил. Трактор остановился, из кабины на подножку вылез тракторист и закричал рядом сидящему мальчику:

– Смотри, сынок, кот. Откуда он здесь взялся? Никогда не видел, чтобы в поле коты жили. Ха-ха-ха!

Сколько Васька бежал, неизвестно, но только почувствовал, что уже задыхается, известно – старость не радость. Оказался на другом поле, где лежали валки сжатой пшеницы. Хотелось есть. Васька погрыз колоски и вдруг услышал шорох и писк. Писк был знакомым – мышьи. Он прижался к земле и, подергивая мордочкой, стал ждать. В нем проснулись уже давно забытые охотничий азарт и инстинкт. Вот из валка выбежала крупная мышь, увидела Ваську и с удивлением уставилась на него, замерев на месте – она никогда не видела такого странного зверя, но по одному его взгляду поняла, что это враг. Уже хотела спрятаться назад, в валок, но было поздно: Васька молнией бросил тело вперед, вытянув перед собой лапы с когтями.

И снова ночь. В тишине Васька услышал далекий собачий лай. Он и пугал его, и одновременно манил, потому что Васька знал, что там, где собаки, там и люди. Возможно, в этом селе живут и его хозяева. Он долго пробирался через овраги, ручьи, густые заросли репейника и чертополоха, которые царапали кожу, колючки вырывали клочьями шерсть и набивались в нее, образуя колтуны. Вот и заборы, небольшой осиновый колод, пруд. Заснул Васька на чьем-то огороде у пруда в куче картофельной ботвы. Когда проснулся, увидел перед своей мордой что-то длинное, извивающееся, похожее на толстую веревку. Это что-то шипело, покачивая головой, оскалив пасть, из которой торчал раздвоенный язык. Ваську от страха подбросило вверх на целый метр, и он позорно бежал от этой живой веревки.

Васька выбрался на улицу, воровато огляделся – никого. Сразу понял, что это не та деревня, в которой жили его хозяева: незнакомые дома, люди, пруд, деревня. Кот пошел по дороге. В одном из дворов гуси что-то едят из корыта. Почувствовал голод, сглотнул слюну. Тихонько подкрался, своровал кусок хлеба, затем еще один и еще. Гусак зашипел, расправил крылья и бросился на непрошенного гостя. Клевоч в спину, затем еще один. Васька, было, огрызнулся, зашипел, но тут к нему бросилась уже вся стая. Кот выбежал со двора и в этот момент увидел, как к нему с оскаленными пастями, с хриплым, надрывным лаем со всех ног несутся две собаки. Спасаться! Куда? Хотел, как всегда, вскочить на изгородь, но она слишком низка. Кинулся в траву, зигзагами помчался в сторону колода. Собаки не отстают, вот-вот схватят за хвост или бок, и тогда прощай, Вася! Вот и дерево. Васька не вскарабкался, а взлетел на нижний сук, зашипел на врагов, выгибая спину и вздыбливая на загривке шерсть. А собаки-то так и заливаются, так и заливаются.

Из открытого окна соседнего дома послышалось:

– Что это кобели-то наши так зашлись?

– Да кто их знает.

– Поди, погляди, не чужие ли на огороде.

Вышел старик, из-под ладони посмотрел на дерево:

– Нет, это они кота какого-то гоняют. Вот я их сейчас! – Он поднял палку и кинул ее в собак. Те лишь на минуту отбежали в сторону, а затем вернулись к осине и снова залаяли. – Ладно, устанут – сами уймутся.

Кобели унялись лишь часа через два. Следующей ночью пошел дождь: долгий, с ветром, косохлестый, нудный, холодный. Во дворы Васька заходить уже боялся, потому нашел у пруда огромный осокорь с большим дуплом и устроился там. Промокший до последней шерстинки и уставший, он, свернувшись в комок, лежал в дупле и дрожал от холода. Дождь шел две ночи и день. Утром, когда из-за горизонта выплыло ласковое солнышко, у осокоря появились мальчишки с удочками и принялись рыбачить. Клевало хорошо, и уже часам к восьми они с полными куканами пошли домой. Васька осторожно спустился с дерева и, урча, принялся есть мелкую рыбешку, которую мальчишки выбрасывали за ненадобностью. Чтобы не нарываться больше на собак, снова вскарабкался на дерево и улегся на толстый сук.

Время к полудню. Несколько грузовиков остановилось у колодца. Шоферы поднимали из него ведра и заливали воду в радиаторы, затем попили и отчего-то загоготали. Видно, один из них сказал что-то смешное. Ваське почудился знакомый, родной ему голос. Вгляделся: так и есть, один из шоферов – его хозяин, которого он сразу узнал по кривоватым ногам и манере постоянно приподнимать на голове фуражку. Кот жалобно замыкал, словно подзывая хозяина, затем прыгнул с двухметровой высоты и сквозь заросли пересохшей от жары травы побежал к колодцу. Поздно – грузовики уже пропылили по просохшей дороге и скрылись вдаль. Васька плакал из лужицы возле колодца и побрел по дороге вслед за машинами. Туда уехал его хозяин, там был его родной дом.

Сколько брел Васька по дороге, он не знал и не понимал: сутки, неделю, две. Для него ночь сменялась днем, день ночью, дневная жара сменялась ночными холодами, иногда шел дождь. Он проходил еще

несколько деревень, но по запахам, по незнакомым окрестностям и домам сразу определял, что они были чужими. Васька так ослаб, что еле дотащился до узенькой, метров двадцати в ширину речушки, куда ныряла песчаная дорога – брод. Долго лакал воду с берега, наблюдая, как на перекате в прозрачной воде стрекали юркие пескари. Он пытался даже поймать хоть одну рыбку, но рыбалка ему никак не удавалась – сказывалась усталость. Наконец, заснул. Пробудило его мычание стада и, самое страшное, собачий лай. Васька востепенел, открыл глаза – к броду брело коровье стадо. Пастух лениво помахивал кнутом и иногда покрикивал:

– Но-но, куда пошла! Домой, домой. Ишь, навострилась, лыска, блудница. Тебе бы все побегать.

Молодая корова норовила оторваться от стада, но два пса, пытаясь укунить ее за ноги и бока, загоняли ее снова в коровье общество. Но Ваську уже не пугали ни строгий пастух с кнутом, ни рогатые коровы, ни злющие псы. Среди всего стада он сразу узнал хозяйскую Субботку: с раздутыми коричнево-белыми боками и разбухшим от молока, почти волочащимся по земле выменем. Среди мычащей какофонии Васька даже голос ее сразу выделил – протяжный, спокойный, с хрипотцой. Сердце кота радостно замлело, затрепетало – скоро он будет дома.

И за этими обаявшими его радостями он не сразу заметил, как один из псов летит к нему со всех четырех ног, почти не касаясь земли, словно косматый, немой ветер. А когда заметил, бежать было поздно: рядом ни деревьев, ни кустарников, куда можно спрятаться. Сзади лишь речка, вода. От страха Васька попятился и очутился в воде, его подхватило течение и понесло куда-то. За свою жизнь он ни разу не залезал в воду, тем более в речку, казавшуюся ему необъятно огромной, безжалостной и холодной. Ваську потянуло вниз, ко дну. Почувствовал, что не хватает воздуха. Изо всех оставшихся у него сил кот стал барахтаться, загребая лапами воду. Его приподняло над поверхностью. Васька сделал первый глоток воздуха и, отфыркиваясь, закружился на одном месте.

Пастух удивленно смотрел на плавающего кота и, скривив губы, озадаченно бормотал:

– Кот! Откуда он здесь? Вот ведь угораздило. Уто-нет, ей богу, утонет!

Но Васька никак не хотел тонуть. Покружившись какое-то время в воде, он посмотрел на стадо, на пастуха, на надрывающихся в хриплом лае псов и поплыл к противоположному берегу. Выбрался на землю, отряхнулся, прошипел что-то злобное в сторону своих обидчиков и побежал по дороге. Собаки, было, бросились в воду, чтобы догнать своего кровного, извечного врага, но пастух так грозно на них цыкнул, что они обиженно вылезли к его ногам.

Лишь утром следующего дня Васька добрался до села и нашел родной дом. Вот и сарай с двумя скворечнями, знакомая береза в углу огорода, на которой он не раз сидел, забор, где он спасался от соседского пса. Все-все здесь родное: запахи, огород, гогот гусей, мычание Субботки. Если бы Васька мог плакать, то он, вернее всего, разревелся. Но плакать он не мог. Он пролез через знакомую подворотню и побежал к крыльцу, возле которого хозяева обычно ставили миску с едой. Так и есть – миска стояла, наполненная лапшой, куриными косточками и хлебом.

Васька долго ел, жадно выхватывая из миски самые лакомые куски и дрожа от нетерпения всем телом. Наелся, чувствуя, как живот оттягивается вниз, облизнулся, помыл лапами морду и пошел к корыту с водой. Напился. В этот момент увидел, как из окошечка, пропиленного в углу сенной двери, вышла молодая кошечка – стройненькая, маленькая, с красивой острой мордочкой, с белой, с серыми подпалинами, шерстью. Увидев чужого кота, кошечка жалобно замыкала, поглядывая на дверь серыми глазами. Васька смотрел на новую жиличку мудро-спокойно, даже равнодушно. Он все понимал, этот старый кот. Он вылизывался, лежа на боку и лишь иногда поглядывая на молоденькую соперницу.

Вот стукнула щеколда, сенная дверь растворилась, и на крыльцо вышла девочка, та самая девочка, которая ласкала его, глядя по шерстке, и играла с ним. Девочка посмотрела на кошечку и строго спросила:

– Ну, чего тебе?

Кошечка жалобно замыкала. Девочка посмотрела на миску и увидела, что она пуста. Затем перевела взгляд на тощего грязного кота со свалывшейся в колтуны шерстью, из которой торчали репы и шарики чертополоха. Васька не замыкал, а закричал – утробно, жалобно и протяжно. Девочка ахнула, закричала:

– Васька? Васька! Васька! – затем резко развернулась и побежала в дом с криком. – Бабушка, бабушка, там Васька пришел, Васька вернулся!

– Какой еще Васька? – донесся из избы недовольный голос бабушки.

– Наш Васька, кот Васька!

– Чего городишь, шалопутная. Нет Васьки, убежал он. Должно, сдох уже давно.

– Да нет же, нет же, бабушка, он не умер. Он во дворе сидит, я сразу его узнала! – убеждала девочка. – У него уха нет, и шрам на боку. Это он, он!

Кота помыли в ванне с теплой водой, выбрали из шерсти репы, чертополох, расчесали частым косяным гребешком. На этот раз Васька ни на что не жаловался: ни на купание, ни на боли, которые ему причиняли, вычесывая из шерсти грязь. Он лишь слушал, о чем говорят хозяева. Хозяин, смоля папиросу, спрашивал:

– Сколько же его не было?

– Недели три, не то и больше, – отвечала хозяйка.

– Надо же, как же он дом-то нашел?

– Вот и я дивуюсь, – отвечала бабушка. – Другой бы давно издох, а он, нате вот вам, живой, здоровый.

– А тощой, тощой-то какой, господи, одни кости остались.

– Ничего, откормим. Ладно уж, пусть дома жизнь доживает.

Васька все-все понимал, он теперь знал, что его уже никуда не отвезут. Даже мальчишка, этот шалун и проказник, который постоянно издевался над ним, и тот теперь брал кота на руки, гладил его по шерсти и слушал, как тот мурлычет от удовольствия.

Умер Васька через месяц после возвращения домой. Свою смерть он почуял заранее. Чтобы не тревожить хозяев, слез с горячей печи, дождался, когда хозяин станет собираться на работу, и вынырнул вместе с ним из избы.

Ваську нашли лишь несколько дней спустя под крыльцом, где он так любил уединяться, и схоронили на огороде за баней.

Марина КУРЫЛЕВА – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии УлГПУ им. И.Н. Ульянова, детский поэт. Автор трех сборников стихов для детей общим объемом около 200 страниц. Ее книги для детей актуальны и востребованы, они есть во многих детских библиотеках и методических кабинетах школ города и области. Марина Викторовна – лауреат Второго международного литературного конкурса «Лохматый друг» в номинации «Рассказы о животных», а также участник XIV Ежегодной областной выставки-конкурса «Симбирская книга-2016». Является участником областного межведомственного проекта «Литературная филармония», инициированного губернатором Ульяновской области. Как автор, пишущий для детей, М.В. Кuryлева активно ведет культурно-просветительскую работу, сотрудничает с Централизованной библиотечной системой г. Ульяновска, Ульяновской областной библиотекой для детей и юношества имени С.Т. Аксакова, Ульяновской областной научной библиотекой имени В.И. Ленина, с городскими музеями, а также с рядом средних общеобразовательных школ города Ульяновска и Ульяновской области. Имеет грамоты, дипломы и благодарственные письма от этих организаций за участие в составе жюри различных конкурсов и фестивалей.

Андрей МЕДВЕДЕВ родился в 1978 году в городе Ульяновске. С красным дипломом окончил исторический факультет Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова по специальности «Музееведение и охрана памятников».

Автор, соавтор и иллюстратор сборников стихов для детей «Азбука кошачьих чувств», «Мышиный класс», «Кото-васия». Участник IV Всероссийского расширенного семинара молодых литераторов, пишущих для детей, организованного Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ, президентом которого является С.А. Филатов, и проходившего 15-19 июля 2007 года (г. Москва – г. Орел – с. Спасское-Лутовиново) при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, администрации Орловской области и государственного мемориального и природного музея-заповедника «Спасское-Лутовиново». Семинары и лекции проводили такие признанные мастера слова, как В.С. Маканин и В.М. Воскобойников, литературовед, литературный секретарь «Русского Букера» И.О. Шайтанов, писатель Э.Н. Успенский.

Как автор и иллюстратор участвовал в литературном проекте «Пять», в рамках которого на данный момент вышло два сборника поэзии и прозы «Пять» и «О! Пять», собравших на своих страницах произведения группы самобытных ульяновских авторов: В. Бригаднова, О. Гекторова, В. Карпушова, В. Кузнецова, М. Курылевой и собственно А. Медведева.

Автор выставок: «Образ книги: искусство книжной графики», «Кто-кто в книжке живет», «Рыжий кот», «Драгоценные фантазии весны».

Член жюри городского этапа конкурса чтецов «Поэт из страны детства», областного конкурса «Если бы я был А.А. Пластовым», конкурса юных иллюстраторов «Подарок А.А. Пластову», X, XI, XII Открытого областного творческого конкурса «Аленький цветочек», областного этапа Всероссийского конкурса юных чтецов «Живая классика», конкурса на лучшую самодельную книжку-малышку «Мое любимое стихотворение Михалкова», городского конкурса рисунков «ЭкоГрафика».

Участник проекта «Литературная филармония».

Публиковался в периодических журналах и альманахах «Карамзинский сад» (Ульяновск), «Гончаровская беседка» (Ульяновск), а также в местной периодике.

На семинаре авторов, пишущих для детей, с Э.Успенским и В. Воскобойниковым

Марина КУРЬЛЕВА, Андрей МЕДВЕДЕВ

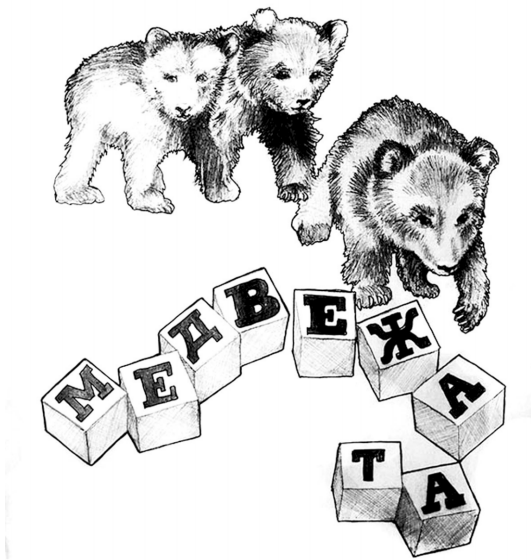
ЗИМНИЕ ЯГОДЫ

стихи для детей, написаны в соавторстве

* * *

Бывают на свете щенки и котята,
Цыплята, телята и жеребята,
Лисята, волчата, уята,
Слонята и поросята.
Но нет средь пушистых звериных ребят
Ни медвежонков, ни медвежат!
— Как?! Почему?! — закричали ребята,
В чащобе, в берлоге живут медведята!
Бывает, живут медвежонки в неволе,
Но лучше, конечно, живется на воле.
Они обожают есть мед и малину,
Еловый ковер им заменит перину.
Их мама-медведица любит и учит,
А папа-медведь их, бывает, прочит.

Так дайте же, дайте нам честный ответ -
Ну почему же на свете их нет?!

* * *

Веревкой привязали
Щенка к перилам мы,
И строго наказали,
Со строгостью сказали,
Ну, в общем, приказали:
— «Сидеть! Вернемся мы».
Ведь в магазин
С собакой
Запрещено входить,
Она случайно может
Кассира укусить,
Случайно может с полки
Селедку утащить.

Или, хвостом виляя,
Смахнуть, разбить, разлить.
Щенок у нас умнее
Любых других собак,
Послушнее, вернее,
Овчарка, как-никак!
Иди, хозяин, смело
Ты в эту дверь один -
Чужих щенков лохматый
Не пустит в магазин!

* * *

Настоящий великан —
Веслоногий пеликан.
Днем он носит клюв огромный,
А под ним мешок объемный.
Море клювом зачерпнет,
Рыбу съест,
Всю рыбу съест, —
Море синее вернет.

К ночи ближе, на закате,
В бледно-розовом халате,
Клюв разинув, пеликан
Выпьет небо-океан!
Покатает за щеками,
пополощет за щеками —
И вернет его обратно.

Где же солнце? Непонятно!

ЗИМНИЕ ЯГОДЫ

Что за гомон за окошком,
Там, где искрится снежок,
Где в сугроб не лезет кошка,
А на подступах — каток?
На рябине краснобусой
Свиристей хоровод.
Очень, знамо, птицам вкусен
Спелых ягодок ледок.

Пляшут, прыгают по веткам,
Облегчают гроздьев вес.
Им рябинки, что конфетки,
Посластятся тут — и в лес!

* * *

У меня собака — гений!
Нет, не знает всех команд,
Нет особенных умений,
Лает часто невпопад.
И спортивных достижений
Тоже нет — куда уж нам —
У нее характер нервный...
Медалист? Какое там!

Но зато в Контакте «лайки»
Лайкам ставит всем подряд,
И @.ru на майке
Носит, чем вам не наряд?

В «Одноклассниках» до ночи
Может в будке просидеть,
И на спутниковой карте
Свою будку разглядеть.

У меня собака – гений!
Пусть не знает всех команд,
Современным спаниелям,
Право же, не до наград!

* * *

У котенка моего
Вредные привычки.
И они вокруг него
Вьются, будто птички.

Обожает, например,
Обдирать обои,
Любит портить интерьер
И жевать алоэ.

Или, когти наточив,
Лезет тут же в драку,
Не пропустит ни одну
Во дворе собаку.

Обувь мы свою всегда
От котенка прячем,
А забудем иногда –
Всем семейством плачем.
В общем, скажем без прикрас:

Жалко, что привычки,
Те, что водятся у нас,
Не буквально птички.
Можно было б изловить,
Как скворцов, повадки
И по клеткам рассадить –
Было б все в порядке!

* * *

По улице шагали
плечом к плечу друзья.
Хорошие и верные,
совсем, как ты и я!
Хорошие и смелые
навстречу солнцу шли,
На улице широкой
монетку вдруг нашли.
Один ее увидел,
другой ее поднял,
И грошик тот злосчастный
между друзьями встал.

Он мог бы лживым блеском
поссорить двух друзей,
Чтоб спорили, толкаясь,
решали, грошик чей.
Но не было в ребятах
ни жадности, ни зла;
Их дружба неподкупной
и преданной была.

Мальчишки постояли,
пошли в универсам,
Купили шоколадку.
И съели.
Пополам!

СЕВЕРНАЯ ДРУЖБА

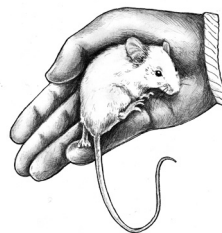
Здесь каждый шаг не просто риск,
Здесь каждый шаг – борьба!
Дыханье частое и визг
Полозьев до утра.

Двенадцать пар здесь крепких лап
Ценнее ста машин,
Здесь каждый крошечный ухаб –
Капкан коварных льдин.
Здесь в одиночку не пройти
Без лап, хвостов, зубов,
И лучше друга не найти,
Чем среди вечных льдов.

В одной уздечке тянут груз
Шесть лаек, как одна,
И я измерить не возьмусь,
Как дружба их сильна.

* * *

В ладонь мышонка посадил,
А он шмыгнул в рукав.
Пока его я там ловил,
Он спрятался стремглав.
Совсем его уже достал
Почти подмышкой я,
Но он, проказник, убежал.
Защекотал меня
Хвостом за ухом в тот же миг
Скользнул за воротник,
Там притаился и затих
Мышонок-озорник.
Но это был – ага! – обман!

Одним лихим прыжком
Забрался мышь ко мне в карман
И захрустел потом.
Он точно знал, куда спешил.
Ах! Серенький хитрец!
Там про запас давно хранил
Я мятный леденец!

* * *

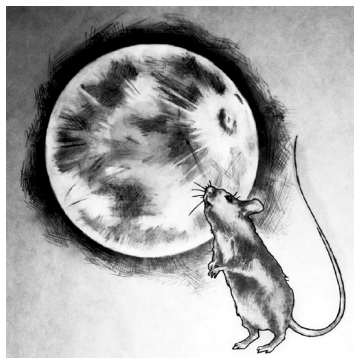
Очень ученая белая мышка
На ночь читала хорошую книжку,
Носиком трогала буквы и строки,
В чтении мышкы – известные доки!
Жалко лишь то, что в хорошей той книжке
Дырки в страницах оставила мышка.

* * *

Откуда сновиденья приходят к малышам?
С таким, друзья, вопросом направьтесь вы
к мышам,
Спросите у них прямо, что делают они,
Покуда папа с мамой седьмые видят сны.
Спросите, не они ли крадутся в тишине,
Когда, как сырный шарик, луна висит в окне,
Когда сверчок на кухне балладу ей поет,
В саду ночном улитка из лужи воду пьет.
Спросите, уж не им ли доверено потом
Цветные сновиденья подкладывать в ваш сон.
И, может быть, прошепчут, вам ушко щекотя,
Ночные эти гости: «Спи, милое дитя».

* * *

Была у мышонка мечта непростая.
Мечтал он о ней, в тишине засыпая,
Мечтал, от кота убегая вприпрыжку,
Мечтал, угрызая в норе кочерыжку,
Мечтал, запрокинувши мордочку к небу,
Мечтал о ней к завтраку он и к обеду.
Сильнее всего мышонку мечталось,
Когда над ним небо ночное качалось,
И был в полнолуние сам он не свой:
Мечтал, как однажды закусит луной.

* * *

Кот наш нынче недоволен,
Молчалив, угрюм, надут.
Не волнуйтесь, он не болен,
Просто мяса не дают.

На душе скребутся кошки,
Он обижен, сам не свой:
Вместо мяса в его плошке
Kitekat лежит сухой.

* * *

Прыг! – махнула кошка с печки!
И за дверь – на белый свет!
Примостилась на крылечке,
Здравствуй, солнышко, привет!

Здравствуй, небо над долиной!
Здравствуй, поле, огород!
Здравствуй, кот, что выгнул спину,
Рыжий кот, соседский кот.

Снег почти уже растаял,
Кое-где земля видна,
За забором пес залаял
Звонко, радостно – весна!

Птицы песню подхватили,
Что затеяла капель,
Лужи двор весь запрудили,
Прогудел чуть сонный шмель.

Кошка всем им улыбнулась,
Чуть заметно, для себя,
Грациозно потянулась –
Ах, весна, пригрей меня

* * *

У нас во дворе злая будка живет,
Рычит на прохожих и лает,
А если случайно кто рядом пройдет,
Собаку на них выпускает.

* * *

Алфавит учил котенок
Под присмотром строгой мышкы:
«Это буква А, чертенок,
Знать ее должны детишки!
Ведь с нее, запомни твердо,
Буквы начинаются,
Без нее, как ни крути,
Книжки не читаются.
Без нее в Автобус сесть,
Крошка, не получится,
Без нее Арбуз не съесть,
Азбука не учится!
Буквы все – учти, дружок, –
Очень-очень важные.
Намотай на ус урок
И запомни каждую!»

Светлана ГУЖЕВА, член Российского Союза профессиональных литераторов, р.п. Старая Майна.

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

Воспоминания дочери писателя Александра Кузнецова

*Есть в арсенале наших слов
одно из лучших – ВЕТЕРАНЫ.
В нем ВЕТЕР фронтовых годов
и боль святой отцовской РАНЫ...*

(С. Гужева)

Отец родился 29 августа в 1907 году в селе Чириково Кузоватовского района Ульяновской области. Мне было 17 лет, когда я волей случая оказалась в родовом селе отца. Весь «порядок», так называли коренные сельчане свою улицу, был еще заселен Кузнецовыми. «Ты чья?», – спросила женщина, пораженная моим ранним явлением на краю села (было где-то пять часов утра). «Я – Кузнецова Света», – отвечала я, устало оглядывая превосходные окрестности Чирикова.

– А как отца-то зовут?

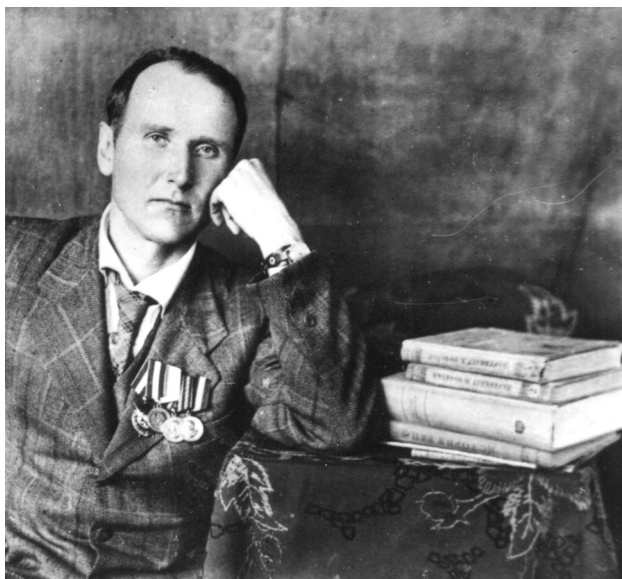
– Александр Родионович.

– Папаня, не внучка ли Сокола залетела к нам? – обратилась с вопросами к подошедшему старику женщина.

Оказалась я доброй посланницей знаменитого на селе рода. Помнил «порядок» деда моего, Родивона по кличке Сокол», и моего отца-партизана, «Саню, который книжки пишет». Я не ожидала, подумать не могла, что так мне обрадуются! Но это уже другая история, в духе юношеского авантюризма...

Сколько помню свое отрочество, отец за пишущей машинкой стучит по буквам, печатает «Макея» (свой роман о партизанах). В 1954 году вышла в свет эта книга о боевой жизни партизанского отряда. Александр Кузнецов принимал непосредственное участие в этих событиях. В лесах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны широко развернулось партизанское движение. Командиром 620 партизанского отряда имени Чапаева был молодой лейтенант, Макей Севастьянович Михолап. Отец рассказывал, как попал в его отряд, вырвавшись из Могилевского концлагеря. В партизаны шел не один. Дорогу в лес ему решились показать семнадцатилетние хлопцы, которые за время пути прониклись уважением к истощенному раненому красноармейцу. В дороге навалились они на полицаяв, шнырявших в лесу. «Куда путь держите?» – спросили отца, старшего в группе, воткнув дуло автомата в его живот. Отец содрогнулся, но, не отводя глаз, ответил: «Идем в партизаны». Бесконечными показались секунды, отделявшие жизнь от смерти. Мысль о конце тяжелым обухом отодвинула другая, более страшная – «из-за меня пропадут хлопцы». Но полицайи рассмеялись, похвалили отца. «Герой! И хлопцы твои держались молодцом. Покажем вам дорогу к Макею». Так отец прошел проверку. «Полицайи» оказались переодетыми партизанами, шли по заданию, как намекали, для установления связи со старостой села. А хлопцы, показавшие дорогу, так прониклись желанием бить врага, что до конца войны так и не вернулись в хаты. Воевали.

...В 1940 году отец окончил Московский университет и вместе с семьей выехал на работу в Западную Белоруссию, которая до 1939 года была территорией Польши. В городе Бельске он был назначен директором польской школы. Но через несколько месяцев пришла повестка из военкомата. Призывали на краткосрочные военные учения. Война застала его под Брестом в должности командира роты. В первом же бою за Могилевым на реке Сожь отец был ранен. «Я еще бежал в атаку на ногу, перебитой ниже колена, не чувствуя боли», – рассказывал отец, – и вдруг упал. Увидел, что правая нога лежит на земле перевернутой и как бы отдельно от меня». Истекающего кровью бой-

Партизан, писатель А.Р. Кузнецов. 1946 год

В коробочке на вате лежал темный кусок металла – пуля, мучившая его более 10 лет.

– Вот, дочка, избавился наконец. А нога так короче и осталась, хромать папка твой будет. Да костыль, чай, не подведет. Он тяжело поднялся с дивана, улыбаясь, как всегда, виновато, и положил коробочку рядом с боевыми наградами в шкаф.

Передо мной коротко, но четко проплыла картинка из раннего детства. На крыльце деревянного флигеля с длинной, блестящей на солнце бритвой в руке сидит отец. Морщится. По ноге стекает что-то густое вместе с кровью.

– Иди, погуляй, не смотри, – увидев меня, натужно улыбаясь, говорит он, – у папы твоего рана загноилась. Вскрыл.

О страшной войне, отдельных эпизодах из своей жизни отец рассказывал не часто, потому в разные годы слушала я его с большим интересом и вниманием.

– В плену я не по своей воле оказался. Когда кости на ноге чуток срослись, появилась надежда на побег в партизаны. Бежал как? Это, дочка, легко одним словом сказать – «бежал». А на деле так было. Немцы, чтобы горшки выносить по утрам за ранеными да раздавать жидкую похлебку из бульбы или брюквы, оставили при госпитале

двух пожилых белорусок. Одна все приглядывалась ко мне. Раз застала за снятием грязных бинтов на раненой ноге. Немцы не лечили нас. Ни медикаментов, ни перевязочного материала не выдавали. Каждый день из палаты выносились трупы. Чем меньше русских в палате, тем меньше котел для еды. В моей ране завелись опарыши. Я их вытаскивал с омерзением. Не знал тогда, что они меня спасали от гангрены. Женщина шепчет, давай, мол, сынок, помою твои бинты. Я отдал. На закате в октябре все еще светило солнце. Скоро принесла она чистые бинты и засыхающие листья подорожника. Я сделал перевязку, поблагодарил. Она плачет беззвучно и опять шепчет: «Сынок, по-

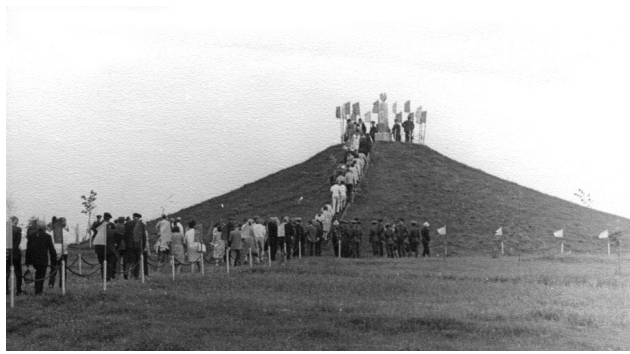
Макей Севастьянович Михолап

хож ты на мово старшого хлопца. Я тебя за него выдам. Согласен?». Я кивнул и дня через три переселился в хату к Даньковым. (Немцы охотно отдавали безнадежных калек на жительство селянам). Моя спасительница проживала с мужем и семнадцатилетним сыном. Старшего похоронили давно, а забыть горе не смогло материнское сердце.

Какое горе причинит ей мой отец, она не догадывалась. Благодаря драникам и молоку, силы его с каждым днем восстанавливались. С молоком поначалу случился конфуз. Жадно припав к крынке в первый день у Даньковых, он опустошил ее и с нарастающим изумлением и тошнотой вперился глазами в доньшко. Там увидел он толстую живую лягушку. Недоразумение разрешила сама хозяйка: «Ай-ай, не предупредила! Лягушку ложим в крынку, сынок, чтобы молоко не скисло. Это уж так заведено испокон веков». Отец быстро сошелся с молодым сыном хозяйки. А та радовалась: добрый брат сыну и, авось, помощник в хозяйстве. «Добрый помощник» тем временем замыслил побег. «Хорошо бы до снега к партизанам добраться, но одному, тропы не зная, не дойти».

К ноющей боли при ходьбе он привык. В одну из суббот готовил баню, колол смолистые поленья. Хлопец таскал из речушки воду. Нельзя было упускать момент, и отец сурово приступил к допросу: знает ли хлопец дорогу к партизанам? Хлопец неопределенно мотнул головой. Опустил глаза. Было понятно, он не доверяет. «Я русский офицер, – немного патетически представился отец, – на печи меня не удержат. Война докажет, кто на Русь с мечом придет, от меча и погибнет. Верить в это?». Хлопец мотнул головой утвердительно, сказал, оглядываясь на хату, что в урочища один не поведет, только с другом. Друг Свирид оказался смышленным хлопцем старше своих лет, с пробившейся, но еще прозрачной бородкой. «Я, дядько, сухарей наберу. Дорогу сыщем», – пообещал он с явным воодушевлением. Заговорщики условились встретиться ранним утром следующего дня...

...Маленький белорусский городок Клецк. Мне пять лет. Отец, вернувшись из бобруйских лесов, работает вторым секретарем горкома. Зимой 1945 года на первого секретаря горкома было совершено покушение. Но через окно власовцы застрелят не его, а его жену и новорожденного ребенка, которого она кормила грудью. Весной доберутся и до нашей семьи. Придут грабители вдвоем, выставят нас с братом на улицу и погрузят на телегу весь бедный наш послевоенный скраб, включая белье, пистолет отца и туфли-

Курган Славы. Могилевская область

А.Р. Кузнецов на вершине Кургана Славы

лодочки матери. Время для грабежа бандиты выберут удачное: отец в больнице, мать ушла его навестить. На столе оставят записку: «Нибядуй партезан. Не шукай нас. Сами ты сыщем».

«Неужели я выжил, чтобы погибнуть теперь, когда встретился с семьей, что почти чудо? Или чтобы теперь, столько пережив в оккупации, погибли моя жена и дети?». Так думал отец, прикованный в то время

к койке мучительной болью в позвоночнике, узнав о налете бандитов. Единственно правильное решение созрело: надо возвращаться на родину, в родное Поволжье.

Как-то раз, уже спустя годы, настроившись на поступление в медицинское училище, я спросила, отчего у него открылись боли в позвоночнике.

– Отряд наш партизанский в засаду попал, дочка. Фашисты воспользовались первомайским праздником, мы его и в лесу справляли. Окружили. Пришлось бежать, в болотах спасаться. Залегли в топи пахучего травостоя ничком: фашисты с собаками охотились на людей, спускали ищеек на наших товарищей. Мы,

укрывшись водорослями, под торчащими стеблями не распущенной еще таволги слышали их душераздирающие крики... Втискивали себя в студенистое, хлопающее болото, а дышали через трубочку из бересты. Вот и простудился. Позвоночник и ноги заболели. Думал, не встану. Ты же книжку мою о партизанах читала. Забыла? Не мудрено – заучилась в школах разных.

Отец жалел меня. Переезды с места на место для 14-летней девочки были

непонятны. Непонятно было, зачем меня периодически отправляли жить и учиться к старенькой тетке матери, далеко от родителей. Я сменила за время учебы 11 школ. Одного учителя истории помню и почитаю всю жизнь. Он был вхож в нашу семью, горячо спорил с отцом, используя непонятные слова – узурпатор, мистификатор... Я слышала его отрывочные фразы за чаепитием взрослых. «При царе было больше свободы слова... Вы воевали не за его режим... Великие просветители – Чернышевский, Герцен, Писарев сгорели бы от стыда...». И однажды, когда затихла моя шумная маленькая сестренка, с которой я была обязана находиться, чтобы не мешать беседе взрослых, я услышала крамолу: «Вы же боитесь его, прячете семью от истукана, страдающего маниакальным синдромом». Кого боится мой отец? От кого прячется? Истина откроется скоро. А пока я ученица 8-го класса. Мой отец преподает военное дело и историю Древнего мира в Белоярской школе Чердаклинского района, там же, где

в этот исторически значимый для страны год учусь я...

Наша семья вернулась в Россию в 1946 году. Отца назначили в Куйбышеве на должность директора мужской гимназии. На ремонт учебного учреждения выдали деньги, которыми отец, человек честный и принципиальный, коммунист, не поделился с заведующим районного отделения. Тот использовал «компромат», заключающийся в том, что отец был в фашистском плену. Отец, заполняя анкеты, этого не скрывал. Если кому-то было выгодно подчеркнуть этот факт, он мог бы добиться трагических для отца (и всей семьи) последствий – высылки на Колыму или Северный Урал. Такое было время. До выступления Хрущева на XX съезде КПСС семья наша жила под карающим дамокловым мечом. Не раз мы спорили с отцом на жгучую тему роли Сталина вообще и в частности.

Семья вынуждена была переезжать с места на место. Так, из Куйбышева, нынешней Самары, отец увез семью в глухомань, в село Игнатовка Кузоватовского района Ульяновской области, что было в тот временной период и резонно, и осмотрительно. Семь лет скиталась семья защитника Отечества по селам нашей области без достойного угла, а порой и достойной работы. В немыслимых условиях отец корпел над своим любимым детищем. Материал, накопленный в брянских и усакинских лесах Белоруссии, содержал бесценные свидетельства патриотизма людей всех национальностей, их волю к победе над вражьей силой, неистребимую жизнестойкость в тяжелых условиях, чистоту помыслов и высоту любви к родной земле. Гибель Макея и партизанских друзей «пенлом Клааса стучала в сердце».

Книгой «Макей и его хлопцы» в послевоенные годы зачитывались. Не раз я прибегала домой с радостным рассказом об увиденном: мужчина в трамвае читает... В руках толстая книга в добротном синем переплете, на обложке – крупно с позолотой название «Макей и его хлопцы». Через долгих шестьдесят лет, оказавшись в рабочем поселке Старая Майна, я встретила с людьми, знавшими лично моего отца, читавшими его стихи и книги, над которыми они пла-

Переправа макеевцев через реку Сушанка. Приток Друть

комнатной «хрущевке» на улице Вагютина проживали две семьи: отец с матерью и молодая семья младшей дочери. Все довольны. У родителей спальня со столом, где размещалась печатная машинка.

– Ну, а перспектива какова, товарищ Кузнецов, если молодая семья дочери разрастется? Отец, сбившись с толку, честно пытался вернуть разговор о даровитом поэте.

– Молодежь подождет со своею славой в тени таких орденов. (Для приемов у начальства отец надевал ордена).

Отряд Макея. Принятие присяги. 1942 год

кали. Я тихо горжусь отцом, никогда не прикрываясь его именем, как щитом, от ударов судьбы и не используя его для украшения своего неяркого прожизвания. Сам отец был скромным. Однажды пришел к Правдину, партийному работнику высокого ранга, с просьбой об издании стихов молодого поэта. Чиновник рассеянно слушал и вдруг прервал.

– Я знаком с газетным и книжным материалом. Читаю Ваши статьи. Для нашей области, например, оказалась весьма перспективной информация о докторе Чучкалове и его чудодейственных источниках. Журналист должен освещать повседневную жизнь народа. Но каковы Ваши жилищные условия? Есть где писать?

Отец замялся. Разговор принимал оборот сомнительный для его задачи. В конце 70-х годов в трех-

– Ваш журналистский отчет о поездке в Минск интересен. И тот факт, что в минском музее целый угол отведен памяти партизанского отряда, в котором Вы воевали, о котором написана книга, интересен. Ветерана, инвалида войны, писателя... мы должны, обязаны обеспечить отдельной квартирой. Обязаны, Александр Родионович!

Через месяц отцу выдали ордера для получения двух двухкомнатных квартир в новом доме «на Песках». В нашей семье долго вспоминали, как вернулся

обескураженный, чем-то расстроенный отец с приема у начальника. В 65 лет его снабдили машиной «Москвич». Советская власть гордилась защитниками державы, заботилась о них. Эстафету уважения, неподдельного внимания к нуждам ветеранов подхва-

тило и нынешнее правительство России.

– Не горячись, дочка! Да, гибли солдаты миллионками на этой войне с именем Сталина, как ты говоришь – узурпатора. И в моей книге это отражено. Но «не ненависть, а любовь к истине руководили моим пером». Это слова, между прочим, нашего земляка, поэта и партизана, Дениса Давыдова.

Отец помолчал немного и продолжил, словно набравшись сил.

– Сталин был символом веры в победу. Ну как у верующих крестик на шею – символ веры. Как верят в Бога? Просто верят без доказательств в его существование. «Для сердца надо верить». Постулаты теоретически выверенными и правильными были в учении Маркса – Ленина. На практике многое искажено... до безобразия. Вождями не была учтена природа человека. Она не только созидательная, но и разрушающая, вот в чем дело... Воевал я, как в песне поется, «за Родину, за Сталина». А пришлось на родине от Сталина скрываться. Парадокс...

Отец не был приспособленцем. Частенько был неудобен своему начальству, забывая, что «критика снизу – это яд. Сверху – вот это лекарство!». Но нарастающий в обществе нигилизм разрушал сложившееся мировоззрение.

Выйдя на пенсию, отец целиком посвятил себя журналистике. Много ездил по стране. Встречался с боевыми друзьями. Повидался и с постаревшей своей спасительницей. Она давно простила его, хоть и ругала когда-то «проклятушим», «бо увел тайком хлопчика воевать против супостата». Начинающие литераторы тянулись к чуткому, бескорыстному и опытному собрату по перу. Среди них был Николай Благов. В 1955 году в Ульяновском издательстве вышел первый сборник стихов поэта «Ветер встречный», в 1957 году – второй, включивший в себя стихи и поэму «Волга». Отец был их первым редактором. Николай любил отца, часами засиживался в нашем доме, став уже известным, маститым литератором. «Крестному отцу сборника с любовью», «Человеку сабельной чистоты» – неизменно с такими словами «высокого штиля» дарил он свои сборники отцу. Много и плодотворно сотрудничал отец с газетами «Ульяновская правда» и «Ульяновский комсомолец». В 1976 году в Минске на белорусском языке была издана его книга «Тереспольские ворота», а в 1984-м ее выпустило в свет Саратовское издательство. Оно же в 1980 году опубликовало документальную повесть «Партизанские ночи».

В последний раз я встречалась с отцом зимой 1987 года. Он был нездоров, но бодрился: «не умру,

пока не выйдет в Саратове новый вариант «Маека». За 30 лет после первого издания книги у отца накопился богатейший фотоматериал для иллюстрации партизанского движения и героев его повести. Он много работал над языком, вставлял новые эпизоды, один из которых особенно впечатляет. «Я не мог внести его в книгу, так как, во-первых, не ручался за достоверность, а во-вторых, он был связан с именем Сталина. Но в Гродно я встречался с одним из героев моей книги, Парховченко Иваном Григорьевичем, комиссаром партизанского отряда, и он подтвердил реальность легенды о столе. Даже подарил фотографию стола: «Смотри, дочка, это сам Парховченко, а это – тот самый стол», – с восторженной ноткой говорил отец. «Жаль, не было тогда цветных фотографий. Инкрустирован стол

Инкрустированный стол мастера Орлова

разными породами деревьев. Мастер не один год делал заготовки из пластин темного мореного дуба, смуглой, мягкой древесины сосны, молочного цвета древесины осины. Клеем он не пользовался. Сверлил отверстия и загонял шпильки. Стол предназначался в дар нашему вождю от Белорусского народа. Но началась война, и стол вместе с его мастером, Орловым, попал в руки фашистов. Те потребовали, чтобы мастер срочно переадресовал свой шедевр: приближался юбилей Гитлера, которому исполнялось 50 лет. Мастер прикинулся больным. Ему угрожали расправой. А в это время партизаны готовили операцию «Свадьба» (она описана отцом), в результате которой стол был отбит и вместе с мастером отправлен самолетом в Москву...

...Зима в 1987 году стояла холодная. Отец кутался в плед. «Знакомая девчонка моей комсомольской юности улетела с дочерью на юг», – сказал грустно. Я знала, что его «девчонкам» по 70 – 75 лет. Посмеялась немного. «Вслед ей стишок накрапал жиденький. Послушай». И он начал протяжно «подвывать», как все поэты:

Я завидую Вам. Вы на юг улетели.

А у нас здесь метели, а у нас здесь метели...

А у нас здесь морозище градусов сорок,

И весна к нам теперь возвратится не скоро.

Дальше не читал, сказал, забыл, а в руке дрожал исписанный листок.

Румяная весна пришла, шумела листьями молодых тополей. Утро вливало прохладу в открытую настежь дверь лоджии. Отец дохромал до стола и вдруг стал медленно сползать со стула, на который присел. «Что это?» – прошептал он, не веря и изумляясь приходу своей смерти. Это было утро 17 мая 1988 года.

Александр КУЗНЕЦОВ

Стихи разных лет

ПИСЬМО МАТЕРИ

Эту весть, я прошу тебя сам,
разнеси по родному селу,
что живу я в Бобруйских лесах
у фашистов в глубоком тылу.
И сама ты не плачь обо мне,
слез не лей – их терпеть не могу:
я народный мститель и нет
от меня пощады врагу.
Партизан я, но так фже, как встарь,
бодр и весел и песни пою.
В ночь луны коптящий фонарь
тянет тень на землянку мою.
А в землянке поет патефон,
молодежь ему вторит во след.
и под ропот и шелест сосен
сном глубоким заснул сивый дед.
Он вчера из-за Друти сюда
к нам пришел и сказал,
где Макей?
Там, ребята, за Другью беда:
Фрицы жгут стариков и детей.
И Макей, командир боевой,
сотню взял своих лучших ребят,
что сейчас грозовою волной
на саях бездороженьем летят.
Я ж, признаюсь тебе, нездоров,
ранен в ногу, хоть рана легка,
все же в бой на проклятых врагов
не берут меня хлопцы пока.
Заживет моя рана – и в бой!
Снова в бой через кровь и мрак,
коль по нашей земле родной
ходит волчьей походкою враг.

Если вражеской пули оса
Жизнь мне срежет – не плачь по селу.
Есть кому в белорусских лесах
бить фашистов в глубоком тылу.

Это стихотворение было напечатано в газете «Советская Белоруссия» в 1943 году. Оно было послано самолетом на Родину, в Ульяновск, из партизанского лагеря. Номер газеты хранится в Ульяновском краеведческом музее.

ВЕТЕРАН

Ему твердят: «Вся жизнь до дна
тобою выпита. Утихни.»
Ему же кажется, она
вот-вот протуберанцем вспыхнет.
И озарит тот грозный час
немыслимым, но дивным светом.
И кто-нибудь когда-нибудь
напишет: «Был и он поэтом!»
Хоть небольшим, но дар небес
в его груди горел всечасно.
Он никогда не слыл несчастным.
И никогда вперед не лез.

Вот разве что в пылу атак
шел впереди в разломах жизней.
И только так! Он только так
в пригоршнях счастье нес Отчизне.
С фашистами сражаясь, он
был ранен вражеской гранатой.
И раненым попал в полон.
Но случай спас. Бежал к ребятам,
что в белорусских пущах сил
своих, сражаясь, не жалели.
Таких немало на Руси.
Такие на войне горели!
И он тогда горел не раз
в огне пожарниц, задыхаясь.
Сейчас он ходит среди нас,
слегка на палку опираясь.
Но в нем видна бывшая стать
Во взгляде, в поступи суровой.
Душой он рвется к жизни новой,
чтоб ей остаток сил отдать.
Ему ж толкуют: «Не чуди!
Ты заслужил покой и ласку.
У телевизора сиди
или внучат качай в коляске...»
А он подался вдруг в колхоз.
А он подался в школу, к детям.
«Мы, – говорит, – за все в ответе.
Пока мы живы, с нас и спрос».
И кто-нибудь когда-нибудь
напишет: «То-то! Были люди!
Дырявили им пули грудь.
Они ж к врагам стояли грудью!
Русь отстояли. Слава вам,
войны суровой работяги!
Вы защитили наши стяги.
Вы дали жизнь и счастье нам!».

Стихотворение конца 70-х годов. Опубликовано в газете «Ульяновская правда»

ХАТЫНЬ

И в зной, и в ветер, в морозную стынь
из века в век без слов
стонет и плачет моя Хатынь
медным звоном колоколов.

Не выплакать ей той скорбной тоски:
утрата сильна и остра.
Здесь сердце, разбитое на куски,
падало в пламень костра.

Этим костром вся Хатынь была.
И люди, что жили тут,
горели пламенем и дотла
сгорали звездами на лету.

Фашисты вопили: «Навеки стинь,
Люд красных большевиков!»
Не знали они, что воспрянет Хатынь
с медным звоном колоколов.

И в зной, и в ветер, в морозную стынь
из века в век без слов
будет стонать и плакать Хатынь
медным звоном колоколов.

Отец посетил мемориал «Хатынь». Был потрясен. Единственный житель, Каменский, оставшийся в живых, к тому времени умер. Колокола звонили над черными трубами печей густо и надрывно...

Памяти А. Наганова

Артогонь прогремел на заре ураганом.
Немцы Брестскую крепость бомбили в тот год,
Что ты думал тогда, комсомолец Наганов,
Защищая рубеж Тереспольских ворот?
Наседали враги. Вам горячая вьюга
Больно била в лицо, кровь сочилась из ран,
Над рекой Муховец и над Западным Бугом
Подожженной ракетой дымился туман.
Тереспольская башня дрожала от гнева,
Ей фашисты из пушек дробили фасад,
А она в них плевала из черного чрева

Полновесным свинцом:
«Бей фашистских солдат!»
И стояли вы насмерть под тем ураганом.
Погибали друзья, был неравен тот бой.
Что ты думал тогда, комсомолец Наганов,
Когда рушился свод над твоей головой?

Очень сильное стихотворение о нашем земляке, Алексее Наганове, из Красной реки. О его подвиге в Брестской крепости отец написал очерк «Тереспольские ворота». В Белоруссии книгу эту знали, она продавалась, была использована для внеклассного чтения в школе. Отца с большим почетом принимали в Белоруссии.

Комментарии Светланы Гужевой

Наша справка:

Александр КУЗНЕЦОВ (1907 – 1988) ульяновский писатель, участник Великой Отечественной войны, автор романа «Макей и его хлопцы» (о белорусских партизанах) и других книг о войне.

Гости журнала «Симбирскъ» – писатели из Ростова-на-Дону

Федор ОШЕВНЕВ – член Союза журналистов России и член Союза российских писателей. Родился в 1955 году в городе Усмани Липецкой области. Окончил химический факультет Воронежского технологического института и факультет прозы Литературного института им. А.М. Горького.

Четверть века отдал госслужбе в армии и милиции, которую проходил в Ставрополе и Ростове-на-Дону. Участник боевых действий на Кавказе. Ныне – майор внутренней службы в отставке, сосредоточен на литературной работе.

Награжден медалями «За ратную доблесть» – за создание повести «Да мигнет вас чаша сия», «За отличие в воинской службе» I степени – по итогам командировки в Республику Ингушетия, «За отличие в охране общественного порядка» – по итогам командировки в Чеченскую Республику и многими другими.

Прозаик, публицист, журналист.

Живет в Ростове-на-Дону.

В НЕПОДХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ В НЕПОДХОДЯЩЕМ МЕСТЕ

рассказ

Студеный февраль... Лютует мороз, не отступая и в субботний вечер. Вдоль городской улицы замерли пирамидальные тополя, опушенные снегом. Меж ними по льдистой дороге движется милицкий «уазик». На передних дверцах его наклеены большие белые буквы: «ПА» – патрульный автомо-

биль. В кабине двое молодых мужчин в знакомой населению темно-серой форме. На плечах водителя – сержантские погоны, у пассажира рядом – лейтенантские.

– Шел бы он со своими экспериментами... – продолжал монолог на наболевшую тему пассажир «пэ-

ашки», участковый инспектор милиции Виктор Бычков. И далее недвусмысленно уточнил, куда именно.

«В места отдаленные» настойчиво посылался начальник УВД города. Именно по его приказу отряд участковых инспекторов и уселся в патрульные автомобили, «чтобы оперативно прибывать на места совершения преступлений». Эх, ведал бы главный городской борец с преступностью, где за последнее время пришлось ему перебивать... в мыслях-желаниях многочисленных подчиненных!

– Сам посудите, – изливал душу напарнику Бычков. – Участок у меня – врагу не пожелаешь. Многоэтажки, коммуналки петровских времен, частного сектора тоже хватает – одна Песчанка чего стоит... Три общежития! Два мини-рынка! Цыганский квартал – рассадник наркош... Сейф неотработанными жалобами забит; одна бабушка уже до печенок достала, все по соседству инопланетяне мерещатся; поднадзорников и охотников проверять срок... А тут замначальника совсем сблудил: требует, чтоб каждый участковый за месяц по сотне административных протоколов оформлял, плюс к тому дай пять раскрытых преступлений. «И непременно чтоб одно – тяжкое»... – передразнил Бычков начальника. – Будто они, убийства да изнасилования раскрытые, вот, прямо на дороге валяются...

– Если валяются, так только нераскрытые, – впервые вклинился водитель, сержант милиции Алексей Барибал.

– Во-во... Тогда уж лучше никаких – показатели не портить. Короче, время драгоценное идет, а мы тут с тобой впустую километры накручиваем...

Автомобиль остановился на красный свет. Бычков приоткрыл дверцу машины и ожесточенно сплюнул. В салон радостно ворвался морозный воздух, и участковый торопливо захлопнул дверцу.

За перекрестком «уазик» обогнал БМВ. Скоростная машина явно нарушала правила дорожного движения: сильно виляла, то и дело выскакивая на встречную полосу.

– Ты гляди, что делает, – оживился Барибал. – Сто процентов: нажрался – и за руль...

– Сейчас точно в кого-нибудь въедет, – не без оснований предположил Бычков. – Давай, догоняй. – И схватился за микрофон громкоговорителя – в милицейской среде попросту «матюгальника».

Меж тем БМВ, двигаясь по синусоиде, проскочил следующий квартал и выкатил на Пионерскую площадь. На ней, в центре огромной клумбы, памятником прошлому высилась скульптурная группа: мальчик с барабаном и девочка, вскинувшая руку в пионерском салюте. Еще с перестроечных времен композицию стали опошлять, выставляя на барабан треснувший стакан или пустую водочную бутылку, вывешивая на шею салютующей таблички: «Даю с 17 до 19 без выходных», а однажды на обломок барабанной палочки нацепили презерватив.

Обгоняя автобус справа, импортная машина подъехала к нему вплотную. Опасаясь столкновения, водитель «Икаруса» вынужден был отвернуть влево. Автобус вынесло на клумбу, и он чуть не «поцеловался» с бетонным постаментом.

Сидящие в БМВ, похоже, даже и не заметили, что чуть не влипли в аварию. Миновав площадь, машина совсем переместилась на встречную полосу, распути-

вая транспорт и заставляя его вплотную прижиматься к тротуару.

– Водитель БМВ, госномер такой-то, немедленно остановитесь! – дважды прокричал Бычков в микрофон.

Никакой реакции... Впрочем, автомобиль-нарушитель вырулил-таки на свою сторону дороги.

– Обгоняй! – скомандовал участковый.

– Ага... У него мотор вдвое, – ответил Барибал, но на акселератор надавил.

Вскоре автомашины сравнялись. Приоткрыв боковое стекло, Бычков выставил в него руку с жезлом и отчаянно замахал, требуя остановки.

Опять никакой реакции... Автомобили продолжали мчаться вперед. Бычков спросил:

– Ну что, придется подрезать?

– Дело несложное, – отозвался напряженно удерживающий «пэашку» рядом с дорогим авто Барибал. – Только потом начальство может не понять...

– Давай... – решился Бычков. – По-хорошему все одно не получится...

Водитель до отказа нажал на газ, на полкорпуса обогнал БМВ, умело прижал его к бордюру и резко крутанул руль вправо-влево. Машины едва не столкнулись. БМВ притормозил. Барибал повторил маневр, и автомобиль-нарушитель остановился, чуть не врезавшись «пэашке» в крыло, – на сей раз сержант милиции руль влево не отворачивал, и «уазик» под острым углом преградил БМВ путь.

Бычков выскочил из машины, осторожно постучал жезлом в стекло соседнего авто. Из салона не донеслось ни звука. Участковый инспектор дернул за ручку дверцы – заперто. Сильнее постучал в стекло – оно наконец поползло вниз.

За рулем сидела женщина в норковой шубе и шапке. Немолодая, лет под пятьдесят. Того же возраста мужчина – пассажир на переднем сиденье. Он был одет в теплое кожаное пальто, на голове – ондатровая шапка. Из салона прямо-таки несло перегаром.

– Чего надо? – недовольно процедила женщина.

Бычков по-уставному представился, козырнул:

– Ваше водительское удостоверение...

– Ишь чего захотел! – услышал он в ответ возмущенный возглас.

Участковый опешил: нарушители ПДД так себя с сотрудниками милиции не ведут. Тут в ситуацию вмешался пассажир.

– Тамара, помолчи, – одернул он спутницу, вылез из машины и, пошатываясь, подошел к участковому. На ходу расстегнул пальто, доставая из внутреннего кармана пиджака документы.

– Младший советник юстиции Перов, – сказал он, раскрывая книжечку в красной обложке. – Прокурор Свердловского района. А это, – указал на женщину за рулем, – моя супруга.

Бычков и вышедший к тому времени из «уазика» Барибал замаялись. Патрулировали-то они как раз на территории Свердловского района и уж меньше всего ожидали нарваться на главного надзирающего за милицейской структурой. Да еще в таком виде!

Впрочем, будь сам Перов даже и нетрезвым за рулем, они бы младшему советнику юстиции только откозыряли – задерживать-то права не дано... Ну, по окончании дежурства устно доложили бы начальству о неординарной встрече. Стопроцентная гарантия:

им бы посоветовали о ней забыть на веки вечные.

Однако сейчас нарушитель за рулем – лицо гражданское. Хотя, с другой стороны, муж и жена – одна сатана. Разве ж прокурор свою избранницу в обиду даст?

– Были в гостях, – пояснил Перов.

– Чего ты перед ними отчитываешься? – перебила мужа женщина. – Нашел перед кем расшаркиваться! Поехали!

– Да помолчи же ты! – уже прикрикнул прокурор на супругу. – Сейчас все решим...

– Товарищ прокурор, – набрался мужества Бычков, – вы нас, конечно, извините... Только ни вам, ни жене вашей никак за руль нельзя. Минуту назад, на площади, чуть дорожно-транспортное не совершили. Жизнями рискуете...

«И не одними своими», – хотелось добавить лейтенанту милиции, но он предпочел оборвать предложение.

– И чего, по-твоему, нам теперь делать? – опять встряла в разговор женщина. – Пешком через полгорода идти?

– Зачем пешком? – на ходу соображал Бычков. – Позвоните кому-нибудь из знакомых... Кто живет недалеко... Он и довезет.

– Ага, умник нашелся! – не успокаивалась женщина. – Сейчас сто человек слетится – всем больше делать нечего.

– Тамара! Я тебя умоляю! – прижал руки к груди прокурор.

– Что вы делаете? – воскликнул до того молчаливый Барибал.

Кричал он супруге Перова, которой, по всему судя, надоело препираться. Женщина запустила двигатель и включила заднюю скорость, однако слишком резко тронула с места, и мотор заглох. Прокурорша тут же вновь завела машину и включила... первую скорость. Автомобиль рванулся вперед, и его бампер углом уперся «пэашке» в крыло.

Прокурор выругался. А Барибал, тронув Бычкова за рукав, твердо произнес:

– Докладывай по рации дежурному. Иначе, если разъедемся, они завтра заявление подадут, что это мы во всем виноваты, а бампер немалых денег стоит...

И как ни просил Перов сотрудников милиции сокрыть происшедшее, те через дежурного по УВД города вызвали на место столкновения дежурную группу сотрудников ГИБДД.

Через пятнадцать минут к двум автомобилям подъехал третий, специально оборудованный проблесковыми маячками и с символикой ГИБДД.

– Старший инспектор дорожно-патрульной службы, – отрекомендовался офицер, – капитан милиции Шубин.

Следом за ним из спецмашины вышел и сержант-водитель. Они-то, не без помощи Перова, наконец требовали у его супруги водительское удостоверение.

– Так что делать будем, товарищ прокурор? – вслух рассуждал капитан милиции. – По закону-то оно, конечно, ясно: схему ДТП расчертить, Тамару Вячеславовну – на освидетельствование на предмет признаков алкогольного опьянения, протокольчик за нарушение ПДД составить, ну а транспортное средство – на штрафстоянку...

– Чего захотел... – подала голос так и не вышед-

шая из автомобиля прокурорша. – Только попробуй: завтра же из милиции вылетит!

– Да ты заткнешься в конце-то концов?! – не выдержал Перов. И предложил Шубину: – Товарищ капитан, давайте мы вам напишем, что претензий к сотрудникам милиции у нас нет, а вы бы помогли до гаража доехать. Тут по-хорошему десять минут хода...

Капитан милиции недолго поразмышлял. Наживать себе врага в лице прокурора района явно не хотелось. Хотелось – подстраховаться, однако отбierać у него письменное заверение в невиновности в аварии стражей порядка... Нет, Шубин и на это не решился.

– Крыло-то несильно повредили? – спросил он Барибала.

– Переживем, – мрачно отозвался водитель. – А вот как бы товарищ прокурор завтра не передумал...

– Да господь с вами, ребята, – замахал руками Перов.

Прокурорша на этот раз благоразумно промолчала: может, поняла, что дело идет к мировой, а может, хмель маленько повыветрился. Словом, «пэашка» поехала дальше по маршруту патрулирования, а Шубин уселся за руль БМВ.

– Исключительно из уважения к работникам прокуратуры, – счел долгом пояснить свое решение капитан милиции, включая двигатель.

Супружескую чету в сопровождении автомашины ГИБДД к гаражу доставили действительно за несколько минут. Прокурор долго шарил по карманам в поисках ключа. Наконец отыскал его – сейфовский, с двойной бородкой. Сделал несколько безуспешных попыток попасть в скважину, переругиваясь при этом с супругой. Затем беспомощно пожал плечами:

– Товарищ капитан, может, вы поможете? Застыло, что ли?

Осторожный Шубин сам замок открывать не взялся, позвал сторожа. И только убедившись, что автомобиль благополучно заехал в гараж – за рулем на этот раз сидел сам Перов – отковырял и удалил к служебной машине...

На том и был бы мирно окончившейся истории конец, ан вовсе нет. Часа через два и «пэашка», и автомобиль ГИБДД мчались к Свердловскому райотделу, срочно вызванные по радиосвязи.

Первыми к зданию ОВД подружили Бычков и Барибал. И, едва выйдя из машины, тут же были встречены непечатными словами, которыми милиционеров обложила прокурорша, стоявшая на ступенях райотдела вместе с мужем и начальником штаба ОВД; все трое курили.

Участковый и милиционер-водитель опешили, ничего не понимая.

– Я же говорил: за бампер ругаться приедут, – тихо сказал Барибал напарнику.

Но оказалось, что бампер-то как раз и ни при чем. Супруги утверждали, что после общения с милицией из БМВ пропала супердорогая дамская сумочка стоимостью шесть с половиной тысяч «деревянных» – фирмы Картье, цвета бордо и с укороченной ручкой, принадлежавшая Перовой. А помимо косметики – сплошь Кристиан Диор – там находились тысяча двести «зеленых», семьсот российских рублей, сотовый телефон фирмы «Моторола» и начатые упаковки лекарств: нимотопа, норвакса и эссенциале.

– Воры! Разбойники! Оборотни в погонах! Вы у меня надолго сядете! – выкрикивала разошедшаяся прокурорша.

– Ну это ж не они, – пытался утихомирить ее супруг. – Они даже в машину не сажались... Гаишника... Тьфу – никак не привыкну – гибэдэдэшника работа, который нас вез... Больше никому...

Легко на помине, появился Шубин с водителем. Им пришлось выслушать в свой адрес оскорбления покруче.

Меж тем к райотделу подъезжали и подъезжали машины. Прибыл начальник ОВД, его заместитель по кадрам, дежурный кадровик из УВД города, дежурный следователь прокуратуры района, дежурный управления собственной безопасности УВД области и, наконец, один из замов прокурора города.

Всей толпой ввалились в «дежурку». Прокурорша махала перед носом дежурного по райотделу листом стандартной бумаги – заявлением о краже, но в руки почему-то не давала. Дежурный зарегистрировал факт обращения Перовых в специальной книге формы номер два. Четырех сотрудников милиции, подозреваемых в краже из автомобиля, «пустили по кругу»: каждый из них поочередно давал показания дежурному инспектору по разбору, кадровику из городского УВД, «уэсбэшнику» и следователю прокуратуры, поскольку всякая инстанция проводила собственное служебное расследование по факту устной жалобы.

Прокурора и его супругу опрашивать почему-то никто не спешил. Только по указанию начальника ОВД дежурный инспектор по разбору предложил Перовой пройти медицинское освидетельствование на алкоголь, но та возмущенно взвопила:

– Ишь чего захотели! Своих покрываете! Ничего, я на всех вас управу найду! – И локтем толкнула мужа: – Ты куда смотришь? Не видишь, что ли, как они концы в воду прячут?

Прокурор тщетно пытался уговорить свою слабую половину. Заместитель прокурора города обещал «вывернуть все наизнанку, но преступника в погонах вычислить и покарать». Милиционеры наотрез отрицали причастность к краже.

– Я вообще к машине близко не подходил, около своей стоял, – утверждал водитель-гибэдэдэшник.

– Я тоже до «бээмвешки» не дотрагивался, – вторил Барибал.

– К машине подходил, но внутрь не садился, только в стекло водительское постучал, – пояснял Бычков. – Ну и как бы я, по-вашему, эту сумку взять мог, если заявительница показывает, что она на заднем сиденье лежала?

Труднее всего приходилось Шубину: потерпевшие – а в этой роли прокурор с супругой уже себя утвердили, и ни у кого из присутствующих даже и мысли не возникало усомниться в недавнем существовании дамской сумочки с дорогостоящим содержимым – грешили именно на него.

– Что я, по-вашему, круглый идиот? – отчаянно жестикулируя, частил капитан милиции, защищаясь от наседавшего на него «уэсбэшника», которому помогал опрашивать подозреваемого в краже заместитель прокурора города. – Не видел я этой сумки! А если б и увидел – чужого брать в жизни не брал! По мне оно хоть прокурорское, хоть президентское – один хрен, не мое! Опять же, говорят, она на заднем

сиденье лежала – так я там вообще не сидел, только за рулем!

– Но водительские права-то из сумочки доставали, чтобы вам предъявить? – напирал заместитель прокурора.

– Доставали, – соглашался офицер ГИБДД. – Только откуда – я не следил. Во-первых, темно было, а во-вторых, в БМВ стекла тонированные...

– Да что вы с ним ляляете? – бушевала Перова. – Спер, так еще и отпирается! А на лице все написано!

– Это у вас кое-что написано... – огрызнулся Шубин.

– Чего именно? – подбоченилась прокурорша.

– А что нетрезвы, – коротко сформулировал капитан милиции.

– Это тебя не касается! – яростно покрутила перед его лицом указательным пальцем женщина.

– Сейчас – да. А жаль... – И Шубин пасмурно улыбнулся.

– Чего жаль? Конкретизируйте, – опять подключился заместитель прокурора города.

– Что домой их отвез. А надо бы – на штрафплощадку, – совсем хмуро пояснил капитан милиции. – Участковый так и советовал, да вот не послушался я, на свою голову... И вообще, разберитесь для начала: а может, ее, сумки-то, и не было? Тем более – с такой суммой...

– Вы что, нас во лжи обвиняете? – Лицо прокурора-потерпевшего разом пошло красными пятнами. – Да я тебя, не знаю что...

– Наручники на него! – поддакнула прокурорша. – И в камеру!

– Меня? В камеру? За что? – вскочил с места и рванул форменный галстук Шубин. – Да я пятнадцать лет... без единого взыскания... Медаль «За отличие в охране общественного порядка» имею...

– Ну не так-то это просто, Тамара Вячеславовна, – несколько охладил пыл разгневанной женщины заместитель прокурора города.

Бычков, Барибал и водитель-гибэдэдэшник, от которых уже все отвязались, с сочувствием смотрели на своего собрата по несчастью, которого явно было решено сделать «стрелочником».

Руководство райотдела словесную дуэль подозреваемого и обвиняющих слушало с отвращением, но не вмешиваясь. И тут в дверях «дежурки» появился начальник ГИБДД УВД города подполковник милиции Стрельников – прямой начальник попавшего в серьезный переплет инспектора дорожно-патрульной службы. Старшего офицера отыскивали и оторвали от свадебного стола племянника аж в соседнем районе.

Быстро уяснив положение дел, подполковник задал разумный вопрос:

– А не могло так случиться, что эту сумочку, со всем содержимым, возле гаража обронили, когда его открывали?

– Ну, знаете... – напустилась на подполковника милиции прокурорша. – За дураков нас принимать? Мы потому про нее и забыли, что он ее из машины украл! А домой пришли, хватились – нет.

– И тем не менее, – настаивал Стрельников, – почему бы и не проехать к гаражу? Вдруг да отыщется пропажа...

Кортеж из восьми машин под звуки сирены и ми-

гание проблескового маячка спецавтомобиля ГИБДД неся по городу. На громкие «уи-уи» из ворот гаражного кооператива выскочил сторож.

– О-о, Тамара Вячеславовна! А я вам еще вслед кричал, когда опять уезжали, – заискивающе проговорил он. – Сумочку-то вы здесь обронили. Ее снегом припорошило, но я углядел. Сей секунд сюда принесу...

Пока сторож ходил за сумочкой, девятнадцать человек (включая пятерых водителей служебных автомобилей) молча стояли, переваривая новость. Надо думать, что чета «потерпевших» – а особенно прокурор района – в эти минуты чувствовала себя не очень-то комфортно.

Когда сторож вручил Перовой кажущуюся на первый взгляд скромной дамскую фирменную сумочку, женщина, даже не поблагодарив его, тут же принялась перерывать ее содержимое.

– Заявленные как пропавшие ценности в полном объеме? – поинтересовался начальник ГИБДД. – Сотовый телефон исправен?

– Представьте себе, – отозвалась женщина. – Даже очень странно... И телефон работает...

Перед входными воротами гаражного кооператива вновь воцарилось напряженное молчание. Наконец Перова неохотно произнесла:

– Ну, это... Раз оно так получилось... Давайте выпьем бутылку коньяка и забудем...

Было понятно, к кому именно обращается прокурорша.

Водитель спецавтомобиля ГИБДД молча повернулся к женщине спиной.

Барibal сплюнул на снег и буркнул:

– Не извольте беспокоиться.

Бычков хмыкнул, сморщил нос и заявил:

– Есть у меня сильное желание в суд на вас подать... За клевету.

А Шубин, на котором скрестили взгляды девятнадцать пар глаз, отвечать не спешил. После долгой паузы все же разлепил губы:

– Бог вам судья... А вот вы меня без суда и следствия в камеру загнать хотели. Так неужели ж вы правду считаете, что я с вами за один стол... Да с такими людьми я на одном километре сроду не сяду!

– Что-о? – надвинулся на капитана милиции прокурор. – Да за такие слова... Публичное оскорбление! Завтра же ответите...

– А когда вы сами, на пару с супругой, меня материли – забыли, да? – тогда вопроса о публичном оскорблении не поднималось? – с усмешкой отпарировал Шубин. – Кстати, жаль, что мы не сто лет назад живем.

– Не понял... – растерянно произнес Перов.

– На дуэль бы вызвал, – разъяснил Шубин и медленно пошел к спецавтомобилю. Следом потянулись к машинам и остальные.

– Товарищ прокурор, – обратился к несостоявшемуся потерпевшему начальник ОВД, – надо бы в райотдел вернуться, объяснительные от вас с супругой принять...

– Еще чего! – опередила мужа прокурорша. – Что мы там забыли?

– Тамара, ну так положено, – попробовал угово-

рить жену Перов. – Вон скольким людям беспокойство доставили.

– Это их работа, – безапелляционно заявила прокурорша. – А поскольку письменного заявления мы не подавали, считайте, что его вообще не было. Домой, домой! – И, схватив мужа под руку, чуть ли не силой потащила к автомобилю. – Машину в гараж – и живо спать. У меня завтра в фирме с утра совещание...

– А я вам приказываю: отметьте в форме номер два против зарегистрированного заявления о краже из автомобиля, что записано ошибочно, – настаивал заместитель прокурора города по возвращении в ОВД, обращаясь к дежурному по райотделу.

Седовласый майор милиции категорически не соглашался:

– Хватит, один раз так сделал – из вашей же епархии проверяющий приказал выговор вкатить. Не-ет, дураков больше не имеется.

Несмотря на время за полночь, заместитель прокурора города позвонил домой начальнику УВД – с той же рекомендацией. Однако понимания не нашел...

Утром же начальник УВД города подписал заключение служебного расследования по факту случившегося, где в резолютивной части после общего для всех такого рода документов пункта первого: «Служебное расследование считать оконченным» следующим стоял пункт второй: «За невыполнение требований должностных инструкций и статьи 245 Кодекса об административных правонарушениях РФ, выразившееся в непринятии мер по привлечению к административной ответственности лица, управлявшего транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, привлечь к дисциплинарной ответственности правами начальника ГИБДД УВД города, старшего инспектора дорожно-патрульной службы капитана милиции Шубина С.Е.».

К обеду уже был готов проект приказа о наказании, а к вечеру приказ подписан. Сотруднику ГИБДД, не скупясь, впиали «строгач».

Получая на следующий день в кабинете Стрельникова выписку из приказа, Шубин мрачно поинтересовался:

– Ну а если бы я все сделал, как по теории надо? То есть Тамару Вячеславовну – на освидетельствование, а БМВ – на штрафплощадку?

– С ума сошел! – осуждающе покачал головой умудренный четвертью века службы главный городской гибэдэдэшник. – Ты б после этого и недели не прослужил...

– Выходит, куда ни кинь, всюду клин? – возмутился Шубин.

– Выходит... – сочувственно согласился Стрельников. – Понимаешь, Сергей, как иногда говорят в американских фильмах, оказался ты в неподходящее время в неподходящем месте... Кстати: помнишь перечень лекарств в сумке? Типичный набор богатого алкоголика. При плохом кровообращении и посаженной печенке.

Вздыхнул и добавил:

– А ведь поначалу вас всех четверых наказывать хотели... Ну, раз так вышло, что ты один «по делу прошел», вправе с «подельников» магарыч истребовать. Ладно, давай, иди... Александр Матросов...

Николай ЕГОРОВ

Член Союза писателей СССР с 1962 года. Член Союза российских писателей с 1991-го. С 2001 по 2003 годы возглавлял правление Ростовского отделения СРП.

Родился в 1923 году в Грозном. К началу войны окончил девять классов. После школы был направлен в военное училище. Участвовал в боевых действиях, был командиром взвода разведки, командиром роты стрелкового батальона, помощником начальника штаба стрелкового полка.

С 1946-го по 1956-й работал в газете «Грозненский рабочий». В 1955-м окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС (отделение журналистики). После переезда в Ростов-на-Дону в 1957-м трудился ответственным секретарем журнала «Дон», позднее в областном телерадиокомитете, преподавал журналистику в Ростовской ВПШ, затем в Северо-Кавказской академии госслужбы.

Первый сборник стихов «После дождя» вышел в 1956 году в Грозном, второй «Мы остаемся молодыми» в 1958 году в Нальчике.

Автор более двадцати книг. Работает как в поэзии, так и в прозе, и в публицистике, ему принадлежит множество переводов стихов и прозы.

Лауреат журналистской премии им. М. Шолохова, литературных премий им. Зафруткина, им. Недогонова, премии за лучшие произведения о селе. Награжден двумя губернаторскими премиями, орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, двадцатью медалями, отмечен тремя почетными знаками.

В 2007 году был принят в Союз художников России.

Живет в Ростове-на-Дону.

«МОЙ ВЕК: ВСЯ ЖИЗНЬ – И ТРУД, И БОЙ...»

* * *

Не пресечется связь времен –
не позабыть нам тех имен,
что обозначили собой
годов безудержный прибой
и в нем – в черед – девятый вал,
что сам себя и разбивал
о грудь скалы береговой
под ветра озверелый вой:
врезаются во времена
то бунт, то голод, то война,
как вечный знак времен и лет,
а им забвенья – нет и нет.

* * *

Мы содрогались не от страха,
а содрогались мы от страсти,
хотя земля вздымалась прахом
и нас могло порвать на части.
Но в роще, на траве пожухлой,
дарились мы своей любовью,
и вещей филин громко ухал,
предчувствуя кровавость боя.
Тогда мы жизнью смерть поправили,
и памятью о том и живы –
по праву молодой морали:
слепой, доверчивой, нелживой.

* * *

Мой век: вся жизнь – и труд, и бой,
и долги верности отчизне,
и стала жизнь моя – судьбой,
судьба моя и стала жизнью.
Эпоху не искал свою –
мне выпасть не могла иная,
и я стою, где я стою,
живу, и жду, и вспоминаю.
Суди меня иль не суди
во времени своем и весях –
не впереди, не позади,
а в нем – неотделимо – весь я.

* * *

У меня уже не кровь, а время
в венах и артериях течет:
кажется, что я со дня творенья
с пульсом собственным сверяю счет
мир наш сотворяющим событиям,
и на первой линии огня
среди убитых и среди неубитых
опознают близкие меня.
Я старею, но не постарею,
дням своим не потеряю счет:
бывшее и будущее –
время
вовсе из меня не истечет.

* * *

Мы сверили часы с эпохой,
мы сверили с эпохой шаг
и – поспеваем, и – ни оха,
и – только ветра свист в ушах.
Эпоха выпала – лихая,
дорога выпала – крута,
но долю нашу мы не хаем
и не кривим брезгливо рта.
Не жадность нас вела, не похоть,
вело нас долгом на большак:
мы сверили часы с эпохой,
мы сверили с эпохой шаг.

* * *

Как с неба дальний журавлиный клик,
мне слышится: мое уходит время:
в иных годах, иной, знакомый, лик –
да, лишь знакомый из-за черт старенья.
И не раскинуть мне теперь крыла –
они зудят, полеты вспоминая,
и краски увяданья обрела
вся жизнь моя – совсем уже иная.
Я грежу о минувшем, о былом:
ты в нем, и мы навеки разминулись.
А оттремел на речке ледолом,
и вешний свет течет по руслам улиц.
Весна, весна!
Но не моя весна –
моя давным-давно в иных долинах,
лишь долетает нежный, как из сна,
печальный отзыв – кликом журавлиным.

* * *

Мерцают грустные созвездья
в небесной черной глубине.
Какие неземные вести
передают, земному, мне?
Что кроется в игре лучами –
в их пересверке по ночам?
Я вслушиваюсь в их молчанье,
прислушиваюсь к их речам –
ужель уйду и не пойму я
миганья мягкого лучей,
не высказанного впрямую,
и смысла пауз меж речей?
Могу насочинять гипотез,
пригодных на какой-то миг,
но вечной правдой озабочась,
искмое найду ли в них?
Смириться, думая о том, как,
разгадывая свет и тьму,

я ведь ни предков, ни потомков –
в земных пределах – не пойму?
А те созвездия стоусто
мерцают в черной глубине –
не перевесть речей, а грустно.
Да мало ли, что грустно мне?

* * *

Стена золотится напротив
от солнечных жестких лучей –
вверху, на крутом повороте,
светило всего горячей.
Дышать тяжелее от зноя,
и от перегрева красна,
мне кажется, вот-вот заносит
огромным животным стена.
И это не летом, а в мае,
и мне, человеку-т, как?
И давят меня и ломают
Усталость, тревога, тоска.
И вроде не столь уж я хилый,
однако во всякий мой миг
меня потрясают стихии –
что делать, и я ведь от них.

* * *

Я верую, конечно, верую –
не в небеса, что надо мной,
а в землю под ногами, серую,
и не мечтаю об иной.
То в зелени она, то в золоте,
то в белизне снегов зимой,
и, даже холоден и голоден,
я не мечтаю об иной.
Незаменима и единственна,
неповторима и родна,
неколебимая, как истина,
есть символ веры мой – она.

* * *

История не ставит точек,
скорее точки и тире:
она не может и не хочет
ни помереть, ни постареть.
Она сама в себе и длится,
как длится без конца кольцо,
как исчезающие лица
вбирает новое лицо.
Находят друг на друга вести,
и точки и тире, что писк –
грядущее с минувшим вместе
сливаются, сверкая, в диск.

Александр СOBOЛЕВ – член Союза российских писателей с 2008 года. Родился в Ростове-на-Дону в 1952 году. Окончил физический факультет Ростовского государственного университета.

Автор поэтических сборников «Дважды в реку» (2005), «Настоящее имя вещей» (2007), «Горный арык» (2010), «Медитация на рисовом зерне» (2012).

Публиковался во многих литературных журналах. Отмечен премией журнала «Ковчег».

Лауреат фестивалей «Ростовская Лира» (2006 г.), «Междуречье» (2007 г.), лауреат конкурса «45-й калибр» (2015 г.).

Живет в Ростове-на-Дону.

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

ГОНЕЦ

*«И дольше века длится день...»
Б. Пастернак*

Из средних – средний, этот век
клинки оржавленные скалит...
В Козельске, Муроме, Москве
еще и слыхом не слыхали
об азиатской саранче –
а между тем пылают бревна,
и косят лезвия мечей
одних своих, единокровных.
Не остановят их труда
ни купола, ни панагия –
за то и послана Орда.
Им несть числа. Они – другие.
Они грядут издалека,
пока пожары не остыли,
от мест, где русская река
уже становится Итилью.

...Когда немереная степь
цветет полотнами тюльпанов,
об этом можно только спеть,
самозабвенно и горланно...
Там, из конца в другой конец –
еще росистый путь не высох –
спешит-торопится гонец
к шатрам великого Чингиса.
Стреле не встретится помех,
впивают ноздри запах пряный,
ковыль, бунчук да волчий мех
у степняка на сальных прядях
восточный ветер мнет и треплет.
В прозрачной неба нагоде –
крестообразной птицы трепет...
И больше нечего хотеть.

А зной растет. И длится день.
То море в мареве блазнится,
а то порой ладони тень
скользнет в раскосые глазницы,
и капля пламени ползет
по направлению к закату.
Тысячелетний чернозем
и волны трав солоноватых.

* * *

Туман... туман... Сырая пелена
грунтует холст... Полста вторая осень
сезонной меланхолии полна.
Белесый воздух плотен. Иглы сосен
его сгущают в бусины, да так,
что каждая надета на хвостину,
принадлежа ветвям наполовину,
но тяготея к травам. Это знак,
что нам уже не светит бабье лето...

Иные кроны догола раздеты,
а рядом – шамаханская парча,
этиод в академическом альбоме
за тонким слоем кальки. И любое
движение: скольжение грача,
неторопливый клок печного дыма,
грибами порастающий пенек –
от мутного белка неотделимы.

Летит неяркий желтый огонек,
за ним летит через минуту новый...
Паучья сеть становится основой
для ткани медитации, устав
висеть без дела... бисерные нитки
растянуты на лозах... Две улитки
на ложе виноградного листа
осенних чувств испытывают прелесть
и делают, что в голову взбрело,
под кисеей тумана, в нежной прели
преображаясь в чувственный брелок.

В природу запустенье внедрено...
Лежат лужаек рваные тат ми,
где колтуны примятых бурьян в
привычно вспоминаются цветами,
но, впитывая утреннюю мглу,
цветут – ты не поверишь! – анемоны,
друг другу уступая церемонно
последнюю бездомную пчелу.

...Вот новый лист по воздуху несет,
собирает лепту время – строгий мытарь...
Все млечно, растушевано, размыто –
и тихо все...

* * *

*...Но бедную хижину знал я когда-то.
Н. Заболоцкий*

Сотраждане!.. Коллеги!.. Господа!..
Товарищи... (простите за архаику).
Не надо слабых авторов охаивать,
послушайте, пожалуйста, сюда.
Не сведущим как должно в языке
труднее, чем изысканным и метким.
Возьмите за основу этикет,
не торопитесь клеить этикетки!

Ночной порой, в сумбуре дел дневных, –
они под игом страсти всемогущей:
творениями их наводнены
словесности развесистые кущи,
а вкус лишь иногда ночует там...
все так... Но уважайте чувство вчуже,
и не швыряйте камни по кустам,
намереваясь подшибить пичужек.
Оставьте им надежду на успех!

Решил неаттестованный любитель
сказать в защиту тех, кто не успел,
не вышел на высокую орбиту,
кто, обретаясь в домике саманном,
мечтает сделать хижину дворцом...
В защиту наших братьев - «графоманов»
и одного, кто был моим отцом.

* * *

*Осенний крик ястреба.
И. Бродский*

1.

...Наряду с другими – и нашего брата –
поэта смущающий странностью голоса –
он когда-то был persona non grata,
но, возможно, был и посланцем Логоса.
Из статьи о нем, для многих – кумира,
(написанной до того, как его похоронят):
«Противостояние человека жесткому миру
осмыслено в духе романтической иронии».
Уникальность этого эстетического факта
обусловлена неповторимостью автора.
Уберем же предвзятости катаракту
и оценим факт из ближайшего «завтра».
...Он звучит, привычному вопреки,
игнорируя нормы во многих случаях,
и порезаться можно на сколе строки,
и висят абордажные рифмы-крючья.
Он внедряется в память – и раной саднит,
он какой-то жестокий секрет постиг,
оставаясь при этом только одним
из бесчисленных срезов реальности.

2.

...Далеко от Нью-Йорка и Сан-Диего,
и от прерий, затканых ковылем,
где в избытке снега – но только снега,
где скребет о мели паковый лед,
где и летом не щедро солнце к природе,
а зимой – лишь складчатые миражи –

иногда отрешенным сознанием бродит
тот, который с бродяжьей фамилией жил,
той же нации, но не из тех людей,
что опять покупают в Намибии копи;
препаратор фразы, поэт-иудей,
безразличный к попыткам офсетных копий
со стилистики нобелевского лауреата,
равнодушный к всемирному «гран-мерси»...

...Голубой бриллиант в девятьсот каратов
на канадском черном небе висит.
Льется черная тьма из Большого Ковша,
сыплет с Млечной Тропы молоко сухое
в эту тьму, где неровно мерцает душа,
не нашедшая в жизни себе покоя.
И молчания песня – как долгий вой
над волнистым пространством сухого снега,
под луной, ледяным бессмертьем больной...
И алмазный шип – безумная Вега
умножается в блеске сионских звезд,
(в мириадах кристаллов, готовых вспыхнуть).

Длятся тени, упавшие в полный рост,
длятся скалы, лиственницы и пихты,
из прорехи времени выпавший цент, –
длится миг между «будет» и «только что спето»,
и почти не заметен р шен-акцент
у равнин, облитых алмазным светом,
но отсюда ближе к цеп чке дюн...

...Там такой же снег с таким же альбедо,
там он был – и был незащитно юн,
там живет не забытая им обида –
только память, без доли телесного брутто –
неостывшим, давним, усталым горем...
...Ястребиный пух из Коннектикута
порошит из туч над Балтийским морем.

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

Забирает морозец. Потом понемногу светает,
голубеет – и мрак растворяется сам по себе.
Златоглавый дракон, прилетающий к нам из Китая,
распускает усы по холодной эмали небес.
В перепончатых лужах рождаются ломкие блики,
начинается день. Золотое блаженство лия,
над извивами речек летит и летит Огнеликий,
и дымящейся влагой промыта его чешуя.
Там, внизу, индевеют поля и дремучие плавни,
поревшие заросли – грифель сквозящих картин...
Оставляя повсюду следы философского камня,
эта осень проходит – и все-таки медлит пройти.
В анфиладах садов то ли эльфы, а то ли сальфиды
драгоценными искрами тешатся. Феи с утра
по жерделам развесят – и сушат руно из Колхиды.
И не горько терять...
И расстаться еще не пора,
потому что ни кровь не спешит, ни древесные соки,
и в ковше у колодца свежа от зари до зари
дождевая живая вода, а на ветке высокой
молодильного яблока крепкий румянец горит.

Татьяна ФОМИНОВА – член Союза российских писателей с 2001 года. Родилась в Хабаровске в 1963 году. В 1986 году окончила Пятигорский фармацевтический институт.

Автор нескольких поэтических сборников: «На ноте Си», «В ожидании счастья», «Закон несовпадения» и других. Одна из авторов поэтического сборника «Ростовское время» (1991 год). Публикации в журналах «Дон» (Ростов-на-Дону), «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Нана» (Грозный), «Волга XXI век» (Саратов), альманахе «Южная звезда» (Ростов-на-Дону).

Участник нескольких радиопередач из циклов «Зеленая лампа», «Дон литературный». Лауреат конкурса «45-й калибр» (2015 год).

Живет и работает в Ростове-на-Дону.

КОРАБЛИК ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

* * *

Она стояла на пороге,
смотрела вдаль из-под руки.
Там уходящие шаги
дымились пылью по дороге.
Там были все ее мужчины:
отец, и брат, и муж, и сын.
Степная пыль стирала спины
ее единственных мужчин.
Спокойным жестом гордых женщин
со лба откинув прядь волос,
она смотрела вслед ушедшим
без пресловутых бабьих слез.
Как будто кто-то изнутри,
а может даже кто-то свыше
приговорил ее: Смотри!
Смотри, пока жива и дышишь.
И вот они уже ушли,
но взгляд все так же сух и светел.
Они растаяли в пыли.
Там только пыль и только ветер.
Но нету силы отвернуться.
Уже предчувствуя беду,
конечно знала: не вернуться,
и свято верила: дойдут.

* * *

Одиночества нет – есть закат, уплывающий в море.
В каждом всхлипе весла по мерцающей глади огня
Ощущенье тоски и огромного детского горя
От безмерной потери ушедшего летнего дня

Одиночества нет – есть дождя золотистые блики
В хризантемных лучах прорывающих ночь фонарей.
Одиночества нет – есть хорошие верные книги
Есть чужие шаги и звонки у соседских дверей

Одиночества нет – есть рассвет на израненных лапах,
Что крадется всю ночь и скулит, словно брошенный пес.
Одиночества нет – есть устойчивый въедливый запах:
Холод лестничной клетки ударит в прокуренный мозг.

Одиночества нет – есть упрямая вера: так надо!
Есть привычная боль, от которой не больно уже
И запекшийся след, как на чашке губная помада
В неожиданно так опустевшей, остывшей душе.

Одиночества нет – есть окурки
на брошенных блюдцах
Неуютность уюта в обломках чужого добра.
Одиночества нет – есть желание попозже вернуться
И в раскрытую дверь заходить,
словно в черный квадрат.

ВЕТЕР

Скуля по-собачьи и волчьи,
вишневым цветением светел,
метался по городу ночью
отчаянный раненый ветер.
Он выплеснул боль в поднебесье
заплаканным тучам на откуп.
Свою бесшабашную песню
он пил, как холодную водку.
Рыдал над поломанной веткой,
и просьбам пощады не внемля,
смеялся над рваной газеткой
и бил ее мордой об землю.
Он выбросил в речку с откоса
кораблик из старой тетради.
Мою расплетенную косу,
как мальчик застенчивый, гладил.
Свистел на прохожих нахально,
отнять сигарету готовый
и в форточку маминой спальни
стучался, как сын непутевый.
Вернулся твой мальчик упрямый,
вернулся устал и нечаян.
Впусти его, добрая мама,
налей ему водки и чаю.
Он просто иначе не сможет,
таким уж родился на свете –
не тихий, покладистый дождик,
а вольный, порывистый ветер.

* * *

Догулялась над быстрой рекой
до озноба, до горькой беды -
ведь у губ его привкус такой!..
Как у талой весенней воды.
Речка полная – пей, не хочу! –
с ледоходом до самых краев.
Поцелует – с обрыва лечу
в непутевое счастье мое.
Полетели вишневые дни
лепестками в прохладный поток.
Мне бы всю мою жизнь изменить!..
Всю бы реку – на счастья глоток..
А у глаз его отблеск такой!..
Как влекущего, в искрах, огня.
И беду – словно щепку рекой.
Потому что он любит меня.

* * *

Мне рано подводить итоги, но вот он –
нынешний итог:
стою ольхою у дороги на перепутье трех дорог.
По той, которая направо, пройду направо не спеша:
играет зеленую дубрава и тихо молится душа.
Мне дети выбегут навстречу, и в окружении детей
мне будет светел долгий вечер –
уютный, добрый, без затей.
По той, которая налево, уйду на пламенный закат,
хозяйка бала, королева, мне Мастер – муж,
мне дьявол – брат.
И я пойду по той, что прямо..
Под ноги – осени листва.
И мне откроет двери Мама.
Пока она еще жива...

* * *

День прожит так, как будто спет
на ноте Си – легко и звонко,
и голос тоненький ребенка
закончит бережно куплет.
Но за мгновенье до того,
как станет этот день вчерашним,
мне очень холодно и страшно
за эту прожитость его.
Здесь завтра не разбудит свет
ослепших окон взгляд погасший.
Мне очень холодно и страшно,
что больше нот в октаве нет.

* * *

Я пишу Вам из города листьев опавших
и спешу сообщить, что последний листок
у дороги прилег, словно путник уставший,
и нечаянно умер... А может не то
я хочу написать Вам из осени ранней...

Я хочу рассказать, как в холеных садах
наливаются яблоки спелым желаньем,
словно девичьи груди желаньем стыда.
Из избушки лесной, забинтованной снегом,
я пишу Вам о том, как мне плохо без Вас,
как сейчас я повисла б на шее с разбега,
целовала и гладила бы целый час
Ваши мягкие волосы, жесткие руки..
Я пишу Вам из долгой полярной зимы.
Я пишу Вам, мой милый, из нашей разлуки.
Отвечайте из лета, где встретимся мы.

ПОДАРОК САМОЙ СЕБЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

У каждой женщины своя
судьба, как музыка у песни,
все кружит – на круги своя
замкнет, не вырвешься, хоть тресни.
Мелькают годы, как картинки
в альбоме, юность всем к лицу.
Иголка кружит по пластинке
и приближается к концу.
Она пока на серединке..
Ты помнишь бабушку?
С трудом..
Иголка кружит по пластинке,
и мы по музыке идем.
Она размеренно бинтует
тугим бинтом небытия
мне кудри белым и диктует:
«У каждой женщины своя
судьба, как крест...»
В шампанском льдинка.
Мне двадцать? тридцать? сорок пять?..
Да что мы словно на поминках!
Пока не кончилась пластинка,
давайте лучше танцевать...

* * *

...все времени нет – не прочитана книга.
Закладка торчит, словно в ране кинжал.
Глухая жестокость тупого ножа
не слышит пронзительность книжного крика.
Опять не хватает каких-то полдня,
чтоб выстирать память и вычистить душу.
А время становится жестче и суше,
наверно, ему не хватает меня..
Маршрутка летит бесконечною трассой.
Потом объясняй на последнем суде,
что, мол, не хватило какого-то часа
обнять напоследок любимых людей...

Сергей СУШИЙ – член Союза российских писателей с 2000 года. Родился в 1961 году в Ростове-на-Дону. Окончил геолого-географический факультет Ростовского университета в 1983 году.

Автор четырех книг прозы (первая из которых – «Дом под летним небом» вышла в 1993 г.) и двенадцати поэтических сборников, изданных в Москве, Ростове, Таганроге. С 1994 года публикуется в художественной периодике: журналы «Знамя», «Арион», «Дети Ра» (все – Москва), «Ковчег» и «Дон» (Ростов-на-Дону), «Интеллигент» (Санкт-Петербург), «Веси» (Екатеринбург), «45-я параллель» (Ставрополь).

Лауреат «Илья-премии» (2003 г.) и премии журнала «Ковчег» (2007 г.)

Культуролог и социолог культуры, главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, доктор философских наук, автор девятнадцати монографий.

Живет в Ростове-на-Дону.

АНТАРКТИДА

Бороться, искать...

А. Теннисон

I

За двухметровым торосом будет ветер. Порывистый и такой силы, что лучше его встретить, пригнувшись, наклонив корпус вправо. Андрей дернул за веревку и сани с поклажей нехотя сдвинулись еще на полметра.

Сколько он сегодня прошел? Километров пятнадцать точно. Может, семнадцать. Надо бы двадцать, а лучше двадцать два. Но силы уже на исходе.

Он с тоской оглядел завьюженную широкою – метра в три – расщелину между льдами. Километра два надо пройти еще обязательно. Он каждый день недобирает, все больше отставая от графика.

Голова закружилась. Неуклюже переступая толстыми унтами, сделал три шага назад и тяжело опустился на сани. Не снимая варежки, сунул руку в нагрудный карман куртки и достал хрустящую фольгой плитку шоколада. Развернул, деревянными пальцами отломил треугольник. Шоколад был твердый и острый, как стекло. Осторожно боковыми резцами (передние зубы несколько дней сильно болели) откусил острие треугольника. Стал медленно жевать.

Мороз сегодня был поменьше, чем все последние дни. Градусов тридцать – тридцать пять. Но появился ветер. Встречный. Всё утро он бил в лицо, даже при небольшой скорости – метров пять-семь – превращая ходьбу в обжигающую муку. Вот и недобор километров.

Андрей отпирал в рот остаток шоколада, было встал, но решимости не хватило, и он остался сидеть, бессмысленно глядя под ноги. Минуту, две, пять. И дольше, дольше.

«Так нельзя. Иди или ставь палатку... палатку... Какая палатка?! Четырех еще нет! Давай паря, давай...».

Наконец пересилил себя, зашевелился, встал и, подхватив веревку от санок, побрел вперед...

Вечером, уже в палатке, отогревшись чаем, сделанным на спиртовке, Андрей, словно внутри что-то заело, крутил один и тот же простейший расчет: хода

еще семьсот кэмэ. А до склада с продовольствием чetyреста. Ну, может, триста пятьдесят – триста семьдесят. Если по двадцать в день – до трех недель. А еды дней на десять – двенадцать. Можно, конечно, растянуть. Но силы? Чтобы идти, нужны силы...

II

Сигаретный дым вился к потолку. Прозрачный столик-эллипс между тяжелыми кожаными креслами был заставлен пустыми бутылками и разоренной закуской.

– Что, Олежка, накрывается твой полярник?

Олег, грузный, выбритый наголо сорокалетний мужик, с широкими скулами и коротким боксерским носом, не ответил, только потянувшись из кресла, взял со стола большую рюмку.

– Вот тебе и Амундсенансен... – Его товарищ – длинный, сухощавый – легко переместился от окна ко второму креслу, присел на подлокотник. Нервное острое лицо передернуло улыбкой:

– Пять лимонов...

– Достал, Виталик. Еще не вечер... – Олег с досадой вернул полную рюмку на место.

– Он уже сейчас доходяга. – Виталий уже не улыбался. – Неделю и всё. Сам же видишь.

– Что я вижу, что?!

– Больше пятнадцати в день уже не ходит. Жратвы у него недели на две. А до склада чetyреста верст. И еще триста потом... – Виталий легко снявшись с кресла вернулся к окну. Вставил в тонкие губы сигарету. – Не в падлу смотреть, как он там околеет?

– Его дело, – буркнул бритый. – Идет и пусть идет. Не хер было пяткой в грудь стучать – полярник, полярник...

– А все-таки пять лимонов не хрен собачий. – Виталий потянулся, хрустнув суставами. – Конечно, обидно.

– Ладно, ладно, – заколыхался в кресле Олег. – Говорю же не вечер. Пацан упорный... Посмотрим еще.

– Посмотрим, – кивнул товарищ, но снова не

удержался. – Ждать недолго. – И подсмотрев, как дернулось лицо бритого, сменил тему. – Ну да фиг с ним. Подумаем лучше, что теперь с ангаром делать. Триста тонн вломили. Не коню же под хвост.

– А что с ним? В холодильник обратно.

– Жалко...

– Жалко, сам знаешь у какого зверя... – Олег зацепил с тарелки рубиновый кругляш колбасы. – Какие еще варианты?

– Какие? – Виталий выписал сигаретой воздушный вензель. – Ну, может, еще одного полярника запустить.

Олег нервно дернулся в кресле:

– Это ты уже с кем другим рубись...

– Постой, постой. Не за бабки. Насчет этого, что сейчас, мы с тобой, скажем так, эксклюзивно забились. Дуба даст – и делу венец. Но западлю же такую систему рушить. Один к одному – Антарктида! Ведь всё продумано! Всё! Ты вспомни, сколько промудохались, чтобы эти, как их... торосы двигать и трассу менять... или пургу с нужной стороны запускать.

Соскочил с подлокотника. Сунув руки в карманы, заходил по комнате.

– Давай, что ли, академиков там или этот... Гидромет прощуаем. Я насчет аренды.

– Нашел кому предлагать, – хмыкнул Олег. – Да они с паперти не слазят! Во всех кабинетах по рублю на жизнь строчат.

– Так и я о том! Что-то ведь им кидают. Хватает же на настоящую Антарктиду. Я когда с тобой забился, даже этим делом увлекся, спецом про эту Антарктиду разузнал. У наших там и сейчас четыре станции. Еще те бабки. А тут, прикинь, тренировочная база под боком.

– Какая на хер база! Пол-России круглый год такая база. Чубайс зимой рубильник вертанет и тренируйся до уси... Короче, сдать ангар Узбеку и с концом. Пусть свое мясо держит. Влезет немерено. Нормальное бабло пойдет. Не то что база какая-то, академики...

– Насчет академии ты к слову... Просто облом такую красоту баранине дарить. У меня по городу в такой аренде и так до хрена. На десять жизней хватит. А это... Олег, ты вникни... – Виталий словно споткнулся о хмурый взгляд компаньона. – Понимаю, пять лимонов на ровном месте... Обидно. Но не последние же... Хрен с ними, забудь. Понимаешь, простой сарай каменный – тридцать на пятьдесят. А внутри – целый материк! Ледяная земля!

Завелся от собственных слов:

– Ростов. Июль. Тридцать в тени, а там... Двадцать метров отсюда, – ткнул сигаретой в стену. – Там сейчас выюга, минус сорок. Заносы двухэтажные, ветер с ног валит. Вон, смотри, как палатку рвет...

Кивнул на огромный монитор, в центре которого трепетала, а иногда начинала ходить ходуном синяя нейлоновая полусфера.

– В палатке мужик. Ему до людей еще семьсот верст. Представляешь! – Виталий кажется сам заново поразился этой мысли. – В июле!! В центре Ростова! По хер! Пока всё не пройдет, ни одной живой твари не встретит. Материк...

Немного успокоился. Потянулся к столику, ткнул в пепельницу бычок и тут же ловко выпернул из пачки новую сигарету.

– Только звезд не хватает, но и это – захотим, сделаем. – Вытянув губы, с удовольствием пустил вверх

табачную пряжу. – Понимаешь! Это тебе не Узбек со своими тушками.

– Какая разница... – проворчал Олег.

– Alles... – Виталий одним движением смял в пепельнице только начатую сигарету. – Твою долю в ангаре я выкупаю. Как раньше забивались – по полной цене плюс тридцать пунктов сверху. Чтоб без дерьма. А что дальше, мои заботы...

III

Согреться не удалось даже в спальнике. Только когда, высунув руку в ледяной мрак и нащупав в рюкзаке второй свитер, Андрей надел его на себя, стало тепло.

Может, и не стоило так самозабвенно врать этим лбам о своем полярном прошлом. Но ведь Антарктида!

Он вспомнил черно-белый рисунок в углу страницы. Трепаная библиотечная книжка о знаменитых путешественниках XX века сама открылась на этом развороте – сквозь косые завороты выюги, наклонясь вперед, шел бородатый человек.

Это был Роберт Скотт. Он шел навстречу своей смерти. Уже покорив Южный полюс и всё равно оставшись вторым. Амундсен успел к цели на месяц раньше. И разочарование убило Скотта. Конечно, чтобы умереть, понадобились ещё холод и истощение. Но если бы горечь поражения не выжгла изнутри его и двух спутников во время обратной дороги, они бы не замерзли в двадцати километрах от склада с продовольствием.

Это Андрей разобрал много позже, когда уже были прочитаны дневники Скотта и его удачливого соперника Амундсена, а потом и всё, что сумел достать об Антарктиде в трех библиотеках – школьной, детской городской и пэтэушной. Но и в тот первый раз, обмерев над маленьким, в спичечный коробок, рисунком, он, наверное, мог бы сказать – «вот она судьба...», если б только сумел облечь в слова охватившую его пронзительную тоску.

Впрочем, то, что это судьба, подтвердилось лишь в последние месяцы. А до этого были школа, училище, армия. Затем охрана автостоянки, погрузка тортов и карамели на конфетной фабрике, посуточная работа в торговом ларьке, бензозаправка... Где она – Антарктида?! Там же, где все наши детские мечты. Книжные миражи, которых в жизни нет и быть не может. По крайней мере, для него – пацана с рабочей окраины. Когда тебе двенадцать – мечтай о чем угодно. Хоть об Антарктиде. Еще три-четыре года и всё кончится. Так или иначе. Вариантов немерено, но Антарктиды среди них никогда не будет. В свои двадцать шесть он уже успел в этом убедиться. И вдруг...

Ведь это было с ним! Он дошел! Три недели назад на Южном полюсе он вырубил во льду лунку для своего именного флажка. Правда, добрался с задержкой. Отставание от графика началось почти сразу. И к полюсу набежало дней десять. Но ведь цель достигнута!

«To strive, to seek, to find and not to yield». Он воскресил в памяти фотографию с Наблюдательного холма на антарктическом острове Росса. На этот холм поднимались люди из экспедиции Скотта, рассматривая ушедших к полюсу товарищей. А потом, в память о погибших, водрузили на его вершине деревянный крест. И на доске, прибитой к кресту, выреза-

ли эти слова, которые Андрей хотел бы сделать девизом и своей жизни. У него получилось...

Он уже давно не вспоминал, что в простой геометрии этого мира, в двух десятках шагах от него, истекает жаром огромной июльский город и пластилиновый асфальт проминается под каблуком даже ночью. Из окружавшего его ледяного пространства, скованного вечным январем, выхода в тот июль все равно не было. И это не казалось ему парадоксом.

В конце концов, кто знает, какие миры находятся на пересечении с нашей повседневностью? Ведь никого не удивляет такое замкнутое в себе пространство, как наше тело. Со своей температурой, давлением, запутанным трехмерным ландшафтом и избыточным разнообразием органов-регионов, столь отличных от прилегающих снаружи земных окрестностей.

Но верно есть и другие, такие же самостоятельные миры, у каждого из которых свои законы, установленные раз и навсегда или же по одному конкретному случаю. Случай Андрея был вполне конкретным. Чтобы вернуться в мир к людям – он должен пройти четыре тысячи километров. Две – до гипотетического Южного полюса и столько же обратно. Из них три тысячи триста уже позади. На что же ему сетовать? Если об этой дороге он мечтал почти всю жизнь. Если почти три месяца убеждал дать ему такую возможность. И был счастлив, когда всё устроилось и он получил деньги для снаряжения и припасов.

Цель достигнута. Он дошел, коснулся полюса, хотя всегда знал, что главная мечта его жизни неосуществима. Если теперь ему не удастся вернуться, он не в накладе. И снисхождения не ждет. Дело ведь не в особой кровожадности или жестокости мира, а просто в его суровой упорядоченности – при которой все имеет свою цену, оплачиваемую жизнью...

«Жалко только, что здесь не видно звезд...» – Андрей уже спал, утопив лицо в теплой шерсти спальника.

...Через неделю он проходил уже только шесть-семь километров в день. Потом – не больше пяти. Но все равно, каждое утро поднимался, собирал и грузил на сани палатку и прочий скарб, брел по широкой расселине между двумя торосами – когда по голому льду, а когда по глубокому снегу. Скорость его составляла не больше километра в час. Но он продолжал идти...

IV

Урчала сплит-система, снижая до комфортной прохлады уличную жару – весь день в тени держалось за тридцать пять. Вытянувшись в креслах, Олег и Виталий уже с полчаса смотрели на монитор в центре которого, всё сильнее клонясь на встречный ветер, механически брела закутанная фигура.

– Совсем доходит, – Виталий приложился к потному высокому стакану. Посмотрел на Олега, но тот промолчал. – Пару дней пацану осталось.

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего...

...Урчал сплит, все также двигалась по монитору фигура человека. Виталий щелкнул пальцами, вспоминая:

– Слушай, насчет пятна на Кировском. Ты как... не думал еще?

Олег неопределенно пожал плечами, и Виталий

хлопнул ладонями по круглым подлокотникам:

– Удивляешься... Где еще в центре семьдесят соток...

– Ну, скажем не семьдесят, – Олег почесал большим пальцем скулу. – Шестьдесят если наберется...

– Шестьдесят?! А если семьдесят пять! Лично посылай вымерять!

– Да ладно. Что я этого пятака не знаю? Пятьдесят на сто двадцать...

– Какие пятьдесят! – Виталий почти выскочил из кресла, но тут же упал обратно. – Пустой базар. Давай съездим, посмотрим. Как ты?

– Нормально.

– Тогда сейчас.

– В самую жару? – поморщился Олег.

– Ты что, на трамвае поедешь? Или... – Виталий сладко ощерился. – Или тебе в кайф вот это смотреть? – кивнул на монитор, в котором всё также ритмично качалась на ветру бесформенная фигура.

– Поехали... – Олег выбрался из кресла. – И к Арсену на минуту заскочим, по авторынку вопросец есть...

У Арсена, однако, минутой не обошлось. Потом была пробка на Садовой. И другая, на обратном пути. В комнате с монитором они оказались уже ближе к вечеру.

– Ну что, проведем полярника – Виталий подхватил со столика пульт. – Ты как? – Обернулся к товарищу.

Олег кисло поморщился.

– Не вижу энтузиазма. – Виталий щёлкнул пультом. – Взглянем одним глазком и сразу по коньячку...

Экран вспыхнул ослепительной звездочкой и развернулся. Засветилась снежная извилистая трасса, на которой отчетливо смотрелась красная точка. Виталий нажал кнопку масштаба и точка превратилась в человека...

Прошедшие часы, видимо, стали переломными. Андрей уже не шел, а скорей имитировал движение, безвольно расклевываемый ветром.

Несколько минут они молча смотрели на борьбу человека со стихией, близкую к своей развязке.

– Олежек... – Виталий прочистил подсевший голос. – Может, хватит пацана мучить?

– Он, кажется, ни о чем не просит.

– И не попросит. Знает, что бесполезно.

– Вот и пусть идёт.

– Ты это называешь, идёт?! – Виталий ткнул пальцем в экран. – Он уже вечером накроется!

– Чего ты хочешь? – прошипел Олег. – У нас кажется всё обговорено. Он идёт, и нет базара.

– Верно, идёт. Но базар всё же есть. – Виталий улыбнулся, показав мелкие острые зубы. – Предлагаю кончить... Слушать! – властным жестом осадил товарища. – Соглашаешься – лимон снимаю. Значит с тебя – четыре. Не захочешь – хозяин-барин. Он двигает кони – пять по уговору.

Олег задумался, мотнул толстой головой:

– Минус два.

– Один.

– Два, – повторил Олег.

– Полтора и забились.

– Два.

– Хер с пацаном. Пусть кончается. Потерплю... – Виталий полез за сигаретой, неторопливостью движений демонстрируя – торг окончен.

Помолчали. Выпили по рюмке, закусив твердым зеленым виноградом.

– Ладно, – сказал Олег. – Полтора.

– Значит в остатке три с половиной.

– Мог бы не говорить, – Олег поморщился. – Я до двух считать умею.

– А я нет, – радостно осклабился Виталий. – Поэтому и озвучиваю, чтобы не ошибиться. – Не торопясь, вынул мобильник. – Вовчик... Короче: пацан своё отходил. Вытаскивайте. И это... Скорую дёрните.

Они смотрели на экран, где почти побежденная выюгой фигура уже стояла на одном колене. Но через минуту снова выпрямилась и, наклонившись вперед, замерла, словно человек повис на затянувшемся порыве ветра.

Прошла еще минута, кончилась и другая. Виталий снова выхватил мобильник.

– Алло, Вован, ты что, не понял?.. Что значит, подготовка?! Ластами шевелите!

Но пришлось подождать ещё, пока на краю экрана возникли, наконец, двое в дутых желтых куртках. Переваливаясь на круглых тяжелых ногах, они добрались до красного комбинезона, подхватили его с боков. И Виталий, потеряв разом интерес к происходящему на мониторе, повернулся к товарищу:

– А насчет Кировского думай быстро. Я долго ждать не буду.

– Завтра отвечу, – буркнул Олег.

– Ну, давай еще по рюмашке. За счастливый конец экспедиции. – Виталий потянулся за бутылкой, но захохотав, опять откинулся в кресле. – Олежка, видел бы ты сейчас свою рожу...

V

Двадцатипятилетний Андрей Семенов скончался в БСМП двадцатого июля, через три дня, как был доставлен в больницу с сильнейшими обморожениями. Каким образом получил их молодой человек в тридцатиградусную жару, у персонала больницы вопросов не вызвало. И не такие бывали случаи. Здесь же всё более-менее очевидно – человека в педагогических целях сунули в морозильную камеру. Стало быть, бизнес...

В сознание Андрей не приходил. Только раз, словно специально подгадал к визиту своего, видимо, делового подельника. Высокий, сухоощавый человек с острым лицом постоял около его постели с полминуты, даже не присаживался, но больной открыл глаза, пробормотал в явном бреду – «Антарктида... похороните...» – и снова забылся.

...Звезды в небе поскрипывают от холода. Или это трещит в своих недрах трехкилометровый панцирный лед. Но ветра нет. Ясно и тихо. И звездам сверху хорошо видно впаянный в лед небольшой деревянный крест. Может, они различают даже, как просвечивает из-под льда черная крышка гроба...

Двадцать тысяч долларов. Затратное дело – похороны в настоящей Антарктиде. А ведь по договору Андрей получал только десять тысяч, и только в случае успешного завершения экспедиции. Так что чистая благотворительность. Но сердцу не прикажешь – Виталий привык подчиняться душевным порывам, даже самым непрактичным.

И бизнес-проекты у него потому случались такие же – чистая убыль. Превращение городского холодильного комбината в ледяной материк оказалось именно из таких. Два года ангар-Антарктида пустовал. Проектов и предложений – ноль. Кроме Узбека с бараниной. Но Виталий держался. А в этом году словно прорвало. Через неделю стартует «Антарктида-2». Нашелся рискованный мужичок. Сразу после него пойдет другой проект – двое хотят на лыжах махнуть через Северный полюс. На подходе и еще три-четыре подобных предложения – желающих появилось, хоть в очередь строй.

А сколько нашлось тех, кто хотел бы на это смотреть! Вот чего Виталий не ожидал, но отреагировал быстро. Есть уже специальный зал – столики, мягкие диваны, приличный бар. Ну и, конечно, монитор во всю стену. Это если о форме. А по содержанию, в центре проекта – скромнейший тотализатор. Абсолютно буржуазный – никакой урлы и криминала. Интерес есть, в этом Виталий не ошибся. И как иначе? Чай, не тараканы бега. Самое креативное шоу в городе, а может, и на юге России.

...Звезды скрипят и почти крошатся от мороза – к рассвету совсем похолодало. А внизу, на земле, начинается ветер.словно битым стеклом, сыпет мелкой колючей поземкой. Деревянный крест, чтобы не упасть, кажется, кренится вперед. И монотонно звенит при порывах антарктической выюги табличка, наполовину залепленная снегом, из-под которого выглядывает начало английской фразы: «To strive, to seek...».

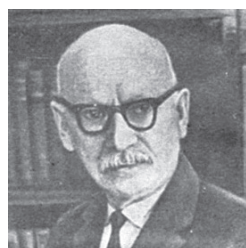

ФЕВРАЛЬ 2018

2 февраля – 140 лет назад родился чувашский писатель и фольклорист Григорий Тимофеевич Тимофеев (2.02.1878, с. Старая Тюрлема Чебоксарского у. Казанской губ., ныне Козловского р-на Чувашской Республики – 17.10.1937, г. Абдулино Оренбургской обл.). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1896). Главный литературный труд – сборник этнографических очерков и фольклорных материалов «Девять деревень». Собирал сказки, легенды, предания, наблюдал за бытом населения, обрядами и обычаями чувашей.

2 февраля – 110 лет со дня рождения писателя Евгения Дмитриевича Люфанова (2.02.1908, г. Моршанск Тамбовской губ. – 6.12.1989, г. Воронеж). Автор книг прозы «Повесть о барашевских днях» (1931), «Исламов» (1934), «Накануне счастья» (1963), «Набат» (1967), «Великое сидение» (1982) и др. Приезжал в Ульяновск для сбора материалов к трилогии о В.И. Ульянове-Ленине: «Самый короткий путь. Симбирские были» (1970), «Мятежная юность» (1974), «Молодецкий курган» (1980). Член Союза писателей СССР (1934).

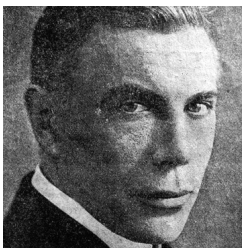
3 февраля – 55 лет исполняется поэтессе Марине Юрьевне Субиной (р. 3.02.1963, г. Ульяновск). Окончила исторический факультет Ульяновского педагогического института (1987). Работала библиографом в Ленинском мемориале, с 2006 года – заведующая

Квартирой-музеем В.И. Ленина. Основатель литературного молодежного салона и редактор альманаха «СимбирЛит». Автор книги поэзии и прозы «Мой дом» (2010). Награждена памятной медалью Министрства культуры РФ к 200-летию И.А. Гончарова.

6 февраля – 160 лет назад родился поэт и публицист Семен Александрович Мусин-Пушкин (6.02.1858, с. Часово Мологского у. Ярославской губ. – 3.09.1907, г. Ярославль). Сын дворянки Симбирской губернии Е.В. Толстой, близко знакомой с И.А. Гончаровым. Летом 1870 года домашним

учителем поэта в имении Горки Карсунского уезда был будущий народоволец А.И. Желябов. Автор поэтических сборников «Недопетые песни» (1881) и «Стихотворения» (1907). Публиковался под псевдонимами Семен Часков, Иноземец.

8 февраля – 145 лет со дня рождения режиссера, актера и сценариста Петра Ивановича Чардынина (8.02.1873, с. Никольское Пензенской губ., по другим данным – г. Чердынь Пермской губ. – 14.08.1934, г. Одесса). В детстве переехал с родителями в Симбирск, начал творческий путь в местном

театре. Учился в Симбирской гимназии, с 1890 года жил в Москве. Автор более 120 игровых фильмов, в т.ч. по собственным сценариям. Был режиссером Одесской кинофабрики (с 1923). В Ульяновске сохранился дом его матери Е.П. Красавцевой.

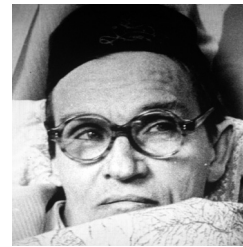
9 февраля – 235 лет назад родился поэт и переводчик Василий Андреевич Жуковский (9.02.1783, с. Мишенское Белевского у. Тульской губ., ныне Белевского р-на Тульской обл. – 24.04.1852, г. Баден-Баден, Германия, похоронен в Санкт-Петербурге). Был в Симбирске

5-7 июля 1837 года, сопровождая в качестве наставника будущего императора Александра II. Отметил прекрасный вид на Волгу и Воложку, нарисовал на Венце для А.И. Тургенева карандашный набросок «Вид Симбирска». Впечатления о городе отразил в своем дневнике.

10 февраля – 80 лет со дня рождения поэтессы Райсы Николаевны Жуковой (р. 10.02.1938, с. Нижняя Вителевка Барышского р-на Куйбышевской, позже Ульяновской обл., ныне не существует).

Окончила Куйбышевский плановый институт (1960). Работала на заводе в Куйбышеве (Самаре) экономистом, инженером отдела труда (1960 – 1998), в ОАО «Энергогарант» (с 1998). В 1968 году в газете «Моторостроитель» опубликовала первые стихи. Автор поэтического сборника «Версты» (1990, г. Куйбышев). Живет в Москве.

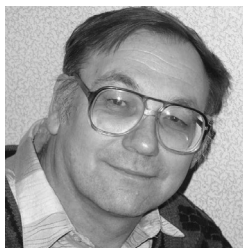
13 февраля – 105 лет назад родился поэт Николай Николаевич Рознатовский (13.02.1913, г. Симбирск, ныне Ульяновск – 20.02.1997, Курская обл.). В детстве жил в поселке Теткино Глушаковского района Курской области. Первые стихи опубликовал в воронежской газете «Молодой коммунар» (1934). Участник войны, служил на Балтфлоте. Печатался в армейских и областных газетах, в коллективных сборниках «Тропа», «Первый взгляд», «Слово бойца» (1985). Автор поэтического сборника «Не погибнет российская нива» (1994, г. Курск).

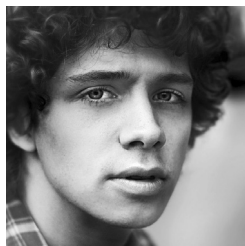
15 февраля – 80 лет назад родился татарский поэт и художник Гакиль Шарифулович Сагиров (15.02.1938, д. Ахметово Октябрьского района ТАССР, ныне Нурлатского р-на Татарстана – 29.07.2009, г. Димитровград). С 14 лет был прикован к постели. Жил в Димитровграде (1990 – 2009). Автор поэтических сборников «Свежий ветер» (1970), «Подсолнухи» (1983), «Неповторимая мелодия» (1994), «Два солнца» (2000), «Тайна сердца» (2006). Член Союза писателей Татарстана. Похоронен в родной деревне Ахметово.

15 февраля – 70 лет со дня рождения поэта Владимира Васильевича Сульдина (р. 15.02.1948, г. Куйбышев, ныне Самара). Окончил Новосибирское высшее военно-политическое училище (1975). Арбитражный управляющий по Ульяновской области (с 2000), живет в пос. Кузоватово. Автор сборников стихов «На грани приличия» (1992), «Тебе, любимая» (2002), «Мои верные друзья» (2004), «Пушистые мечтатели» (2008), «Свети, моя звезда» (2010), «На одном дыхании» (2014) и др. Член Союза писателей России (2009).

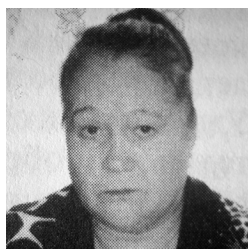

16 февраля – 65-летний юбилей отмечает поэт Александр Дмитриевич Лайков (р. 16.02.1953, с. Икрязное Икрянинского р-на Астраханской обл.). Окончил литературный факультет Астраханского педагогического института (1974), с 1980 года живет в Ульяновске. Посещал литературное объединение «Надежда». Автор поэтических сборников «Красный бутор» (1991), «Из пепла и света» (1993), «Подкова в золе» (1995), «Зимородок» (2011). Лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова (2015). Лауреат премии им. И. Григорьева. Член Союза писателей России.

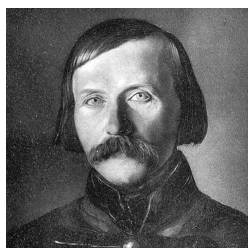
17 февраля – 25 лет со дня рождения поэта Владимира Игоревича Ромбовского (р. 17.02.1993, г. Ульяновск). Внук журналиста Ю.А. Ромбовского. Учился в Ульяновском государственном университете. Стихи пишет с 16 лет. Публиковался в периодических изданиях Ульяновска, Москвы, Санкт-Петербурга, Киева.

Лауреат областного молодежного конкурса «Первая роса» (2012). Автор поэтического сборника «Крылья» (2013). Один из авторов антологии «Ульяновская словесность: начало XXI века» (2015). Живет в Москве.

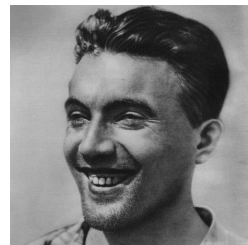

22 февраля – 65-летний юбилей отмечает татарская поэтесса Нажия Касымовна Шагаева (р. 22.02.1953, с. Большая Цильна Буденновского р-на ТАССР, ныне Дрожжановского р-на Татарстана). Член объединения татарских писателей Ульяновской области. Автор сборников стихотворений «Родники

моей молодости» (2009), «Песни полна душа» (2010), «Благодарна судьбе» (2012), «Я влюблена в жизнь» (2014), «День Победы великого народа» (2015), «Любимый родной край» (2015), «Встречая весну» (2016). Живет в селе Большое Нагаткино.

23 февраля – 210 лет назад родился переводчик и фольклорист Петр Васильевич Киреевский (23.02.1808, с. Долбино Лихвинского у. Калужской губ., ныне Белевского р-на Тульской обл. – 6.11.1856, Киреевская слободка Орловской губ., похоронен в Оптиной пустыни близ г. Козельска). Переводил Байрона, Шекспира, собирал народные стихи и песни. Гостил в Симбирске у братьев Языковых весной 1838 года. Издано «Собрание народных песен П.В.Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях» (1977).

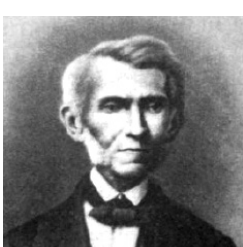
23 февраля – 115 лет со дня рождения чешского журналиста, публициста и литературного критика Юлиуса Фучика (23.02.1903, г. Прага – 8.09.1943, г. Берлин). Несколько раз посещал Советский Союз. В 1930, 1934 и 1935 гг. по пути из Москвы в Среднюю Азию и обратно был проездом на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово. Написал на основании полученных впечатлений книгу «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем» (1932) и цикл художественных очерков. Автор книги «Репортаж с петлей на шее» (1947).

24 февраля – 140 лет назад родился духовный писатель, епископ Серафим, в миру – Алексей Сергеевич Шарапов (24.02.1878, с. Крутое Елецкого у. Орловской губ., ныне Елецкого р-на Липецкой обл. – 22.08.1959, г. Загорск, ныне г. Сергиев Посад Московской обл.). В 1947-1952 годах – епископ Ульяновский и Мелекесский. Автор сочинений «Книга Ездры» (1910), «К вопросу о языке оригинала второй книги Ездры и ее происхождение» (1914), «Святыня в доме» (2011), «Сборник кратких поучений в двух частях» (рукопись).

24 февраля – 50-летний юбилей отмечает поэт и музыкант Сергей Николаевич Кочетков (р. 24.02.1968, г. Тейково Ивановской обл.). С 1993 года живет в Ульяновске. Окончил Ульяновский педагогический университет. Член Ульяновского клуба авторской песни, участник фестиваля авторской песни им. В. Грушина. Автор альбомов «Облака» (2003), «Я тебе пропою», «Что искал» (2008-2009). Печатался в журналах «Мономах», «Карамзинский сад», «Симбирск». Член Российского союза профессиональных литераторов (2001).

210 лет назад родился писатель Павел Тимофеевич Морозов (1808, с. Панциревка Городищенского у. Пензенской губ., ныне Инзенского р-на Ульяновской обл. – 6.04.1881, там же). Работал в Одессе, после выхода в отставку жил в Панциревке. Занимался земледелием, в течение 20 лет изучал климат Поволжья. Автор исследований «История Одессы» (1831) и «Борьба христиан с язычеством» (1839), более 30 научных работ, литературных трудов «3 семьи» (1872), «Из одесских воспоминаний» (1877) и «Деревенские беседы» (1880).

210 лет со дня рождения историка и писателя Ивана Ильича Пупкарева (1808, г. Симбирск – 6.04.1848, г. С.-Петербург). Окончил Симбирскую мужскую гимназию (1823), служил в канцелярии губернатора и местной казенной палате. С 1834 года жил в Санкт-Петербурге. Автор книг «Рассказы моего отца» (1836), «Историко-географическое описание городов Симбирской губернии» (1837), «Описание С.-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии» (1840), «История Императорской российской гвардии» (1845) и др.

*Рубрику ведет
Николай Марьянин,
поэт и краевед*

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ФЕВРАЛЯ

Марина СУБИНА (р. 1963)

СНЕГОПАД

Открывались небес закрома,
осыпая дороги, дома,
необъятную озимь полей,
красногрудый пожар снегирей...
Великаны-сугробы растут,
ветры их разметают и вьют:
неустанно бежит все равно
белоснежное это зерно.

* * *

В миру совсем-совсем раздета
задрогшая душа моя...
Согрей меня! Теплом согрета,
в твоих руках оттаю я.

Душа сверкнет алмазной пылью,
Душа, согрета тобой...
Воспрянут к небу наши крылья,
И станет Раем Ад земной.

* * *

Слеталась стая воронья,
закат ли мой почуяв?
Ужели близко смерть моя,
когда так жить хочу я?

Я отрешусь от воронья,
воды живой добуду...
Прочь улетайте от жилья!
Я буду, буду, буду!

* * *

С небес, внезапно потемневших,
раздастся трубный глас,
и мириады звезд блестевших
сокроются от нас.

Тяжелой темнотой насыщен,
остынет мир земной,
заезжен и давно не чищен,
как дворик проходной.

Не все ль равно, какой стихией
придет лихая смерть?
И сонмы душ – листы сухие –
небес примет твердь.

Василий ЖУКОВСКИЙ (1783 – 1852)

ЖАВОРОНОК

На солнце темный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поет, на солнышке сверкая:

Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны.

Здесь так легко мне, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно;
Весь Божий мир здесь вижу я.
И славит Бога песнь моя!

ЛИСТОК

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;
С тех пор по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится,
И легкий розовый листок».

СМЕРТЬ

То сказано глупцом и признано глупцами,
Что будто смерть для нас творит ужасный свет!
Пока на свете мы, она еще не с нами;
Когда ж пришла она, то нас на свете нет!

* * *

Теснятся все к тебе во храм,
И все с коленопреклоненьем
Тебе приносят фимиам,
Тебя гремящим славят пенем;
Я одинок в углу стою,
Как жизнью, полон я тобою,
И жертву тайную мою
Я приношу тебе душою.

Гакиль САГИРОВ (1938 – 2009)

МАЛЕНЬКИЙ МОНОЛОГ

Страну я изъездил от края до края,
Дела начинал, но не взял всех преград.
И время транжирил, беспечно сжигая,
Пустым достижениям был очень рад.

Куда-то надежды мои все уплыли,
Немного прожить уж осталось мне лет,
И вспомнил, как мне старики говорили:
«На нашей земле счастья легкого нет...».

ГИМН МАТЕРИНСКИМ РУКАМ

И почему я не художник?
Зашел бы на высокий склон,
Гранит стесал бы замороженный,
И стал бы памятником он.
Пусть будет память рук хранима
Гранитом этим на века,
Чтобы люди проходили мимо
И кланялись твоим рукам.

ВРЕМЯ

– Сколько, дедушка, ты знаешь!
Целый век уже прожил,
Все прошел, все понимаешь,
И смеялся, и тужил.

– Да, прожил. Людей пугаю
Я морщинками лица.
А прошел – так ощущаю –
Лишь от зала до крыльца.

* * *

К летящим птицам примыкаю,
Стремлюсь за ними в небеса.
Невзгоды жизни забываю –
Пленяет космоса краса.

Но колосок, к руке прильнувший,
Вмиг возвращает в милый край,
От матери-земли идущий
Сигнал доносит: «Не бросай!»

Лишь птицы могут так расстаться
С родной, взрастившей их землей
И над тревогами подняться,
Беспечно выстроившись в строй.

Владимир СУЛЬДИН (р. 1948)

СТАРОСТЬ

Стоит в квартире тишина.
Здесь запах старости особый.
Здесь кот и я. Мы стары оба.
Сидим, обнявшись, у окна.
Мне телевизор надоел
И дико врущие газеты.
За этот год я ослабел,
Но сам себе твержу: «Не сетуй!
Всему на свете есть конец.
Живи в плену воспоминаний.
Они забвенье от страданий...»
А старый кот мой молодец.
Ничем не досаждаст мне,
И боли лечит коготками.
Живем в покое, в тишине.
Нет разногласий между нами.
Порой сидим: глаза в глаза.
И взгляд его меня ласкает.
В души глубины проникает.
Да так, что словом не сказать!
Он мне дает стремленье жить.
Ведь без меня кому он нужен?
Я в магазин, дыша натужно,
Иду еды ему купить...
Когда же старый кот умрет,
Тогда и мой придет черед.

* * *

Слово – звук, оттенок мысли.
Заблуждений свод им выставлен.
Словом смысл неуловим.
Просто мы играем им.
Как проекция двухмерна,
Искажением неверна

Бездны знаний глубина.
Для чего нам речь дана?
Для самих себя обмана,
Самоценности тумана.

Александр ЛАЙКОВ (р. 1953)

ПОДКОВА

Светлане Матлиной

Я шел босиком по горячей земле,
Курганы дышали, как тесто.
Нашел я у речки Подкову в золе,
А суть – только Богу известна.

В рыбацком поселке я жил – не тужил
И, хоть я дитя комсомола! –
С Русалкой водился и с Лешим дружил,
И дергал перо у Глагола!

Но Леший не нужен в больших городах,
Где чахнут в гудроне березы...
Мне крылья подрезал в горах Карабах,
А веру чернобольские дозы.

Полынь да репейник рождает земля
От кровушки русской и пота...
Прибить бы Подкову на башню Кремля
На счастье и благо народа!

Вот с полным ведром стою на крыльце
Живительна волжская влага!
Не брызги, а слезы блестят на лице...
...И все понимает дворняга.

ЯНВАРСКИЕ НОЧИ

Январские ночи студены и долги.
Луна налипает на стекла фрамуги,
И сыплется хвоя с божественной елки,
Как будто заколки с прически подруги.

И тикают ходики возле гардины,
И капает ямбом вода из-под крана,
Как звонкая рифма великой Марины –
Слегка приглушенно, морозно и странно.

Воркует голубкой вода в батарее.
Тепло и уютно. Все в доме уснуло.
Янтарною каплей густой акварели
Мерцает нарядное платье на стуле.

Но дышат соблазном другие картины,
Старинные вальсы, бенгальские свечи,
И вкуса прогорклой осенней калины
Открытые томно роскошные плечи!

Все было и будет прекрасно и мудро:
И елки, и вальсы, и шорохи снега!
Январь истекает. За окнами утро.
И длится любовь до скончания века.

Владимир РОМБОВСКИЙ (р. 1993)

КРЫЛЬЯ ИКАРА

Если мы – всего лишь повторения,
значит, я – тот искренний Икар,
кто полетов низким настроением
предпочел губительный пожар.

Да! По сердцу мне крыло мечтателя.
Разорвать! Ничтожить иго масс!
Тем, кто не хотел быть солнцу братьями,
тяжело понять воздушных – нас.

Может быть, сгорев и камнем сгинувши,
расшибив о воды тела клеть,
с ангельскими крыльями за спинами
сможем мы до солнца долететь.

* * *

Немые стены. Истерт паркет.
Нет ни воды, ни двери, ни окон.
И самой жизни нетленный свет
Пронизан горьким чадающим роком.

Забвенный угол – жестокий бунт
Голодных дум, обративших – в челядь.
Себя раздав, словно хлеба фунт,
Не перестану покорно верить,

Что в предназначенный Богом миг
Я нарисую на голых плитах
Живой Вселенной прекрасный лик,
Где будут миру глаза открыты!

* * *

Пока еще не видя дна,
Но продолжая томный поиск
В местах, где тонет глубина,
В местах, где сомкнут Млечный пояс,
Ступней ощущаю брод,
Светил ласкаясь эхом дальним,
Но пусть отсюда не уйдет
Прозрачный блеск прохладных вод
И белизны моей кристальность...

Петр КИРЕЕВСКИЙ (1808 – 1856)

СОБРАНИЕ ПЕСЕН

* * *

Во собачьей пристани
На людях освистаны,
Во последней вотчине
Собирались барыни,
Собирались барыни
Во людской поварены
Да жевали барина
На плите зажарена,
На плите зажарена,
Промеж плеч пропарена.
– Вот те, глупый барчужок,
Под нос луковый чеснок!
Уж как я ли натолку
В тонку щеку табаку –
Не ходил бы гогольком,
Не лизал бы под хвостом!

* * *

Прилетал сокол к окошечку,
Он садился на окошечко,
На серебряно стеколечко,
На позлащенную решеточку.
Что никто его не видал,
Только видел родной батюшка,
Говорил он своей дочери,
Своей дочери, Катерине-душе,
Своей дочери Михайловне:
– Душа, душа, красная девица,
Прими, прими ясного сокола,
Ясного сокола залетного,
Добраго молодца приезжаго!
– Государь, родной батюшка,
Я бы рада приветила его,
Ретиво сердце испужалось,
Резвы ножки подломились,
Белы ручки опустились,
Златы перстни покатились,
Ясны очи помутились,
Черны брови приморгались.

Сергей КОЧЕТКОВ (р. 1968)

ЗАКРУЖИЛА...

Закружила хоровод осень пьяная,
зажелтила, забросала листвою.
Поплывет под утро дымка туманная
над бедовою моей головой.
Я давно уже такого не видывал,
или раньше был я мыслями прост,
в костерок когда листочки подкидывал...
Ну а пепел – ветер в сумерки нес.
Побродяжничал по жизни я досыта,
и любил, и ненавидел подчас;
что-то делал, не подумавши, просто так,
по отмеренному резал семь раз.
Но тянуло на поляну забытую,
и на речку, где удил окуней,
и к скворечнику, на бане прибитому...
Ничего на свете нету родней.
Пусть давно уже в серебряных вышивках
развевается вихор головы,
я душою поселился на выселках,
и все чаще грусть приходит, увы...
Понесется звонким эхом, покатится
по есенинским просторам мой крик!
Нынче осень в своем желтеньком платице
подарила мне свой сказочный миг.

* * *

Постели мне постель
за туманной рекой,
где поет коростель,
где блаженный покой.
Ты веню мне сплети
из душистой травы,
и со мной пропади
в вышине синевы.

Постели мне постель
за стеною лесов;
скроет листьев пастель
от мирских голосов.
Растерзай, задуши
мой телесный дурман,
все возьми. Лишь души
я тебе не отдам.